

ISSN 2307-6119

Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology

4' 2024

Выпуск 4 (46)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 4 (46) 2024

**ТОМСК
2024**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

*О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университета
(зам. главного редактора);*

*Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека
(г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии, зам. главного редактора);*

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;

А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);

*Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики,
Университет Гамбурга (Германия);*

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Т. А. Гончарова, кандидат исторических наук, доцент ТГПУ;

Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор Университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);

М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Издание включено в подписной каталог «Пресса России». Индекс 82719.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции, издателя:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ИП Копыльцов П. И.

ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56, Воронеж, Россия, 394052.

Тел.: 8-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013.

Подписано в печать: 13.11.2024. Дата выхода в свет: 15.11.2024. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 19,75. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1291/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.

Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Е. В. Литвинова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2024. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 4 (46) 2024

**TOMSK
2024**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

- O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*
*N. A. Tuckkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the "Museum of Nature and Human" (Khanty-Mansiisk)
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*
S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;
*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);*
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);
E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);
E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);
L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;
V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);
Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);
Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);
T. A. Goncharova, candidate of historical sciences, associate professor of TSPU;
Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);
N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;
L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;
M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the printing house of IP Kopyltsov P. I.

Marshal Nedelin str., 27, sq. 56, Voronezh, Russia, 394052.

Tel.: +7-950-765-69-59. E-mail: Kopyltsov_Pavel@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)

PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 13.11.2024. Publication date: 15.11.2024. Formate: 60×90/8.

Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1291/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: E. V. Litvinova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2024. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
<i>Bitkeeva A. N. Ethnocultural and Language Development of an Ethnic Minority in a Genetically Relative Environment (Field Study on the Oirats in Mongolia in 2024)</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-9-22	9
<i>Бухарова Г. Х. Образ змеи в башкирской топонимии</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-23-30	23
<i>Винклер М.-Э. А. Система аппроксимативных маркеров в якутском языке</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-31-46	31
<i>Добрынина А. А., Шиндрова К. В., Григорьева А. С., Шестера Е. А. Интонация диалога на кумандинском языке (результаты полевых исследований)</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-47-57	47
<i>Ишмухаметова А. Ш. Функционирование билингвизма в Республике Башкортостан</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-58-67	58
<i>Ковылин С. В. О Распределении финальных гоморганных согласных -т / -р, -п / т, -η / -к в диалектах селькупского языка</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-68-78	68
<i>Норманская Ю. В. Классификация селькупских диалектов в XVIII в. с помощью программы ЛингвоДока</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-79-91	79
<i>Озолина Л. В. О некоторых стратегиях выражения атрибутивности в орокском языке</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-92-99	92
<i>Селютина И. Я. Корреляция вокальных и консонантных компонентов словоформы в тюркских и монгольских языках</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-100-111	100
<i>Хилханова Э. В., Дырхеева Г. А. Язык и этническая идентичность в зеркале переписей населения и региональных обследований: на примере бурятского языка</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-112-126	112
АНТРОПОЛОГИЯ	
<i>Напольских В. В. Праенисейский «мамонт» и окуневская иконография</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-127-142	127
<i>Сагалаев К. А. Визуальная фольклористика: от видеофиксации к комплексному исследованию</i> DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-143-152	143
НАШИ АВТОРЫ	153
AUTHORS	155

CONTENTS

From the Editors	8
LINGUISTICS	
Bitkeeva A. N. Ethnocultural and Language Development of an Ethnic Minority in a Genetically Relative Environment (Field Study on the Oirats in Mongolia in 2024) DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-9-22	9
Bukharova G. K. The Image of the Snake in Bashkir Toponymy DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-23-30	23
Winkler M.-E. System of Approximative Markers in Sakha DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-31-46	31
Dobrynina A. A., Shindrova K. V., Grigorieva A. S., Shestera E. A. The intonation of the dialog in the Kumandin language (Results of the field research) DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-47-57	47
Ishmukhametova A. Sh. The Functioning of Bilingualism in the Republic of Bashkortostan DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-58-67	58
Kovylin S. V. On the Distribution of Homorganic Final Consonants -m/-p, -n/-t, -ŋ/-k in Selkup Dialects DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-68-78	68
Normanskaja J. V. Classification of Selkup Dialects in the 18th Century Using the Program LingvoDoc DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-79-91	79
Ozolinya L. V. On Some Strategies for Expressing Attribution in the Orok Language DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-92-99	92
Selyutina I. Ya. Correlation of Vocal and Consonant Components of Word Form in Turkic and Mongolian Languages DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-100-111	100
Khilkhanova E. V., Dyrkheeva G. A. Language and Ethnic Identity as Reflected in Censuses and Regional Surveys: the Case of Buryatia DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-112-126	112
ANTHROPOLOGY	
Napolskikh V. V. The Proto-Yeniseian 'Mammoth' and the Iconography of Okunevo DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-127-142	127
Sagalaev K. A. Visual Folkloristics: From Video Recording to Complex Research DOI: 10.23951/2307-6119-2024-4-143-152	143
AUTHORS (in Russian)	153
AUTHORS (in English)	155

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

‘Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology’ was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-272

A. N. Bitkeeva

ETHNOCULTURAL AND LANGUAGE DEVELOPMENT OF AN ETHNIC MINORITY IN A GENETICALLY RELATIVE ENVIRONMENT (FIELD STUDY ON THE OIRATS IN MONGOLIA IN 2024)

The article deals with the cultural and linguistic dynamics in the development of the Oirat ethnic minority in Mongolia, who have lived compactly in a linguistically related environment for several centuries. This includes Oirat ethnic groups such as the Durvud, Torguud, Zakhchin, Myangad, Bayad, Uriankhai, Uuld, Khotgoid, Khoshuud, Khoyt and Khoton. The Oirat language belongs to the western branch of the Mongolian languages of the Altaic language family. It is an ancient written language. The Oirat script “Todo bichg” (clear script) was developed in 1648 by the Oirat scholar Zaya Pandita.

A characteristic feature of the language situation in Mongolia is that most languages belong to the Mongolian language family and are, therefore, surrounded by other closely related languages. The article aims to analyze the dynamics in the development of Oirat idioms in Mongolia under the conditions of a cognate environment in order to specify their linguistic vitality. Language contact between related languages can lead to the assimilation of the language of a smaller language community, usually into a dialect of the dominant language community. Rapid assimilation can occur for several reasons. Firstly, the psychological factor is decisive. As a rule, the speakers of the assimilating language have no psychological barriers, since they are in a culturally and linguistically related environment and are not subject to any moral or psychological pressure from the dominant group, the language change takes place almost unnoticed. Secondly, due to the genetic proximity of the idioms with which they come into contact, the minority languages are restricted in their range of functions, giving way to the dominant language and thus losing prestige. These linguistic processes can be clearly traced in the functional and structural development of the language of the Oirat groups in Mongolia. The article analyzes the language change of the Oirat people in Mongolia based on material from a sociolinguistic field study conducted in 2024 among the Oirat people in Mongolia.

Keywords: *Mongolian languages, the Oirats, language contacts, cognate language environment, language shift, language vitality*

Introduction

Languages functioning in a linguistic environment of related languages are a specific phenomenon of linguistic reality that is conducive to research aiming to discover the characteristic forms and ways of their development in the context of their internal and external factors. It is relevant to focus on a study of the cultural and linguistic dynamics of Oirat ethnic groups in Mongolia, a small part of the population of the country living in compact settlements for a number of centuries. They include such ethnic groups as the Durvud, Torguud, Zakhchin, Myangad, Bayad, Uriankhai, Uuld, Khotgoid, Khoshuud, Khoyt and Khoton.

A specific character of the linguistic situation characterized by close interactions with Khalkha Mongolian is considered, and the Oirat language¹ of these groups manifests a number of distinct features in its development. The present study, focusing on the dynamics of their linguistic and cultural development, fills another gap in the study of Oirat history and culture, contributing to a deeper insight into issues of the ethnic history of both Oirats of Mongolia and Oirat Kalmyks. The article initiated the data collected during the field research in Ulan-Bator, the Khovd, and Bayan-Ulgii *aimaks*² in 2024 [1]. In the large-scale survey, about 110 informants of Oirats participated:

¹ The Oirat language belongs to the west branch of Mongolian languages (Altaic language family). It is an old-written language, the Oirat writing “Todo bichg” (Clear writing) was worked out in 1648 by the Oirat scholar Zaya Pandita.

² An aimak is a modern administrative-territorial division in Mongolia.

40% city dwellers, 60% rural residents, and different social groups (33% students, 45% intelligentsia, 22% workers).

Most scholars in the field of Oirat studies agree that the ethnonym *Oirat* means an alliance of a number of groups united by their language and ethnic identity. However, their opinions differ as far as the etymology of the lexical item is concerned. According to D. Pavlov, *Oyirad* etymologically consists of two parts: *oyira*, the root, meaning ‘close,’ and plural affix *-d* [2, p. 93]. In the late 18th and early 19th centuries, Pallas and Schmidt pointed out that the root *oyira* means ‘near, nearby’ while *-d* means ‘close, close relations’ [3]. D. Banzarov believed that the term *Oirat* is not ethnographic, thus in the Genghis time, it referred to a group of forest dwellers, with *oyi* meaning ‘tree, forest,’ *arad* ‘people,’ so *oyirad* means ‘forest people’ [4, p. 4].

There is very little evidence concerning earlier periods of Oirats as part of the Mongolian people, and it was only in the 14th century that any serious effort was made to study them. According to these data, being one of the feudal divisions of the Mongolian Empire, the Oirats of this period occupied the Tarbagatay region and Western Mongolia and had their own language and culture. Some scholars believe that the Oirats emerged as an ethnic entity due to a consolidation of four alliances of groups belonging to the Western branch of Mongolians after the collapse of the Mongolian Empire in China in 1368. They united into the *Oirat Confederation of Four Tümen*, an alliance of four closely related ethnic groups, to build later their Dzungar Khanate and become a formidable power in the region. From the late 14th century, the Oirats had begun to move along the Upper Irtysh as far as Ili and Tarbagatay. In the late 15th century, they moved in different directions and their alliance began to disintegrate so that in the late 16th century, some factions of the Oirats left Dzungaria to the West for various economic and political reasons and eventually settled in the Volga Steppe, where they gradually became known as the Kalmyks. After the defeat of the Dzungar Khanate in 1757-1758 and the massive killing of its population by the Manchu-Chinese army of the Qing Empire, half of its former territory was incorporated into the Khovd district of Western Khalkha together with the surviving Oirats. The 30 *khoshun* of the Oirats who had remained in the territory of Mongolia formed an Oirat alliance under Togon Taishi and his son Esen Khan. The Oirats called themselves *Ulan Zalata* (literally *with red tassels*) and believed that they had their unique Oirat culture. The Oirat groups that were once part of the alliance moved in different directions after the collapse of the *Dzungar Khanate* to settle in different regions: the Uriankhai and Uuld stayed in Khovd and Altay, the Myangad lived along the Khovd Hol River, the Torguud moved to the Bulgan River, and the Zakhchin occupied the Sharkhulsan region along the Khovd Hol. They have remained in these areas to this day.

In the late 12th and early 13th centuries, Mongolian dialects spoken by different groups of Mongolian clans and families were variants of the common Mongolian language. There are many notes on the oral Mongolian of this period, including lists of words, phrases, and glossaries. The analysis of these materials shows that the diverse Mongolian groups forming part of the Genghis Empire spoke the dialects of the common Mongolian language, and the differences between them had less radical character than those of present-day Mongolian languages. According to G. Sanzheev, after the collapse of the Empire, the remaining ethnic groups scattered over different territories. Their common language was lost due to the lack of a widespread standard variant, which might have become a uniform base, connecting separate Mongolian groups whose dialects had failed to lose their differences and form one language. Later, those dialects had their own distinct ways of development [5, p. 34]. The language spoken by Oirats was a variant of common Mongolian, but it was also known for its distinct character among the dialects of other Mongolian groups. The great Persian scholar Rashid-ad-Din pointed out this fact in his manuscript, and he wrote, “Oirats somewhat differed from the rest of Mongolians by their language. Though it was Mongolian, the Oirat language still had a difference from those spoken by other ethnic groups” [6, p. 118–119].

Hudm Bichig, the Mongolian script, appeared in the early 13th century and developed based on the Uyghur writing system, a variant of the Sogdian alphabet related to the Aramaic one. Oirats had used this common Mongolian writing system by the mid-17th century when, in 1648, in the heyday of the Dzungar Khanate, Namkai-Dzhamtsa Zaya Pandita, the great Oirat educator, developed his Oirat writing system which was called *Todo Bichig*, or Clear Writing. This remarkable event also marked the beginning of the Oirat language development based on the dialects of the Mongolian groups, forming the Oirat Alliance. The language's vocabulary expanded due to Oirats' language contact with other ethnic groups.

Thus, the formation of the Oirat people within their own state structures required further efforts to promote their culture and development. According to D. Pavlov, the development of the Oirat Clear Writing was due to a number of factors: 1) the new writing system was to promote all the aspects of the developing Oirat society; 2) it was to contribute to the spread of Lamaism among the people and do away with the influence of Shamanism and 3) it was to stop the discrepancy existing between the written language (Old Mongolian) which reflected the outdated pronunciation and the current norms of Oirat speech [7, p. 43-45]. Scholars have highly estimated the role of the Oirat Clear Writing. Thus acad. B. Vladimirtsov pointed out that "Zaya Pandita did not simply introduce new letters and new orthography but worked towards developing a new standard, the written form of the Oirat language, and he quite succeeded in fulfilling his task as the founder of the general literary norm developed on the basis of Oirat tongues" [8, p. 25-26]. According to D. Pavlov, "Thanks to a largely uniform character of the Oirat dialects Zaya Pandita was able, in addition to a perfect writing system, to develop a literary language which was *on a par* with other written languages of the time in its style and richness of linguistic resources. Hence, the new script and literary form gave impetus to the development of Oirat literature" [7, p. 68].

At this point, it should be noted that the Oirats, staying on the territory of Mongolia, can be subdivided into two groups in accordance with the time they moved there.

1. Oirats who moved for various political reasons to Mongolia in the 17th century, such as Khoit, Batud, and other groups, escaping from their princes to join Khotgoid *noyons* of the Altin Khans' state in Khalkha; Oirats who were given to Khalkha princes as part of dowries when marriages took place between the families of Oirat *noyons* and rulers of Khalkha; and those who stayed behind after the wars waged by Galdan Boshogtu Khan, the ruler of the Dzungar Khanate, against Khalkha princes in the period from 1688 to 1697.

2. Oirats who joined the Qing Empire during the last days of the Dzungar Khanate and after its collapse given by the Qing authorities to the Mongolian princes, awarding them in this way for their collaboration in the military activities against Dzungars [9, p. 16].

Therefore, the Oirat ethnic groups, one of the largest groups of Mongolians today, were formed at different periods. At present, the Oirats, having lost their independence as a result of certain historical events, are part of the population in the territory of three neighboring countries: Mongolia, Russia, and China.

The linguistic situation in Western Mongolia. The development of the functions of a language and spheres of its use depend on social circumstances, including such important factors as its status, linguistic situation, and language policy. As a rule, the interactions of ethnic languages and a state language entail various controversial issues because "the absence of outside impetus to the development of the functional properties of a language results not only in the loss of balance between its potentialities for growing both inner structural and outer systemic variations but also in a gradual reduction of these components, thus finally the language may be degraded to a dialectal form or lose most of its functional aspects" [10, p. 5].

The state language of Mongolia is Mongolian, according to *the Law of a State Language of Mongolia*, adopted for the first time in 2003. Prior to this law, the linguistic situation in the country

had been regulated by certain articles of the Mongolian Constitution (1992) and a number of other legislative acts, which also pointed out that Mongolian was a state official language of Mongolia, having a complete set of social functions. According to the census of 2020, the major component of the population in the country is Khalkh-Mongolians (83, 80%, in 2010 – 82.4%) [11, p. 52; 12, p. 26]; hence the social functions of their language are much wider than those of other thirty ethnic groups of the country.

The total number of Oirats in Mongolia is over 400,000 people, including about 270,000 in Western Mongolia (mostly in the Uvs and Khovd aimaks). As has been mentioned before, the Oirats are comprised of a number of smaller ethnic groups, such as the Durvud, Torguud, Zakhchin, Myan-gad, Bayad, Uriankhai, Uuld, Khotgoid, Khoshuud and Khoyt who speak Oirat dialects of the Mongolian group of the Altaic family of languages. As part of a unique social communicative system, Oirats dialects in Mongolia show a number of specific features in their development. The speakers of Oirat dialects and dialectal forms use them in their interactions, and they also have a fluent command of the literary Mongolian language. Notably, most of these modern dialects are very close to each other, so their speakers usually understand each other without much difficulty. But at the same time, the research has shown that some ethnic groups of Oirats, especially those living in town, have faced assimilation problems, entailing their adoption of Khalkha-Mongolian.

The Durvud. This most numerous ethnic group of Western Mongolia lives in the somons of Buhmuren, Turgen, Sagil, Davst, Ulaangom, Ulgiy, Umnygovi, Hovd, Naranbulag, Zavkhan of Uvs aimak and somons of Durgen, Tsagan-Nur of the Khovd aimak, as well as in some other regions of Mongolia. According to the census of 2020, they were 83,719 (2.6%) in number, while in 2010, there were 72,403 (2.8%) of them [11, p. 52; 12, p. 26]. The Durvud are comprised of such clans as Tsoros, Targad, Tsoohor, Khoshuud, Duraal, Shaazgan, Khoid, Sharayd, Tsagachuud, Borluud, Shangas, Bulgadar (Bilgadr), Tongoruud (Tongrud), Khir-gis, Hkarnuud (Kharnyud), Khereyd (Keriad), Ih Tugtan (Tugtun Utuggyn), Baga Tugtan, Tsagan Tugtan, Bulgad, Zutarag (Zuutryg), Zyod, Tsasan, Mongul-mood, Khari-yarga, Byogyud (Byoo) and others [13, p. 95].

It should be noted that in the second half of the 19th and first half of the 20th centuries, some groups of Durvud were extinct. This is evident if we compare the evidence in G. Potanin's and K. Vyatkina's works with that of modern Mongolian scholars. The Durvud made up the major aimak of the Dzungar Khanate; according to legends, they were the descendants of the four children of Duva Sohor, the forefather of ancient Mongolians. From the 15th to the 17th centuries, as part of the Oirat Confederation, they lived along the rivers of Talas and Erchis; later, a faction of them followed the Torguud to travel to the Volga region of Russia while the rest of them stayed behind in the Dzungar Khanate. Since 1789, the Durvud were assigned to serve as the Altay guards [14, p. 138]. In 1911-1912, as a result of the national liberation movement in Mongolia, the Mongolian state was established, and the Khovd region became its part. At the time, the delegations from the two Durvud aimaks appealed to the Mongolian government for citizenship in the Autonomous Republic of Mongolia.

Regarding the ethnonym Durvud, some scholars believe it might have originated from the singular form of the numeral *dyorben* 'four,' though the *Secret History* does not indicate any interpretation of the ethnonym along these lines. Considering the historical context of the time, G. Sanzheev suggested that when it was being formed, the ethnic group got its name associated with the numeral because they were descendants of Duva Shohor's *dyorben* 'four' sons. Rashid-ad-Din mentioned *Durban* in his chronicle. Already in our time translating the *Secret History* into modern Mongolian, Ts. Damdinsuren used the numeral *dyorben* in its plural form as the ethnonym when he wrote "Durvud ovogton bolov," i.e., "they became to be known as the nation of Durvud."

According to B. Vladimirtsov, the Khovd Durvud made use of both writing systems: Old Mongolian *Hudm Bichig* and Oirat-Kalmyk *Todo Bichig*, though they used the former more often despite

the fact that they got to know *Hudm Bichig* only in the 19th century. They had only manuscripts in Oirat and both manuscripts and xylographs in Mongolian. It is interesting that literacy spread among the social strata of Durvud, as it seems only the nobility and clergy could read and write. Lamas knew only Tibetan and had no knowledge of Mongolian. Besides, Manchu was still used as the language of documents, while Chinese and Uyghur were no longer used.

The Uriankhai. There are small groups in the somons Altay, Buyant, Bulgan, Bugat, Sagsai of the Bayan-Ulgii aimak and in the somons of Munkhkhairhan, Duut of the Khovd aimak. According to the 2020 census, there were 29,021 (0.9%) in number, while in 2010, there were 26,654 (1%) of them [11, p. 52; 12, p. 26]. By their origin, they are divided into two groups: Mongolian and Turkic. We will discuss the Mongolian group on Uriankhai.

The Uriankhai are one of the indigenous ethnic groups of Mongolia, and they were a major power at the time the Mongolian Empire was being formed. In the Yuan state, they settled down among Oirats, some of them joining their Confederation and the rest moving to Eastern Mongolia. Y. Grumm-Grzhimaylo points out that the ethnonym was used earlier to refer to the indigenous population of the Uriankhai region while, in fact, some small groups in Mongolia and Altay, in particular, in the eastern part of the Chyorny Irtysch estuary and up the Urungu River, were also known under this name. According to G. Potanin, they were the descendants of the Uriankhai of the Middle Ages, mentioned by Rashid-ad-Din as one of the ‘forest tribes.’ The scholar added that the ethnonym was first used to refer to all the ethnic groups populating the mountainous and forest area in the northern part of modern Mongolia, even if they spoke different languages. The Mongolian-speaking Uriankhai were originally Turks who dropped their Turkic mother tongue. He points out that there was no uniform name for them as Mongolians called them Uryankha, Kokchulutun (i.e., ‘having blue stones’ from Mong. *hoh chuluu* ‘blue stone’), Monchak, as well as Kokmonchak (i.e., from Tuv. *kok monchak* ‘blue ribbon’); they used to decorate their headgear with blue ribbons or blue beads [13].

The modern Uriankhai are part of the Mongolian group, living mainly in Western Mongolia, forming the Oirat cultural and linguistic community. Most of the older generation knows the names of their clans and families. According to the informants, from the 18th to the early 20th centuries, the ancestors of present-day Altaic Uriankhai used to live on the western side of the Mongolian Altay, in particular, in the upper Irtish area, as well as in Kyok Tokay, Sary Sume, Ebin- kool, Urungu, Chingil (Khoit Chingil), Chokur-Elesin and Tozhu-yurt, their neighbors being Kazak, Chinese, Tatar, Uyghur and Dungan. In an earlier period, they lived in the east - near Lake Baikal and in Northern (Khentii) Khangay; this toponymy is still preserved in the folklore of the people. Up to 1907, Uriankhai lived in the seven khoshun of Western Mongolia ruled by the Khovd Hebey-Amban; already in the 19th century, many of them had been mongolized. During the Revolution, they moved to the somons of Bugat, Sagsay of the Bayan-Ulgii aimak, and the somons of Munke-Khairhan, Dut of the Khovd aimak. According to Y. Ayizhy, an ethnographer, Uriankhai do not differ much from Durvud, their neighbors, in terms of their language, material and spiritual culture, but they also have some specific customs and traditions that Mongolians lack [15, p. 7]. Thus, it is obvious that the people have undergone the acculturation process, with many of them adopting Mongolian and Buddhism.

The Torguud. Originally, the Torguut were a Western Mongolian ethnic group. They were the khans’ guardsmen at the time of the Mongolian Empire. Later, they joined the Oirat Confederation as its major aimak, but then at the time of the Oirat apogee, Khorlyuk, the leader of Torguud, quarreled with other Oirat leaders and in the 30s of the 17th century left Tarbagatay with his people for the Volga steppes where they remained independent up to the 18th century. Some of the Torguud clans stayed behind, remaining part of the Dzungar Khanate, but after its collapse, Shiyren Taydji, with his 10,000 households, also moved to the Volga. In 1771, however, led by Shiyren Taydji and Ubushi Khan, the Torguud returned to their former homeland. There is a compact settlement of the Torguud

in the Bulgan somon of the Khovd aimak. According to the 2020 census, there were 15,596 (0.5%) in number, while in 2010, there were 14,176 (0.5%) of them [11, p. 52; 12, p. 26].

According to V. Gungaadash, the ethnonym *Torguud* was derived from *torgon tsereg*, the term used to refer to the guardsmen of Mongolian khans in the 13th c. Kh. Luvsanbaldan believes that it originates from Turkic *tur*, which means ‘stand up, standing, day guard,’ with the plural affix *-uud* added to it *turhag* (*turgat*) was formed. According to Zh. Tsooloo, the ethnonym *Torguud*, was produced due to a change in the pronunciation of a vowel in the word *turag*, meaning ‘big, tall and strong.’ The words *turhag*, *turgag* mean guardsmen who used to serve at the nobles’ places in old times.

The Uuld. The first evidence about them is contained in historical records dating to the 15th century. According to Oirat chronicles, Khamag Taishi, Esen Khan’s grandson, had some Tsoros families among his subjects whom he called Uuld. Uuld were one of the major aimaks of the Oirat Alliance. In the late 17th century, led by Galdan-Boshogtu, they moved along the Khovd River to settle down in the region and start farming. Their compact settlements are located near Ubsu-Nur Lake in the Erdeny-Buren somon of the Khovd aimak. According to the 2020 census, they were 14,666 (0.5%) in number, while in 2010 there were 15,520 (0.6%) of them [11, p. 52; 12, p. 26]. There are over twenty clans of Uuld, including Burguud (Khar-Burguud, Tol’ton-Burguud), Elzhiged/Ilzhged, Bailgas, Avgas, Toos, Tsuvdag (Hhulan-Tsuvdag, Khulkhay-Tsuvdag), Egyos, Boroldoy / Borulta, Tsoros, Shar-Mongol, Tsagaantug, Khoid, Mundas, etc. When asked about the origin of the name of their most numerous clan of Burguud, the elders failed to explain, though they denied it had anything to do with the word *byurged* ‘golden eagle.’ N. Ekeev associates *Burguud* with another well-known ethnonym *Buruut* (*Buruud*) as in modern Mongolian languages (except for the Uuld and some other Oirat dialects), the letter *g* tends to be lost in some proper names as compared with the Old Mongolian written form [13, p. 94].

The Zakhchin. Since 1755 the Zakhchin have lived in a compact way in the somons of Mankhan, Dzerek, Altay, Must, Uyenchy of the Khovd aimak, though many of them also live in some aimaks of Central Mongolia. According to the census of 2020, they were 37,407 (1.2%) in number, while in 2010, there were 32,845 (1.2%) of them [11, p. 52; 12, p. 26]. According to some scholars, the ethnic group was formed from different Torguud, Durvud, and Uuld clans who were military settlers guarding the eastern borders of the Dzungar Khanate at the time of Galdan Khan. There are about fifteen clans of Zakhchin, including Khereed, Byugyunyuud, Kharchin, Kharnuud, Khirgis, Khyunkheer, Shangas, Emch, Taraachin, Buuchin, Turdaankhan, Nokhoinkhon, Shambiynkhan, Kharazargynkhan, etc [14, p. 138].

Their ethnonym is believed to come from Mong. *zakh* ‘edge’ because they served as border guards. Since 1754, they had been under the Manchu rule; during the period of the Autonomous Mongolian Republic and Bogdo Khan rule, they became the subjects of Unen-Zorigto, the Durvud Khan.

The Myangad. This ethnic group with a distinct character lives in the somon of Myangad of the Khovd aimak. According to the 2020 census, there were 8,125 (0.2%) people, and in 2010, there were 6,592 (0.3%) of them [11, p. p.52; 12, p. 26]. As they had been under the rule of different Mongolian and Turkic dynasties, Myangad as an ethnic group originated from a mixture of Mongolian and Turkic clans. According to one of their clan histories, they separated from Khotgoid to settle down on the banks of the Khovd-Gol River. G. Potanin pointed out that they believed that their people were part of the Tangnu-Uriankhai nation, while N. Bichurin wrote that they were related to Durvud; during Galdan Khan’s rule, some of them were sent by Dzungar to Talas, in 1757, they were returned to join the Dzasaktu Khan’s aimak, and in 1765, they were sent to the north of

Khovd to become the subjects of the Khovd Khebey-Amban'. There is also another opinion, according to which they were part of Turkic-speaking Tatars but later separated from them to become a distinct group.

As far as their ethnonym is concerned, it is believed to come from the word *Mangd* 'Tatars'. N. Ekeev points out that some Myangad clans worshipped Okon-tengry (Lkhamo) as their deity, making sacrifices with white horses and blue ewes. The Bashgid clan worshipped Ataa-tengry, the head of eastern tengry, making sacrifices with speckled-brown horses, while the Khirgis clan had Khayrkhan as their deity, whom they sacrificed blue-gray horses. Thus, the differences between these three groups in terms of their make-up and religious beliefs show that modern Myangad have come from three distinct ethnic groups [13, p. 95].

The Khoshuud. The descendants of this Oirat ethnic group live in the Bulgan somon of the Khovd aimak. According to the 2000 census, there were 183 people, and in 2020, there were 382 of them. They appeared on the historical scene as one of the major allies of the Oirat Confederation during the Min dynasty in China. In *Men-gu-mu-tsi*, one of the Chinese sources dealing with Mongolians, there is a reference to Khoshuud, Dzungar, Durvud, and Torguud as the four Oirat groups at the time of the Min dynasty. No references to Khoshuud are found in Mongolian sources dealing with the history of Mongolians and Oirats in the 15th century. This fact can be interpreted as evidence showing the absence of such people at the time or that they might have been known under some other ethnonyms. Their history is very controversial. Thus, when they joined the Confederation, the Tsoros rulers were at the head of this union, but they were then substituted by Khoshuud, who had become an important force among the Oirats. The people believe they belong to Bordzhigit, the direct descendants of Chinggisids, as their chieftains come from the family of Djuchi Khasar, Genghis Khan's younger brother. The Bordzhigit descendants became the leaders of the Oirat military alliance. As part of the Oirats, the Khoshuud were influential, shaping the history of the Oirat and Kalmyk populations and their neighboring states and nations in Central and Inner Asia.

The Bayad. This Oirat group left Dzungaria with Durvud in 1753-1759 to settle down in Khalkha. In the past, they were one of the divisions of the Durvud and, together with them, were ruled by the Tsoros leaders of Dzungaria. In the 12th and 13th centuries, they were known as Djida Bayagud, Bayagud Duklas, and Kheeriyin Bayad. They joined the Mongolian Empire as part of the Oirat Confederation; much later, after the Dzungar Khanate's collapse, they settled with Durvud near Uvs Nur Lake.

At present, they form compact groups in the somons of Khirgis, Malchin, Tes, Dzun-Goby, Naran-Bulak of the Uvs aimak, as well as other aimaks of Central Mongolia. According to the 2020 census, there were 63,775 (2%) people, and in 2010, 56,573 [11, p. 52; 12, p. 26]. B. Vladimirtsov described their language, culture and everyday life in his *Report on the Study Trip to Bayad of Kobdosky District*. During his study trip, the scholar managed to record three long epic poems, a story devoted to Djanggar, 15 folk tales, 30 songs, and about 100 proverbs and riddles [16].

The Khoyt. They were one of the five main Oirat groups. They live in the somons of Turgen and Ulan-Gom of the Khovd aimak, where they settled down in 1755 after Durvud had left the region. There is also a small group of them in the somon of Sharga of the Govi-Altai aimak. They number 5,000 people in Mongolia and 15,000 people in China [14, p. 139]. According to some Mongolian researchers, this ethnic group contributed to the growth of Khotgoid. N. Bichurin pointed out that the Khoyt were related to Durvud. They separated from them in the period of Tsevan Rabdan rule in the first quarter of the 18th century but later joined them again.

The etymology of the ethnonym is also still under discussion. Since *khoyt* means 'north,' 'behind' in Chalkha-Mongolian, Nyansambu and N. Zhukovskaya interpret the term as a reference to

the geographical location of the people who settled in the north [17, 18]. However, Sh. Norbo pointed out that in the 17th century, they traveled on the farthest southern part of the Oirat territory, particularly in Zultus and the three rivers of Tashigay alongside the Khoton. In his opinion, it seems more plausible to associate *Khoyt* with *Soyot* ~ *Soyit*, the name of ancient Samodian groups. This is supported by some phonetic evidence as in a number of languages of ethnic groups, related to Oirats, there is a change of consonants *s* ~ *kh*. Others believe that the proper name was derived from *khyod* ‘sheep’.

The Khotgoid. At the time of Genghis Khan, the Khotgoid lived by the Chorny Irtysh and began to be associated with Oirats in the 16th and 17th centuries under Zosoktu Khan’s rule. They settled down on the territory of the modern Khuvsgul and Zavkhan aimaks. First recorded in the Mongolian chronicle of *Altan tobchi*, they were described as the population of the Chorny Irtysh valley. G. Potanin grouped them with Western Mongolians, but it should be noted that at the time of his visit, the people’s acculturation process and a shift to Mongolian culture were not conspicuous. S. Purevzhav points out that they are descendants of the Khoyt who were part of the Four Oirat coalition in the Middle Ages. In his study of the Khotgoid of the 18th c. at the time of the dissolution of Altan khans’ principedom, S. Chuluun points out that they had some traditions, differing them from the Khalkha as they wore boots fashioned after those of Myangad and their women had tsegdek³ dresses like Myangad women. As the scholar believes that most Western Mongolians, including Myangad were mongolized Turks, he assumes that the Khotgoid also belong to the same group.

As for the origin of the ethnonym, G. Potanin, for example, supported the idea that it was a compound formed by combining *Khoto*, or *Koto*, the name of the extinct Dinlin tribe of Kotto, and *Gaytu*, the proper name which was in use in Southern Siberia. S. Purevzhav also thinks that it is a compound consisting of two components *khoyt(d)* and *goyt(l)*, though associating it with the Khoyt who settled in Khalkha and lived beside the Khalkha and since in their pronunciation *khoyt* sounded like *goyt*, they became known as Khoyt-goyt which gradually became Khotgoid. According to the 2020 census, there were 8,583 (0.3%), and in 2010, there were 15,460 (0.6%) of them in Mongolia [11, p. 52; 12, p. 26].

The Khoton. In the past, they were a Turkic-speaking people and Muslims. Some scholars believe Dzungar rulers resettled these descendants of the Uyghur from Eastern Turkistan in their Khanate to do farming, i.e., they belonged to the Oirat population of Dzungaria. B. Vladimirtsov pointed out that they came from the land of Kunker Khan (the title referred to all the rulers of Inner Asia). He believed they were once a sedentary group of Turkic people living in Southern Kazakhstan and were farmers. There is a point of view that in the mid-18th century, their ancestors were driven to Dzungaria by the Oirat Khan Tseren-Ubashy, who in 1754 became a Manchu subject. Thus, the Khoton joined the Oirat Confederation, became Oirat military men, and settled near Ubsu-nur Lake.

They do not have any legends about their past. According to some scholars, originally related to the Kazakh people of Zheetekey, the Khoton mixed with the Durvud as they had lived among them for over 200 years. As a result of these processes, their seven clans were mongolized, and their mother tongue was dropped. Though B. Vladimirtsov pointed out that they differed to a great extent in their appearance from Durvud, their neighbors, as their eyes were not slanted, they had straight noses, and quite many of them wore beards. Their mother tongue, originally related to the Kazakh and Kara-Kirghiz languages, had undergone profound changes due to the influence of Mongolian in the early 20th century to be completely ousted later. They have also become Mongolians in their everyday lives, although they remember that they were once a separate group. They currently live in

³ A tsegdeg is a women’s dress without sleeves.

the somon of Tarialan of the Ubsnur Aimak. According to the 2020 census, there were 12,057 (0.4%) people; in 2010, there were 11,304 (0.4%) [11, p. 52; 12, p. 26].

Discussion

The survey of ethnic cultures and languages of Oirats in Mongolia shows that the linguistic situation of the country is quite specific and characterized by different types of bilingualism and multilingualism. It is known that any contact of languages results in their interaction and interrelationship. According to some scholars, there may be three main consequences of linguistic contacts: 1) substitution of one language by another; 2) functional coexistence of languages in contact; 3) development of a new idiom on the basis of two languages in contact [19, p. 28]. The idea of 'a mixture of languages', illustrated by an example from Mongolian languages, was first formulated by B. Vladimirtsov, who described a mixed dialect developed as a result of interactions between Khalkha and Oirat-Bayad in Mongolia. In the early 20th century, the scholar points out that "sometimes when living in an environment where two or even more languages meet, a Mongolian has to become to a certain degree bilingual, i.e., speaking two dialects, for example. More often, however, in this case, he (she) speaks a mixed sort of language without realizing which of the dialects is actually in use" [20, p. 83]. Thus, he believes that when dealing with Mongolians, a linguist would prefer speaking about their dialects rather than ethnic loyalties. As Khalkha and Oirats speak a mixed dialect, it includes the structural characteristics of both languages; its character does not allow to identify whether one deals with an established language or is just an example of code-switching. Thus, according to B. Vladimirtsov, this form is characterized by the use of the phoneme [k], which is absent both in Khalkha and Oirat dialects and hence cannot be pronounced properly by either an average Bayad or an average Khalkha [20, p. 80]. The available material shows that a new dialect is being formed when the two related languages, Khalkha-Mongolian and Oirat, come in contact.

As a result of linguistic interactions, some elements of the Khalkha dialect appeared in the speech of Oirats, and finally, this gave rise to intermediate forms of speech, especially in situations characterized by intense contact between Khalkha and Oirat groups. While analyzing the reasons for the process and its specific features, G. Sanzheev first points out that the Oirat-Bayad speech is a mixed form characterized by the use of palatalized [k], which is absent both in Khalkha and Oirat dialects. He adds that the consonant resulted from a combination of articulation features of both dialects: in Khalkha, the palatalized [x'] sound was formed from early [k] in a position before the early vowel [i], e.g., *max* 'ä←*makija* 'hen' while in Oirat this early [k] was not palatalized in this position, e.g., *maka* 'hen,' hence the Bayad-Khalkha speech developed [k'], e.g., *maka* 'ä 'hen,' which adds to its obstruent character the palatalization characteristic of the Khalkha sound. On the lexical level, the Bayad-Khalkha speech also includes some mixed variants of Khalkha and Oirat components which have undergone a number of changes, e.g., Oirat *acxH*, Khalkha *ÿdëu* and Bayad-Khalkha *ÿdëui* 'evening' [5, p. 114].

The gradual loss of their prominent features by dialects and their final disappearance can be slowed in some historical circumstances due to a lack of economic and political concentration, and thus, some intermediate speech forms and dialects may have quite a long life. Dialectal features such as agricultural terminology and phonetics may linger in some spheres of lexis.

The most characteristic feature of the linguistic situation in Mongolia is that most languages are Mongolian and thus surrounded by other languages closely related to them. Here is an important observation by B. Vladimirtsov, who pointed out that "there is no such thing as common Mongolian.... All the Mongolian groups speak languages and dialects that differ from each other to a greater or lesser extent, but still, it should be noted that most of the time they are very close so that speakers of different tongues can communicate with each other without much difficulty.

This closeness of two or more dialects may stem from the fact that they belong to the same branch of the Mongolian family of languages, i.e., they have the same parent language. Sometimes, however, their closeness and possibility of mutual understanding between the speakers may be justified by the fact of their familiarity with the tongues of neighboring ethnic groups with whom they may have a long history of constant interactions [8, p. 4].

It is well known that interactions between related languages may result in the assimilation of the language of a smaller speech community, changing into a dialect of a larger community language. This process is quite characteristic of Mongolian languages [21, p. 12]. However, it should be noted that this is not a specific feature of the Buryat or any other dialect of Mongolian but rather a general linguistic pattern in the development of languages in contact, though assimilation may take less time in the case of related languages for a number of reasons. First, a psychological factor should be taken into consideration: the speakers of the language being assimilated do not, as a rule, have any psychological barriers to the process; moreover, being in an ethnically and linguistically familiar environment, they do not feel any moral or psychological pressure on the part of the dominant group. Second, as the structural closeness of the languages in contact takes its toll, minority languages tend to be reduced in their functional sphere, giving way to the dominant language and thus becoming less prestigious. Still, in such situations, the psychological factor plays a decisive role.

According to Mongolian linguists, the Buryat and Oirat idioms in Mongolia have been assimilated and become Mongolian dialects. The speakers of these dialects use their own tongues in group interactions, but, as a rule, they also have a strong command of the literary Mongolian language. However, many Russian scholars do not agree with this opinion. The Oirat groups, for example, have always been separated from other Mongolians in terms of their territory, and these divisions have been largely preserved till the present time. Thus, according to G. Sanzheev, because the Oirat fiefdom divisions chiefly coincided with those of their former group loyalties, this contributed to the survival of their tribal dialects as well. Separated by physical distances, the Oirat language is characterized by dialects scattered on a large territory, which is why they still have had their features intact since the 13th century. During this period of Oirat history, the people turned out to be scattered in all directions, with members of the same group living in different regions and having no contact even with their neighboring Oirat groups, which contributed to preserving their original speech habits.

On the one hand, the perseverance of the Oirat dialects is justified by the fact that for historical reasons, the people's clan divisions remained almost intact till the 20th century. On the other hand, the Oirats in Mongolia, separated from their majority, have been under certain influence of the Khalkha language. Their historical circumstances prevented the people from developing their full-fledged literary language, though they had their own Oirat alphabet with historical, clerical (Buddhist), and epic literature appearing in it.

There are also subjective factors to be taken into consideration in the discussion, particularly self-discourse, which is the opinion of Oirat dialect speakers themselves. Further, we consider the results of the survey carried out in May 2024 in Ulan-Bator, the Khovd, and Bayan-Ulgii aimaks. There were about 110 informants, Oirats, 40% city dwellers, 60% rural residents of various social groups – 33% students, 45% intelligentsia, and 22% workers.

The survey shows that 94% of informants believe that their ethnic groups differ from others of the given region in their languages, 53% of informants believe they differ in their customs and traditions, 23% of them point out their specific facial features, 25% define their difference in character and behavior features, etc. 98% of the informants Oirats indicated that they are Buddhist. On the question "From whom does your ethnic group originate?" 83% of informants indicated that from the Mongols, 11% - from the Turks, 6% found it difficult to answer [1]. In the late 19th century, G. Potanin pointed out that the Durvud differed from Khalkha Mongolians in terms of their language, appearance and type of their social and everyday life. In terms of their appearance, the Durvud might

look like Tangut-Uriankhai with their somewhat long faces, long noses, angular chins, and skin color darker than that of Khalkha Mongolians. There also were some differences in clothes and customs as “they wore special caps and boots, their women wore tsegedeks and had no head-falsies as Khalkha women” [22, p. 30].

The ideas the speakers of an ethnic group may have about themselves as a group are important elements of their national identity because, in this way, they compare themselves with other groups and realize their differences. Thus, the Oirats in Mongolia see their common origin not only in the sense that they are related and close but also in terms of their historical past. Their national feelings are most acute when they speak their own languages with other speakers, read literature in their mother tongue, and celebrate their holidays. Their group identity is based on important aspects such as their linguistic loyalty and feeling of pride in belonging to the group and sharing their common past. It is important to consider these components of the national feeling as they are part of the psychology of individuals as members of the group. The respondents’ answers to the question of their nationality show the importance of the ethnic identity issue for the Oirats, as 98% of them say they are proud to be Oirats, and only 2% show their indifference.

This study has also shown that 78% confirm their mother tongue loyalty while 15% point out that Khalkha Mongolian is a native language, and 8% indicate Khalkha Mongolian and Oirat as native languages [1]. The statistics correspond to the real language situation; functionally, Oirat is inferior to Mongolian. While serving as a means of communication and cultural transition in the historical development of ethnic communities, language becomes part of their common cultural and national heritage. Most Oirats in Mongolia speak their mother tongue in their everyday interactions and within their family circle; thus, they have preserved their national identity to a greater extent. Their first language competence is high, and it is *de facto* their mother tongue used within their families; Oirats get their first linguistic experience in their own language as 81% of informants say it was the language of their childhood, 9% say it was Mongolian and 10% spoke both languages [1].

The following figures indicate high language competence in Oirat: 67% speak Oirat fluently, 8% speak it poorly, and 25% do not speak Oirat (mainly urban residents). Only 24% of respondents think in Oirat, 27% think in both Oirat and Mongolian, and 49% think in Khalkha-Mongolian [1].

Thus, the mother tongue as a means of passing on the people’s traditions, history, and culture is very much alive in the interethnic communication of Oirats in Mongolia, playing an important role in their ethnic and linguistic identity. They have a special feeling of loyalty to their own culture and language. As for intergenerational continuity of native language, it is high in Oirat families, and 60% of Oirat informants speak Oirat with their parents, 18% speak Mongolian, and 22% speak both Oirat and Mongolian. 56% of respondents speak Oirat with their children at home, 24% speak Mongolian, and 20% speak both Mongolian and Oirat. 76% speak Oirat with their grandparents, 11% speak Mongolian, and 13% speak Mongolian and Oirat. 33% speak Oirat with their grandchildren at home, 50% speak Mongolian, and 17% speak Mongolian and Oirat [1]. At this point, it should be noted that the situation characteristic of the Oirat speech community in Mongolia has resulted from a long history of their life on the territory with the dominant ethnic group closely related to them in terms of origin and language.

However, this study has also shown that Oirats, especially town dwellers, face the problem of assimilation and a shift to Khalkha Mongolian, which is the main and often the only means of communication for Oirat younger generations living in towns. As far as older generations are concerned, the informants switch from one language to another depending on the situation. In a multilingual situation, an Oirat can make use of any language he (or she) knows, which is required by the specific circumstances of a communication act. In public places, 17% of Oirat informants speak only Oirat, 67% speak only Mongolian, 16% speak both Oirat and Mongolian. In the workplace, 7% of Oirat informants speak Oirat, 51% speak Mongolian, and 42% speak both Oirat and Mongolian [1]. The assimilation process is also encouraged by a growing number of inter-

marriages and an awareness of the links between the ethnic groups, their shared historical past and mentality.

It should also be pointed out that particular ethnic groups may have specific features in their cultural and linguistic situations due to differences in their historical development and sociocultural circumstances. So far, due to the compact pattern of settlements, their linguistically and culturally distinct character has been preserved despite active ethnic and cultural contacts with Khalkha Mongolians.

Having discussed some peculiarities in the functional development of Oirat dialects in Mongolia found in different speech communities, a number of general and specific conclusions can therefore be drawn.

– The study of linguistic interactions presupposes that the results of contacts between languages are not accidental but have the character of shifts that can be recorded in their functional and internal structural systems, i.e., they must be innovations in the respective languages. The analysis of the results can be useful in the elaboration of language policies, i.e. in the practice of linguistic optimization, which is to a certain extent part of any language development.

– Social circumstances, numbers, and compact or dispersed populations have an impact on the mentality of ethnic groups and ultimately on the well-being of their languages, especially in terms of their functional development, as languages are important tools in the transformation of ethnic mentality.

– Stability and a favorable environment are conducive to the sustainability of a group's ethnic and linguistic identity and its unity.

– Assimilation processes show that the unity of a group is weakened, adaptation strategies increase under the influence of the dominant language and culture.

– Despite the peculiarities of their development and functioning, the Oirat language groups of Mongolia are aware of the importance of preserving their ethnically and linguistically distinct character, and their awareness depends on the unity of a group.

It should be noted that the existence of a small ethnic group and its language is possible as long as its ethnic identity is promoted, as this is an organizing factor of general importance for the continuity of the group.

References:

1. Archive field materials gathered by A.N. Bitkeeva in May 2024 in Mongolia.
2. Pavlov D. A. (1987) *Stanovlenie i razvitie edinykh norm kalmytskogo literaturnogo yazyka* [Formation and development of standard norms of the Kalmyk literary language]. In: Pavlov D. A., Esenova T. S., Ochirov U. U., Mushaev V. N. (eds) *Issledovaniya po kalmytskomu yazykoznaniyu* [Research on Kalmyk linguistics]. Elista: Respublikanskaya tipografiya Gosudarstvennogo komiteta po delam izdatel'stv Publ., 1987. pp. 91–113 (in Russian).
3. Pallas P. S. *Sammlungen historischer Nachrichten über Mongolischen volkerschaften*. St. Petersburg, 1776.
4. Banzarov D. Ob oiratakh i uigurakh [About Oirats and Uighurs]. In: *Biblioteka vostochnykh istorikov* [Library of Eastern Historians]. Kazan: Kazan University Publ., 1849, vol. 1. 340 p. (in Russian)
5. Sanzheev G. D. *Mongolskie yazyki i dialekty* [Mongolian languages and dialects]. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya – Scientific notes of the Institute of Oriental Studies*. 1952, vol. 4, pp. 30–125 (in Russian).
6. Rashid-ad-din *Sbornik letopisei* [Collection of annals]. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1952, vol. 1. 241 p. (in Russian)
7. Pavlov D. A. Zaya-Pandita – sozdatel' starokalmytskoi pismennosti i kalmytskogo literaturnogo yazyka [Zaya-Pandita – the creator of the Old Kalmyk script and the Kalmyk literary language]. *Materialy nauchnoi sessii «320 let starokalmytskoi pismennosti»* [Materials of the scientific session "320 years of old Kalmyk writing"]. Elista, 1970. pp. 40–79 (in Russian).
8. Vladimirtsov B. Ya. *Sravnitel'naya grammatika mongolskogo pismennogo yazyka i khalkhasskogo narechiya. Vvedenie i fonetika* [Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khalkha dialect. Introduction and phonetics]. Leningrad: Leningrad Oriental Institute Publ., 1929. 443 p. (in Russian)
9. Sukhbaator N. (2008) Oiraty Mongolii i problemy izucheniya ikh istorii [Oirats of Mongolia and problems of their history study]. *Oiraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Oirats and

- Kalmyks in the History of Russia, Mongolia and China. Proceedings of the International Scientific Conference]. Part I. Elista. pp. 16–19 (in Russian).
10. Stepanov G. V. *K probleme yazykovogo varyirovaniya. Ispanskii yazyk Ispanii i Ameriki* [To the problem of linguistic variation. Spanish of Spain and America]. Moscow: URSS Publ., 1979. 328 p. (in Russian)
11. *National report population and housing census of Mongolia*, 2020. URL: https://www2.1212.mn/BookLibraryDownload.ashx?url=Census2020_Main_report_Eng.pdf&ln=En.
12. *Khuyn am, oron suutsny 2010 ony ulsyn toollogo*. Yundsen yur dyun. Ulaanbaatar khot. 2011.
13. Ekeev N. V. Oiraty i altaitsy: etnicheskie i etnokulturnye svyazi i paralleli [Oirats and Altaians: ethnic and ethnocultural interactions and parallels]. In: Kol'tsov P. M. (ed.) *Problema etnogeneza etnicheskoy kultury tyurko-mongolskikh narodov* [The problem of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2008. Iss. 2, pp. 92–99 (in Russian).
14. Khoit S. K. Poslednie dannye po lokalizatsii i chislennosti oirat [The latest data on the localization and number of Oirats]. In: Kol'tsov P. M. (ed.) *Problema etnogeneza etnicheskoy kultury tyurko-mongolskikh narodov* [The problem of ethnogenesis and ethnic culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Elista: Kalmyk State University Publ., 2008. Iss. 2, pp. 136–157 (in Russian).
15. Ayizhy E. V. *Tuvintsy Mongolii: traditsii i sovremennost' (konets XIX–XX vv.)* Diss. kand. ist. nauk [Tuvans of Mongolia: traditions and modernity (late 19th–20th centuries). History Cand. Diss.]. Moscow, 2002.
16. Vladimirtsov B. Ya. (2002) *Otchet o komandirovke k baitam Kobdoskogo okruga* [Report on the trip to the Baits of Kobdosky region]. In: Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongolskikh narodov* [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2002. Pp. 95–98 (in Russian).
17. Nyamsambu Kh. Mongolyn ugsaatny zyui. Udiirtgal. Surakh bichig. Ulan-Baator, 1992.
18. Zhukovskaya N. L. Khoity [Khoits]. In: Tishkov V. A. (ed.) *Narody i religii mira. Entsiklopediya* [Peoples and religions of the world. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 1998.
19. Weinreich U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism and multilingualism]. In: Rozentsweig V. Yu. (ed.) *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow: Progress Publ., 1972. Vol. 6.
20. Vladimirtsov B. Ya. O dvukh smeshannykh yazykakh Zapadnoi Mongolii [About two mixed languages of Western Mongolia]. In: Vladimirtsov B. Ya. *Raboty po mongolskomu yazykoznaniyu* [Works on Mongolian linguistics]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2005. Pp. 78–91 (in Russian).
21. Darbeeva A. A. *Vliyanie dvuyazychiya na razvitie izolirovannogo dialekta (na materiale mongolskikh yazykov)* [The influence of bilingualism on the development of an isolated dialect (based on the Mongolian languages)]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 210 p. (in Russian)
22. Potanin G. N. *Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii* [Essays on Northwestern Mongolia]. Saint Petersburg, 1881. Vol. 2. 305 p. (in Russian).

Aysa N. Bitkeeva.

Doctor of Philology Sciences, Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations.

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Bolshoy Kislovsky lane, 1, build 1, Moscow, Russia, 125009.

Leading researcher.

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Povarskaya str., 25a/1, Moscow, Russia, 121069.

Материал поступил в редакцию 14 июля 2023 г.

А. Н. Бумкеева

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ МИНОРИТАРНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В ГЕНЕТИЧЕСКИ РОДСТВЕННОЙ СРЕДЕ (МАТЕРИАЛЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОЙРАТОВ МОНГОЛИИ 2024 ГОДА)

В статье рассматривается этнокультурная и языковая специфика развития миноритарной этнической группы в генетически родственной среде на примере ойратов Монголии, компактно проживающих на данной территории несколько столетий. Ойраты Монголии включают в свой состав следующие родо-племенные группы: дербеты, торгуты, захчины, мингаты, байты, урянхайцы, элюты, хотогойты, хошуты, хойты и хотоны. Ойратский язык относится к западной ветви монгольских языков алтайской языковой семьи.

Ойратское письмо «Тодо бичг» (Ясное письмо) было разработано в 1648 году ойратским просветителем Зая Пандитой.

Цель статьи – проанализировать динамику развития ойратских идиомов в Монголии в условиях генетически родственной среды, определить их языковую витальность. Языковой ситуации в Монголии характерно софункционирование родственных языков, относящихся к монгольской языковой семье. Языковые контакты близкородственных идиомов часто ведут к ассимиляции языка меньшего языкового сообщества, которое, как правило, становится диалектом языка доминирующего языкового сообщества. Быстрый темп ассимиляции может происходить по ряду причин. Во-первых, определяющим является психологический фактор, у носителей ассимилирующегося языка, как правило, отсутствуют психологические барьеры, находясь в культурной и языковой родственной среде, они не испытывают морального и психологического давления со стороны доминирующей группы, языковой сдвиг происходит почти незаметно. Во-вторых, по причине близости контактирующих идиомов, языки меньшинств, как правило, сокращают сферы функционирования, уступая место доминирующему языку, становятся менее престижными и социально востребованными. Данные языковые процессы четко прослеживаются в функциональном и структурном развитии языка ойратов Монголии. В статье в основе анализа языкового сдвига ойратов Монголии материалы полевого социолингвистического исследования, проведенного в 2024 г. среди ойратов Монголии.

Ключевые слова: монгольские языки, ойраты, языковые контакты, родственная языковая среда, языковой сдвиг, витальность языка

Биткеева Айса Николаевна.

Доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, 1/1, Москва, 125009.

Ведущий научный сотрудник.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

Ул. Поварская, 25а, стр. 1, Москва, 121069.

E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Г. Х. Бухарова

ОБРАЗ ЗМЕИ В БАШКИРСКОЙ ТОПОНИМИИ

«Змеиные» географические названия получили довольно широкое распространение в башкирской топонимии. В статье предпринята попытка раскрытия мотивов номинации таких топонимов и объяснения их происхождения. Наличие «змеиных» названий в башкирской топонимии связано прежде всего с местом обитания змей, где отмечается их обилие. В названиях рек, связанных с образом змеи, мотивом для номинации послужила также образная ассоциация, связанная со скольжением, ползанием змеи: река, ее течение в народном видении ассоциируется с ползущей змеей. Присутствие в топонимии образа змеи имеет связь также с древними верованиями башкир, с их мифологией, где змея занимает важное место. Как показывают материалы анализа, в мифологии башкир образ змеи связывается с женским началом, жизнью, плодородием и водой, рекой, озером, поэтому «змеиные» имена носят в основном водные объекты. В народном сознании эти объекты имеют мелиоративную или пейоративную оценку. Поэтому в башкирской топонимии можно выделить священные места и, соответственно, плохие места. Как видно из мифологии башкир, змея как тотемное животное служит ориентиром в бесконечном пространстве, она способна найти источник питьевой воды. Змея как тотем является этническим названием башкирского рода *йылан*, поэтому «змеиные» названия закрепились в башкирской этногидронимии и они относятся к священным местам. В башкирской мифологии образ змеи связывается не только с жизнью, но и со смертью, а водные объекты, названные его именем, относятся к плохим местам. Пейоративные названия в башкирской гидронимии связаны с образами иранской мифологии как Аждаха, Ажи, Ажай – дракон, ‘чудовище’. В народных верованиях эти образы обитают в озерах, болоте, вода которых непригодна для питья. Следовательно, эти объекты относятся к дурным местам в башкирской топонимии.

Ключевые слова: топонимика, башкирская топонимия, образ змеи, мелиоративные топонимы, пейоративные топонимы

В топонимии тюркоязычного ареала получил распространённость образ змеи – *йылан*. Например, село *Yilan* «Змея» – село в Болгарии, *Yilan magarasi* «Змеиная пещера» – пещера в Крыму, *Yilan Adasi* «Змеиный остров» – остров в Черном море, *Yilan tasi* «Змеиный камень» – каменистое место в долине Кехнюш (Турция) и т.д. «Змеиные» названия имеются и в башкирской топонимии. Например, *Йылан* (Елан) «Змея» – приток Зилима в Гафурийском р-не. *Йыланлы* (Еланлы) «Змеиная», *Йыланлыш* (Еланлыш) «Змеиная» – притоки Ая, *Йылан* (Елан) «Змея» – озеро в Дюртюлинском р-не, *Йыланлы кул* (Еланлыкуль) «Змеиное озеро» – озеро в Мелузовском р-не и многие другие.

Как объяснить наличие в топонимии Республики Башкортостан «змеиных» названий?

Как свидетельствуют сами названия, в башкирской топонимии «змеиные» названия прежде всего связываются с местом обитания змей, где отмечается их обилие:

Йыланбар (Еланбар) – название горы в Бурзянском р-не близ деревни Магадей. Ойконим образован от *йылан* ‘змея’ и *бар* ‘есть, имеется’.

Йыланлы (Еланлы) – село в Кигинском р-не. Ойконим получил название по гидрониму *Йыланлы* – притока Аи. Название образовано от *йылан* ‘змея’ и афф. со значением наличия *-лы* – змеиная. Сравните: *Джаланлы* – озеро в Челябинской области. Лимноним образован *джалан/йылан* – ‘змея’ и диалектного афф. наличия чего-либо *-ды*.

Йыланлы кул (Еланлы кул) – озеро в Мелеузовском районе. Лимноним образован от *йылан* ‘змея’ и аффикса (диал.) со значением наличия *-ны*: ‘змеиная’.

Йылантөп (Елантуп) – деревня в Дуванском р-не. Ойконим образован от названия местности *Йылантөп* – *йылан* ‘змея’ и слова *төп*, которое имеет несколько значений: ‘дно’, ‘глушь’, ‘глубина’.

Йыландуй (Еландуй) – низменная местность близ деревни Ново-Мунасиново в Бурзянском р-не. Название образовано от диал. *йыланды* ‘змеиная’ и *уй* ‘долина’, ‘низменная местность’.

Йылан тауы (Елантау) – гора в Миякинском р-не у деревни Каран-Култай. Ороним образован от *йылан тауы* ‘змеиная гора’.

Йыланьш тугайы (Еланьшугай) – луг в Зилаирском р-не близ деревни Максютково. Название образовано от диал. *йыланьш* ‘змеиный’ и *тугай* ‘луг’ с афф. -ы.

В названиях рек, связанных с образом змеи, мотивом для номинации могла послужить образная ассоциация, связанная со скольжением, ползанием змеи. Так, например, река **Йылан** (Елан) – приток Зилима в Гафурийском р-не – в народном видении ассоциируется с ползущей змеей. Как известно, внутренняя форма слова *йылан* происходит от *йыл* (*Jul) – скользить, ползти [1, с. 180].

Наличие в башкирской топонимии «змеиных» названий имеет связь с древнейшим культом змеи у башкир. О том, что башкиры поклонялись 12 богам, а также животным и птицам, писал Ахмед ибн Фадлан: «Мы видели, как [одна] группа из них поклоняется змеям, [другая] группа поклоняется рыбам, [еще одна] группа поклоняется журавлям» (цит. по: [2, с. 131]).

Известно, что в прошлом башкиры в честь змей устраивали змеиные праздники, где приносили им в дар монету или пищу (молоко), а в башкирских легендах и сказках прослеживаются отголоски даже человеческих жертвоприношений в их честь [3, с. 50].

Все народы античного мира почитали змею. В мифологиях народов мира «змея является символом божественного женского начала и плодородия, в античном искусстве речных богов изображали в виде змеи. Скифо-сарматскую богиню Апи (башк. Эбей) представляли змееногой. В башкирской топонимии с образом Апи (башк. Эбей) связаны преимущественно гидронимы: **Эбей** (Аби) – названия озер в Аургазинском, Кугарчинском, Чишминском районах, **Эбей** (Аби) – название реки в Абзелиловском районе» [4, с. 63]. Заслуживает внимания то, что внутреннее значение слова Апи также связано с водой – в иранских языках корень *ап-* и его фонетические варианты означают воду: «av/aw ‘вода’; ‘влага’; ‘жидкость’; ‘слезы’: др.-ир. *ар-; авест. *ар-, др.-перс. Арі, др.-инд. ара, ср.-перс. ар, перс. ab, занг. aw, гур. aw, бел. ар, тал. ов, гил. ов, маз. ow, афг. обэ, ягн. ар. каш. ow, най. ой, сив. av (ай), нат. ай ‘вода’, вон., кохр., кеш., зефр. ow, семн. ow, сорх. aw ‘вода’ [4, с. 64].

Как и в мифологиях народов мира, в том числе тюркских и монгольских народов, змея в представлении башкир прежде всего ассоциируется с водой, облаком, дождем. В народных верованиях башкир место ее обитания связывается с рекой, озером, болотом, а змея выступает как *эйә* «дух-хозяин» данных объектов. Поэтому «змеиные» названия получили в основном водные объекты, реки, озера, болота: **Йыланлы кул** (Еланлыкуль) – «Змеиное озеро», **Йылан** (Елан) «Змея», **Йыланлы** (Еланлы), **Йыланьш** (Еланьш) – «Змеиная» – названия рек и озер Башкортостана. От названий рек происходят названия таких башкирских сел и деревень, как **Йылансыкбаш** (Еланчикбаш), **Йыланьш** (Еланьш), **Йыланйылга** (Елань-елга), **Йыланьшишмә**.

О том, что башкиры поклонялись змеям, свидетельствуют и башкирские этнонимы, образованные от *йылан* ‘змея’ – еланцы, которые подразделялись на *эске йылан*, букв. ‘внутренние еланцы’, *изел йылан*, букв. ‘водные еланцы’ и *кыр йылан* – ‘степные еланцы’. Потомков племени *йылан* башкирские историки и этнографы связывают с кипчаками. В настоящее время еланцы проживают в северо-западных районах Башкортостана. Поэтому названия с основой *йылан* в данных районах чаще всего связаны с этнонимом *йылан*, например, **Йылан** – озеро в Дюртюлинском районе – происходит от этнонима *йылан*. Возможно, ойконимы **Йыланьш** (Еланьш) – деревни в Мечетлинском, Салаватском районах – также имеют связь с этнонимом *йылан*. Эти ойконимы образованы от гидронима **Йыланьш** – левого притока Аи (*йылан* ‘змея’ с афф. -ыш). С чем связано почитание змеи башкирами, почему слово *йылан* стало этническим названием?

Башкиры поклонялись змеям. Змея была тотемом башкирского рода *йылан*. Тотемистические верования башкир А. Ф. Илембетова связывает с кровнородственными связями башкир с тотемом: «Древние башкиры верили в прошлом в возможность происхождения людей

от змеи, и тотемическое отношение предков башкир к змее проявляется в том, что они верили в возможность перевоплощения человека в змею и, наоборот, змеи в человека» [5].

Однако, если даже тотем является родоначальником племени и внутренняя форма слова *тотем* объясняется как 'его род', главная суть тотемизма, на наш взгляд, не в кровнородственных связях тотема с людьми, т. е. не в партеногенезисе – вере в возможность зачатия от животного.

У башкир, как и у всех народов античности, змея символизировала мудрость. Возможно, почитание змеи как тотема связано прежде всего с ее мудростью. Как повествуется в эпическом сказании, ключ к знанию – *алтын аскыс* 'золотой ключ' – находится в сердце у змеи:

*«Яр йыландың йөрәген,
Алтын аскыс табырһың,
Сер һарайын асарһың.
Теләгәңеңде алырһың», –
Тип тегеләр әйткән, ти* [6, с. 109].

*«Сердце змея ты распори,
Дворец секретов им отвори,
Все, что хочешь, то и бери», –
Сказали спасенные богатыри* [6, с. 246].

В символизме золотой ключ – символ тайного знания.

На наш взгляд, почитание змеи как тотема связано не только с ее мудростью, самое главное – с ориентацией башкир в бесконечном пространстве. Как повествуется в легендах и преданиях башкир рода *йылан* – еланцев, однажды в пустыне они сбились с пути, потеряли ориентацию и мучились от жажды. Когда увидели змею, пошли вслед за ней, и змея привела их к источнику воды. Судя по легенде, змея выступает как ориентир в бесконечном пространстве, помогающий найти водный источник, а также как спаситель. Другой вариант легенды гласит о том, что их предок был сподвижником пророка Мусы и нес в пустыне изображение бронзового змея. Его потомков тюрки стали называть «медный змей». Эта легенда перекликается с легендой о Моисее, который поднял бронзового змея на крест в пустыне, чтобы все, кто видел его, могли быть спасены от жал меньших змей.

При ориентации на местности башкиры не только следовали за змеей, но и за другими тотемными животными. Мотив преследования волка, оленя, зайца и многих других животных с целью нахождения источника воды, реки или выбора подходящего места для поселения часто встречается в башкирских топонимических легендах. По этим легендам можно судить о том, что у башкир был практический опыт в определении идеального места для жительства. Как известно, животные обитают только в благоприятных местах, пьют только чистую воду.

Пейоративные названия, или дурные места, в башкирской топонимии отмечены названиями: *Ат инмәс* «Лошадь не зайдет», *Эт бармәс* «Собака не пойдет». Названия *Ат ингән* «Лошадь зашла» (так называются несколько башкирских деревень) говорят о том, что башкиры использовали лошадь для освящения территории поселения.

В чем сущность тотемизма? В трудах известных ученых В. Н. Топорова, К. Леви-Стросса, М. Элиаде и В. С. Хана, посвященных выяснению генезиса тотемизма, его природы, сути, акцентируется, что «...тотем позволяет связать данный человеческий коллектив с данной территорией, настоящее – с прошлым, культурное и социальное – с природным, а также объединить этот коллектив некоторой общей системой норм поведения» [7, с. 442], и тотемизм рассматривается как «классификационная система, код, и связанные с ним мифы также могут служить организации пространства» [8, с. 239–263]; также отмечается, что «„территориальное“ мышление раннепервобытной общины охотников и собирателей отразилось не только в осмыслении источников жизни, причин воспроизводства животных и растений, но и социальных явлений» [9, с. 83]; что «святищенность места обнаруживают животные; люди, следова-

тельно, не свободны в выборе священного места. Им дано лишь искать и находить его с помощью таинственных знаков» [10, с. 26].

В башкирской топонимии места, определенные при помощи тотемных животных (а также птиц), можно отнести к «священным» местам. Реку, которую нашли при помощи тотемного животного йылан, стали называть **Йылан**, а жители данной местности также стали называться *йылан* – еланцами. Тотемное животное *йылан*, которое показало реку, пригодную для питья, стало этнонимом башкир.

Рассмотрим названия «дурных мест», или пейоративные названия, связанные с образами злых духов *Аждаһа*, *Ажа* ‘дракон’. В топонимии эти образы закреплены чаще всего в названиях озер. В башкирской мифологии имеется образ царя змеиной страны дракона аждахи Кәхкәһә (Кахкаха), который одним плевком создает озеро:

*Атам һине куркытыр,
Ташка төкөрөп күрһәтер,
Ташты һыуҙай кайнатыр.
Әгәр тауға төкөрһә,
Тау за ирер, һыу булыр,
Ағып барып шул сакта,
Бер үзәнгә йыйылыр,
Осо-сиге күренмәс,
Ялтыраған күл булыр*
[6, с. 103].

*Отец мой станет тебя пугать,
На черный камень станет плевать –
Камень расплавится от плевка,
Если же плюнет он на горы,
Те лишатся земной опоры,
Озером растекутся вокруг,
Водой затопят окрестный луг,
Не будет озеру края, конца –
Все от плевка моего отца*
[6, с. 239].

В народных верованиях башкир дракон (*аждаһа*) не только создает озеро, но и обитает в озере. В эпосе «Урал-батыр» эпический герой Урал призывает людей не пить воду из озер:

*Күрзегез барын күз мән:
Һыу уртлаган ауызыма
Дейеүзәр тулды яу мән,
Йөрөгемде телделәр,
Кулдан көстө алдылар.
Халкым, һезгә шуны әйтәм:
Уландарым, һезгә әйтәм:
Уйым-уйым күлдәрзең
Барында дейеү буласак,
Усаллығын кыласак,
Эсегезгә керәсәк,
Дейеүзәрзең көһоро
Барығызга тейәсәк,
Шунан барың үләсәк.
Күлдең һыуын эсмәгез,
Хараплыкка төшмәгез,
Дейеүзәргә буй биреп,
Кул каушырып тормағыз*
[6, с. 188–189].

*Своими глазами видели все вы,
Как дивы в мое проникали чрево,
И каждый сердце мое терзал,
Внутренности на части рвал.
Вот что, народ мой, тебе я скажу:
В омутах и озерах глубоких
Будут дивы таиться и впредь,
Будут пытаться они ненароком
Душой и телом людей завладеть,
Будут мстить каждый день,
каждый час,
Всюду преследовать будут вас,
Чтоб вашей смертью смыть
свой позор;
Не пейте воду из этих озер –
Только болезни от них и мор,
Воду их обходите стороной,
Пусть потеряют злодеи покой*
[6, с. 328].

Как видно из контекста эпоса, *Үлөһыу* «Мертвая вода» отождествляется со стоячей озерной грязной водой, где обитают *аждаһа* ‘драконы’. Следовательно, в башкирской мифологии

образ змеи связывается со смертью, а водные объекты, названные ее именем, относятся к дурным местам.

Образ башкирского царя змей *Кәхкәһә* соответствует иранскому Заххаку [11, с. 462–463], образ которого восходит к авестийскому трехглавому дракону Ажи-Дахаку. Образ Кахкахи не закреплен в башкирской топонимии, именем *Кәхкәһә* не назван ни один географический объект в башкирской топонимии. Крепость Кахкаха – старое городище – имеется в Таджикистане.

Широкое распространение получили на территории Башкортостана названия *Аждаһа йылғалы* «река Аждахи», *Аждаһа күле* «озеро Аждахи», *Аждаһа кулы* «долина Аждахи» и многие другие. Имеются также «озеро дракона», «долина дракона», «овраг дракона», «ложбина дракона», «возвышенность дракона». Например, *Аждаһа йылғалы* – правый приток Сакмары в Баймакском р-не. Происхождение гидронима можно объяснить как «река дракона». Слово *аждаһа* как термин демонологии восходит к иранскому **azi-dahaka-* – из **azi-* ‘змея’ + **dahaka-* – имя одного из легендарных дэвовских царей [12, с. 298]. Аждахак – имя змея, дракона, соответствует пехл. *dahag*, *azdahag*, авест. *azi-dahaka* ‘змея Дахака»; новоперс. *azdahā* ‘дракон’. «В авестийской традиции Ажи Дахака – трехглавый змей, самый сильный из всех творений Ахримана. Образ имеет множество параллелей в индоевропейской мифологии, соответствует ведическому Ахи Будхнья» [13, с.18].

По верованиям народа, *аждаһа* выступает как дух, владыка названных его именем объектов. Иногда *аждаһа* может покинуть место обитания. Тогда башкиры говорят, что «*Аждаһалы күтәрелеп осоп китте*» – «Хозяин дракон улетел». Если *Аждаһа* покидает место обитания, например болото или озеро, то оно иссушается, высыхает место его обитания.

Как показывает топонимический материал, сфера обитания аждахи в основном связана с водой. Башкиры верили, что змеи обитают под водой в образе красивых девушек.

В топонимии Башкортостана сохранилось название *Ажалар төбәге* – местность, где обитают драконы Ажи. Название образовано от *Ажа* ‘дракон’ и афф. множественного числа *-лар*. Название происходит от иранского названия дракона *ажай//ажи*: «В „Авесте“ Ажи, Ажай – ‘чудовище’, ‘дракон’, порождения злого божества Ахримана, иногда его перевоплощения» [14, с. 50].

Как термин демонологии слово *ажа* восходит к индоиранским языкам, где **azi-*, **aji-* змея – из арийск. **ajhi-*, ср. др.-инд. – *ahi* ‘змея’, ‘уж’. Авестийское *azi-*: *azay-* ‘змея, змей’ (дракон) [12, с. 297].

Образ Ажи, Аз ассоциируется с женским началом и жадностью, алчностью: «пехл. *az*, авест. *azay-* ‘жадность’, ‘алчность’, ‘дэвовское существо’, ‘демон жадности’» [13, с. 20]. Аз – дэвовское существо женского пола, олицетворяющее такие человеческие пороки, как «‘жадность’, ‘нужда’, ‘гнев’, ‘зависть’, ‘стыд’, ‘похоть’, ‘месть’, ‘лень’, ‘ересь’ и ‘клевета’» [13, с. 20].

Таким образом, Аз, Ажай – злое и враждебное зороастрийской вере божество в образе змея, дракона. Жадность, алчность, в башкирском языке передается словом с однокоренным с Аз словом *азыу* «сбиваться с правильного пути, вести аморальный образ жизни». В башкирской мифологии змея является также символом хитрости и двуличия, связанным с женским началом. Хитрость, двуличие в башкирской лингвокультуре связывается с образом *ажаган*. *Ажаган* семантически связано с образом *ажжи* – змеи, дракона. Реликты древних верований башкир, связанных с образом змеи, сохранились и до наших дней. В разговорной речи башкир слова «йылан» – ‘змея’, «аждаһа» – ‘змея, живущая до 500 лет’, «юха» – ‘змея в облике красивой девушки, прожившая до 1000 лет’, «шаркана» – ‘дракон’ (средний говор южного диалекта) как ругательные слова применяются только по отношению к женскому полу: девушкам, женщинам, старухам.

Образ *ажжи* имеет параллели в мифологии тюркских народов: *аза* у казанских (*аза купты* «поднялась Аза» – иносказательно о буре) и сибирских татар означает ‘злой дух’, который живет в земле или под землей. *Аза*, *айза*, *адэ* у народов Сибири (алт., хак., тув., монг., бур.,

эвенк.) выступает как злой дух, дух несчастья, божества болезней лошадей, который хочет унести душу новорожденного и ведет борьбу с *май-эне* (*умай-эне*) [15, с. 12].

Башкирское название дракона *шаркана* не находит отражения в башкирской топонимии. Как правило, дурные места в топонимии обычно названы иноязычными терминами демонологии. Ругательное слово *шаркана* функционирует в речи носителей среднего говора южного диалекта башкирского языка и применяется по отношению к девушкам легкого поведения. Данное слово имеет лексическую параллель в венгерском: *sárkány* (*шаркань*) ‘дракон’. Интересно отметить, что внутреннее значение слова *шаркана* имеет связь с местом обитания дракона – болотом: *шар* ‘болото’ + *кана* → *хан* ‘владыка’, ‘хозяин’. Башкирское *шаркана* находит параллель в имени половецкого хана Шарукана и исторического одноименного города Шарукана, названного в его честь. Возможно, имя Шарукан – этническое имя кипчаков, поклоняющихся змеям. Как известно, в мифологии тюркских народов, в том числе и башкир, змея олицетворяет не только женское начало, но и связана с мужским началом. Это и отражено в имени половецкого хана Шарукана. В башкирской мифологии сын царя Кахкахи Заркум выступает то в облике огромного чудовищного змея, то в облике красивого юноши [6, с. 100].

Таким образом, наличие «змеиных» названий в башкирской топонимии связано прежде всего с местом обитания змей, во-вторых, с этнонимом «йылан», с образной ассоциацией реки со змеей, а также с образами иранской мифологии «аждаха», «ажи». Священные места в башкирской топонимии связаны с образом тотемной змеи *йылан*, которая способна находить источник питьевой воды. Дурные места в башкирской топонимии ассоциируются с образами змей-демонов, таких как *Аждаха*, *Ажа*, которые обитают в грязных озерах и болотах.

Список источников:

1. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.
2. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 г. Харьков, 1956. 438 с.
3. Илимбетова А. Ф., Ахмадиев Ф. В. Тотемистический праздник змеи в мифоритуальной традиции башкир // Проблемы востоковедения. 2021. № 1 (91). С. 48–54.
4. Бухарова Г. Х. Имена мифических первопредков в ономастическом пространстве башкирского эпоса «Урал-батыр» // Фольклор и фольклористика XXI в.: актуальные направления и перспективы исследовательских практик: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Уфа, 2023. С. 56–64.
5. Илимбетова А. Ф. О культе змеи у башкир // Бельские просторы. 1999. № 11. С. 169–174.
6. Урал батыр. Башкорт халык тобайыры = Урал-батыр. Башкирский народный эпос = Ural-batur. Bashkort Folk Epic. 2-е изд., стер. Уфа: Информреклама, 2005. 468 с.
7. Топоров В. Н. Животные // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 440–449.
8. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
9. Хан В. С. Структура практики и способ мышления эпохи первобытной родовой общины // Вестник МГУ. Серия: Философия. 1993. № 1. С. 83–91.
10. Элиаде Мирча. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 144 с.
11. Брагинский И. С. Заххак // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 462–463.
12. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М.: Восточная литература, 2000. 327 с.
13. Чунакова О. М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М.: Восточная литература, 2004. 286 с.
14. Брагинский И. С. Ажи // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 5.
15. Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981. 144 с.

Бухарова Гульнур Харуновна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: buharova_g@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20 октября 2023 г.

THE IMAGE OF THE SNAKE IN BASHKIR TOPONYMY

Geographical names with the word ‘snake’ are common in Bashkir toponymy. This article aims to uncover the reasons for using such names and to shed light on their origins. The occurrence of snakes in certain habitats is the most important factor influencing the appearance of these names. River names associated with the image of a snake have a visual connection to the movements and appearance of a snake that can be observed. The image of a crawling or slithering snake reflects the popular perception of the flow of a river.

Furthermore, the inclusion of snake imagery in toponymy can be traced back to ancient Bashkir beliefs and mythology, in which snakes play an important role. An analysis of the mythological material shows that the snake symbolizes the feminine principle, life, fertility, and bodies of water such as rivers and lakes. Consequently, ‘snake’ names are predominantly associated with bodies of water, with these geographical features being viewed both positively and negatively in the popular consciousness. Therefore, distinguishing between sacred and negative places in Bashkir toponymy is possible. According to Bashkir mythology, the snake, as a totem animal, serves as a guide through infinite space and can locate drinking water sources. As the snake is the totem of the Bashkir clan Yylan, it is reflected above all in Bashkir ethnohydronymy, especially in relation to sacred places. In Bashkir mythology, the snake stands for both life and death, which means that bodies of water named after it are associated with “negative” places. Derogatory names in Bashkir hydronyms are associated with symbols from Iranian mythology, such as Azhdaha, Azhi, and Azhai, which stand for dragons or monsters. These creatures are believed to inhabit lakes and swamps, making the water unsuitable for drinking. For this reason, these objects are classified as “negative” places in Bashkir toponymy.

Keywords: *toponymy, Bashkir toponymy, snake image, reclamation toponyms, pejorative toponyms*

References:

1. Tenishev E. R. et al. (eds) *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Lexicon]. Moscow: Nauka Publ., 1997. 800 p. (in Russian).
2. Kovalevskiy A. P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 g.* [Book of Ahmed Ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921–922]. Kharkov: Kharkov State University Publ., 1956. 348 p. (in Russian).
3. Ilimbetova A. F., Akhmadiev F. V. Totemisticheskii prazdnik zmei v miforitual'noy traditsii bashkir [Totemistic holiday of the snake in the mythological and ritual tradition of the Bashkirs]. *Problemy vostokovedeniya – Problems of Oriental Studies*, 2021, no. 1 (91), pp. 48–54 (in Russian).
4. Bukharova G. Kh. *Imena mificheskikh pervopredkov v onomasticheskom prostranstve bashkirskogo eposa «Ural-batyr»* [Names of mythical ancestors in the onomastic space of the Bashkir epic “Ural Batyr”]. *Fol'klor i fol'kloristika XXI v.: Aktual'nyye napravleniya i perspektivy issledovatel'skikh praktik sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Collection of materials from the II International Scientific and Practical Conference “Folklore and Folklore Studies of the 21st Century: Current Directions and Prospects for Research Practices”]. Ufa, 2023. pp. 56–64. (in Russian).
5. Ilimbetova A. F. O kul'te zmei u bashkir [About the Snake Cult at the Bashkirs]. *Belskie prostory – Belskie Expanses*, 1999, no. 11 (in Russian).
6. *Ural batyr. Bashkort halyk kobajjry = Ural-batyr. Bashkirskiy narodniy epos* [Ural-batur. Bashkort Folk Epic]. Ufa: Informreklama Publ., 2005. 468 p. (in Bashkir and Russian).
7. Toporov V. N. Zhivotnye [Animals]. In: Tokarev S. A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1992, vol. 2. pp. 440–449 (in Russian).
8. Levy-Stross K. *Pervobytnoe myshlenie* [Primordial Thinking]. Moscow: Republic Publ., 1994. pp. 239–263 (in Russian).
9. Khan V. S. Struktura praktiki i sposob myshleniya epokhi pervobytnoy rodovoy obshchiny [Structure of Practice and Method of Thinking of the Epoch of the Primordial Tribal Community]. *MSU Bulletin, Philosophy*, 1993, no. 1. pp. 83–91 (in Russian).
10. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred in the Secular World]. Moscow: Publishing house Moscow University, 1994. 144 p. (in Russian).
11. Braginskii I. S. Zakhak [Zahhak]. In: Tokarev S. A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the world nations]. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1991. Vol. 1, pp. 462–463 (in Russian).
12. Rastorguyeva V. S., Edel'man D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages]. Moscow: Eastern Literature Publishing Company, Russian Academy of Sciences, 2000. Vol. 1. pp. 50 (in Russian).

13. Chunakova O. M. *Pekhleviyskiy slovar' zoroastriyskikh terminov, mificheskikh personazhey i mifologicheskikh simvolov* [Pahlavi dictionary of Zoroastrian terms, mythical characters and mythological symbols]. Saint Petersburg: Institute of Oriental Studies; Moscow: Eastern literature Publ., 2004. 286 p. (in Russian).
14. Braginsky I. S. Azhi [Aji]. In: Tokarev S. A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the world nations]. Moscow: Soviet Encyclopedia Publ., 1991. Vol. 1, pp. 5 (in Russian).
15. Akhmetyanov R. D. *Obshchaya leksika dukhovnoy kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya* [General vocabulary of spiritual culture of Middle Volga Region peoples]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 144 p. (in Russian).

Gulnur Kh. Bukharova.

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher.

**Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences.**

Pr. Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: buharova_g@mail.ru

М.-Э. А. Винклер

СИСТЕМА АППРОКСИМАТИВНЫХ МАРКЕРОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В исследовании на материале якутского языка рассматриваются единицы, маркирующие приближенность в конструкциях с числительными. В статье описана система таких показателей. Во-первых, проанализированы доступные данные из литературы, представлен инвентарь показателей. В частности, в ходе исследования был обнаружен маркер *игин*, данные о котором отсутствуют в известных нам описаниях. Дескриптивные данные об остальных стратегиях, упомянутых в литературе, были существенно уточнены по сравнению с доступными описаниями. Изучен поверхностный морфосинтаксис таких конструкций (линейная позиция аппроксимативного маркера в количественной конструкции (КК), в частности способность находиться между элементами сложного квантификатора). Выделено несколько стратегий, которым следуют показатели приближенности в отношении доступной им позиции в КК. Во-вторых, рассмотрены контексты с другими разрядами числительных: аппроксимативные показатели в якутском языке несовместимы с порядковыми числительными, за исключением маркера *игин*. Обнаружены морфосинтаксические свойства показателя *хас*, отличающие его от других аппроксимативных маркеров. В-третьих, мы рассмотрели полифункциональность изучаемых показателей. Было показано, что маркеры *курдук*, *саба* и *кэрингэ* являются эквативами – маркерами стандарта сравнения. В этой функции *саба* и *кэрингэ* ограничены количественными контекстами, тогда как дистрибуция *курдук* гораздо шире. Показано, что в сочетании с нефинитными глагольными формами *курдук* приобретает модальное значение. Данные о сочетаемости изучаемых показателей как внутри количественных конструкций, так и вне их проанализированы с точки зрения скалярности в терминах прагматических ореолов и шкал. Было показано, какие типы шкал доступны различным показателям приближенности в якутском языке.

Ключевые слова: якутский язык, количественные конструкции, сравнительные конструкции, числительные, приближенность, эквативы, шкалы

1. Введение

1.1. Предмет исследования и материал

Статья посвящена единицам, способным приносить неточное значение в конструкции с числительными (количественные конструкции (КК)), ср. (1a–b). Мы рассмотрим дистрибуцию таких показателей в якутском языке.

(1) a.	<i>Остуол-га</i>
стол-DAT/LOC	<i>уон</i>
десять	<i>чааскы</i>
чашка	<i>тур-а-р.</i>
стоять-NPST-3SG
	‘На столе стоит десять чашек’.			
b.	<i>Остуол-га</i>
стол-DAT/LOC	<i>уон-ча</i>
десять-APPR	<i>чааскы</i>
чашка	<i>тур-а-р.</i>
стоять-NPST-3SG
	‘На столе стоит чашек десять’.			

Материал собран с помощью анкетирования носителей (восемь информантов) преимущественно в 2018–2019 гг. в г. Якутске, а также в ходе удаленной документации в 2022–2023 гг. Среди респондентов были как уроженцы Якутска и близлежащих районов (Нюрбинского, Таттинского и Усть-Алданского), так и носители из Сунтарского, Усть-Янского и Аллаховского районов. Помимо этого, в исследовании учтены данные из текстов, рассказанных уроженцами Нижнеколымского района и расшифрованных нами в 2018–2019 г., и спонтанные примеры из социальных сетей.

1.2. Теоретический и типологический фон

В состав аппроксимативных количественных конструкций (аппроксимативные КК, КК_{APPR}) входят несколько элементов. Во-первых, это **числительные** (в первую очередь нас будут

¹ Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование», выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

интересовать конструкции с количественными числительными, но будут рассмотрены и конструкции с числительными других разрядов). Во-вторых, в КК_{APPR} может присутствовать **единица измерения** как при наличии, так и при отсутствии числительного. Единицы измерения (ЕИ) могут быть **конвенциональными** (ср. рус. *час*, *километр* и др.) и **окказиональными** (ср. рус. *эта собака размером с двух **котов***). Сочетание числительного и единицы измерения (элементов КК, которые выполняют квантифицирующие функции) мы называем **сложным квантификатором**. Кроме того, в КК_{APPR} присутствует **настоящее квантифицируемое** – существительное, которое подвергается квантификации, но само в данном контексте не обладает квантифицирующими свойствами (ср. рус. *два килограмма **яблок***). В контексте приблизительности возможны и количественные слова со значением параметра ('толщина', 'высота' и др.), определяющего, в каком измерении происходит аппроксимация (**параметр измерения**).

Как мы покажем далее, количественные конструкции нередко тесно связаны со сравнительными. В типологии последние подразделяются на **компаративные** (2а), **симилятивные** (2б) и **эквативные** (2с). В основе сравнения двух элементов лежит оценка степени их схожести или различия [1, с. 1]. Элементы, присутствующие в сравнительных конструкциях, представлены в табл. 1 с опорой на (2а–с) [2, с. 4].

(2) АНГЛИЙСКИЙ

- a. *John is taller than Lucy.*
- b. *Mary swims like a dolphin.*
- c. *Peter is as₁ tall as₂ his sister.*

Таблица 1

Элементы сравнительных конструкций

Объект сравнения	Параметр/маркер степени	Параметр сравнения	Маркер стандарта сравнения	Стандарт сравнения
<i>John</i>	<i>-er</i>	<i>tall</i>	<i>than</i>	<i>Lucy</i>
<i>Mary</i>		(способ)	<i>like</i>	<i>a dolphin</i>
<i>Peter</i>	<i>as₁</i>	<i>tall</i>	<i>as₂</i>	<i>his sister</i>

В текущем исследовании мы рассматриваем лишь эквативные конструкции. В конструкциях этого типа сравниваемые объекты имеют одинаковую степень проявления признака [3, с. 9]. Эквативные показатели (маркеры стандарта сравнения) также противопоставлены по функциям: **количественные эквативы** маркируют равное количество, а **качественные эквативы** – одинаковую степень проявления признака [4]. В [4, с. 300] выделяются и промежуточные контексты: в некоторых языках в конструкциях с параметрическими прилагательными (выражающими характеристику объекта в каких-либо измерениях: 'высокий', 'большой', 'широкий') используются количественные эквативные маркеры, тогда как во многих языках в этих контекстах используются качественные эквативы. Авторы относят такие контексты к качественным эквативам, но с количественным параметром. В текущей работе мы также будем уделять особое внимание параметрическим контекстам.

2. Инвентарь показателей в якутском языке и предыдущие исследования

Мы обнаружили следующие маркеры количественной приблизительности:

- аффикс *-чV(кV)²*;
- *хас* 'сколько';

² V – гласный, выбираемый по правилам сингармонизма. В некоторых словоформах наблюдается удвоение *-ч* в связи с морфонологическими процессами (ср. *сүүрбэ* 'двадцать' → *сүүрбэччэ* 'примерно двадцать', *отут* 'тридцать' → *отучча* 'примерно тридцать'). В данной работе мы не будем подробно обсуждать это явление.

- *саба(чча)* ‘равный, подобный’;
- *курдук* ‘подобно, как, словно, примерно...’³;
- *кэрингэ* ‘мера, объем; примерно’.

Помимо указанных маркеров, мы выявили не упомянутый в литературе (в том числе отсутствующий в словаре [5]) показатель *игин*, см. о нем подробнее в разделе 3.3.

В [6, с. 429] упоминается послелог *диэки/диэки* ‘к, в сторону, в направлении, по направлению; в; за’, обозначающий приблизительность времени совершения действия. Контексты его употребления находятся на периферии нашего исследования; некоторые его свойства мы рассмотрим в разделе 3.1.2.

В [6, с. 429] в группе послелогов «приблизительности времени совершения действия» отмечаются также послелог *быстынга* ‘в течение, в продолжение’ (*нэдиэлэ быстынга* ‘с неделю’) и *эргин* ‘около, поблизости, вблизи’ (*киэһэ эргин* ‘примерно вечером’). Однако данные лексемы неизвестны по меньшей мере жителям Якутска и близлежащих районов, которые были опрошены нами в ходе исследования.

Показатель *-чV* чаще всего описывается как «исчезнувшая/не получившая развития падежная форма», см., например, [6, с. 148–149]. Отмечается несколько контекстов, в которых он возможен: так, в [6, с. 182] указано, что он является морфологическим способом образования приблизительных числительных от круглых десятков и сотен. Он входит и в состав застывших образований: форм указательных местоимений *бу* ‘(вот) этот’, *ити* ‘этот’, *ол* ‘тот’ (*бачча* ‘столько’, *итиччэ* ‘столько, такой’ и *оччо* ‘столько, такой’ соответственно) и отглагольных форм на *-бычча* (авторы связывают этот показатель с причастной формой на *-быт*) и *-ыхча* (включает показатель причастия будущего времени *-ых*) [6, с. 149; 7, с. 132–135]. В [6, с. 252] отмечается, что формы на *-бычча* маркируют причину/возможность/условие, при которых может совершиться действие. Согласно [7, с. 134–135], *-ыхча* маркирует ситуацию, когда «действие, выраженное причастными формами, близко к совершению», однако либо еще не совершилось, либо не свершится.

Согласно [6, с. 182], в функции маркера приблизительности аффикс может выглядеть как *-чака/-чэкэ*. Такое наращение можно объяснить диахронически. В [8, с. 155] отмечается, что показатель *-чV* является наиболее древней формой приблизительных числительных в тюркских языках. Этот показатель, как и еще один из изучаемых нами маркеров – *саба*, восходит к прото-тюрк. **čīāk* ‘1. время, пора; 2. точно, впору’ < прото-алт. *čīāk* ‘е ‘время’ [9, с. 436; 10]. Аффикс *-чV(кV)* непосредственно восходит к послелогу **čāk* (**čāba*/**čākli*(б)) [9, с. 53–55, с. 155–156].

Показатель *хас* упомянут в [6, с. 182] как одна из «синтаксических форм приблизительных числительных» (*үс хас* ‘около трех’, *биэс хас* ‘около пяти’). Подробнее его свойства не рассматриваются.

Послелог *саба(чча)*⁴, упомянутый выше, тоже обсуждается в литературе. Согласно [11, с. 258–259], элемент *саба* «выражает компаративную семантику соразмерности». Там же рассматриваются конструкции с *саба*, находящиеся в атрибутивной позиции к существительному, обозначающему параметр, значение которого сопоставляется в данном контексте. При эллипсисе существительного данный маркер может принимать падежные показатели. В [7, с. 175] также описан вариант *сабана*, который сочетается с причастиями на *-ар* и маркирует одновременность. В [6, с. 428–430] послелог классифицированы по значению: *саба* отнесен к компаративным послелогам, а вариант *сабана* отнесен к группе послелогов, указывающих на приблизительность времени совершения действия. Кроме того, в классификации обозначен послелог *сабаттан*, указывающий на начало действия во времени. В [6, с. 149] утверждается, что *сабана* диахронически является формой DAT/LOC.POSS3SG от существительного *сах* ‘время’.

³ Здесь и далее толкования приведены в соответствии с онлайн-словарем [5].

⁴ Форма *сабачча* является застывшим образованием, состоящим из *саба* и *-чV(кV)*.

В классификации послелогов по [6, с. 428–430] маркер *курдук* отнесен к категориям «послелог, указывающие на приблизительность времени совершения действия» и «компаративные послелог». Ни послелог *курдук*, ни послелог *саба* не отнесены к категории «отношения приблизительности меры, количества или подсчета», а также не упоминаются в разделе о приблизительных числительных [6, с. 182]. Таким образом, в наших источниках эта их функция не описана. Тем не менее описан ряд функций данных маркеров вне конструкций с числительными. Так, согласно [11, с. 257], причастие на *-быт* в сочетании с послелогом *курдук* выражает «сказуемое зависимой части сложноподчиненных предложений образа действия».

По имеющимся источникам, маркер *курдук* является достаточно древним. В [9, с. 700] он возводится к прото-тюркскому **Kur* ‘1. ранг, степень, ряд; 2. сходный, равный; 3. один из двух, нечетный; 4. время, раз’ < прото-алт. **kjörü* ‘ранг, позиция, мера’.

О послелог *кэрингэ*⁵ доступно мало информации. В [6, с. 428–430] он отнесен к группе послелогов, маркирующих отношения приблизительности меры, количества или подсчета, а также к послелогам, указывающим на приблизительность времени совершения действия. В группе компаративных послелогов отмечен элемент *кэриэтэ*, который может быть деривационно связан с *кэрингэ*.

Как было упомянуто, показатель *кэрингэ*, помимо функции маркера приблизительности, обладает значением ‘мера, объем; примерно’ (3). В словарной статье *величина* в [5] указано якутское соответствие *кэрингэ*. Таким образом, *кэрингэ*, вероятнее всего, представляет собой форму POSS.3SG от данной лексемы, что мы отражаем при глоссировании.

(3)	Социальный	хантараак-ка	олобур-бут	көмө
	социальный	контракт-DAT/LOC	проживать-PTCP.PST	помощь
	<i>кэрингэ</i>	улаат-ыахтаах		
	величина-POSS.3SG	расти-PTCP.DEV		
- ‘Объем помощи проживающим по социальному контракту должен увеличиться’ (Google).

Подведем итог данного раздела. Показатели *курдук*, *-чV(кV)*, *саба(чча)* и *кэрингэ* имеют схожее происхождение (все они связаны с различными мерными словами). В исследованиях дистрибуции этих показателей имеется немало лакун: доступные сведения касаются прежде всего контекстов вне количественных конструкций. В ряде работ отмечается функция показателя приблизительности у маркера *-чV(кV)* (ср. [6, 13, 14, с. 31]), однако ограничения на его употребление в аппроксимативной функции подробно не описаны. Дистрибуции маркера *курдук* вне количественных конструкций посвящены многочисленные исследования, ср. [14] о сравнительных конструкциях, однако в этой работе также не описана аппроксимативная функция показателя. Показатель *кэрингэ* в [6, с. 428–430] упоминается как маркер «приблизительности меры», однако его дистрибуция неясна. Кроме того, функции этих показателей ранее не сопоставлялись.

3. Полевое исследование якутского языка

3.1. Аппроксимативная функция

3.1.1. Дистрибуция и линейная позиция

Языки мира, как и конкретные маркеры приблизительности (мы обозначаем их как APPR), различаются линейным расположением элемента APPR в количественной конструкции и количеством доступных стратегий линейного расположения маркера APPR [15].

⁵ В некоторых якутских диалектах и в долганском языке он выглядит как *кураҥа* [12, с. 137].

Рассмотрим показатель *-чV(кV)* В [6, с. 182] описаны некоторые ограничения на его дистрибуцию: так, отмечается, что он сочетается с названиями десятков и сотен. Наши данные в целом подтверждают этот вывод, см. *сүүрбэ-ччэ* ‘двадцать-APPR’, *отучча* ‘тридцать-APPR’, *сүүс-чэ* ‘сто-APPR’. Как правило, носители отмечают неграмматичность сочетания данного показателя с некруглыми числительными: ср. **икки-чэ(кэ)* ‘два-APPR’, **биэс-чэ(кэ)* ‘пять-APPR’.

В отношении линейного расположения показателя *-чV(кV)* внутри KK_{APPR} информанты последовательны в суждениях: маркер приблизительности занимает позицию исключительно после числительного, но не после ЕИ (4) или настоящего квантифицируемого (5).

- (4) *Кини* *маҕабын-га* *уон-ча(ка)* *киилэ* *хортуоска-ны/*
он магазин-DAT/LOC десять-APPR килограмм картошка-ACC
**уон* *киилэ-чэ(кэ)* *хортуоска-ны* *атыылаһ-а* *бар-д-а.*
десять килограмм-APPR картошка-ACC покупать-CVB.PURP1 идти-PST-3SG
‘Он купил в магазине примерно 10 килограммов картошки’.

- (5) *Остуол-га* *уон-ча(ка)* *чааскы* *тур-а-р /* **уон*
стол-DAT/LOC десять-APP чашка стоять-NPST-3SG десять
чааскы-ча(ка) *тур-а-р.*
чашка-APPR стоять-NPST-3SG
‘На столе стоит чашек десять’.

В отличие от показателя *-чV(кV)* маркер *курдук* не имеет ограничений на арифметическое значение числительного (ср. (6a, 7a) и (6b, 7b)). Кроме того, *курдук* не может разделять элементы сложного квантификатора в KK : при наличии в конструкции единицы измерения данный маркер должен занимать линейную позицию после единицы измерения (6). В аппроксимативной функции *курдук* должен следовать непосредственно за количественным слотом, т. е. он не может занимать позицию после настоящего квантифицируемого – в этом случае интерпретация не соответствует ожидаемой (7).

- (6) a. *Суол* *уһун-а* *сүүс* *километр* *курдук /* **сүүс* *курдук* *километр.*
дорога длина-POSS.3SG сто километр как сто как километр
‘Длина дороги примерно сто километров’.
- b. *Суол* *кэтитинэн* *үс* *метр* *курдук/* **үс* *курдук* *метр.*
дорога в_ширину три метр как три как метр
‘Дорога шириной примерно три метра’.
- (7) a. *Сүүс* *курдук* *киһи /* *#сүүс* *киһи* *курдук* *кэл-бит-тэр.*
сто как человек сто человек как приходить-PTCP.PST/PST2-PL
‘Пришло примерно сто человек’/‘Пришли сто [существ], похожие на людей’.
- b. *Үс* *курдук* *киһи /* *#үс* *киһи* *курдук* *кэл-бит-тэр.*
три как человек три человек как приходить-PTCP.PST/PST2-PL
‘Пришло человека три’/‘Пришли трое, похожие на людей’.

Показатель *кэринэ* используют не все опрошенные носители. Жителям Якутска и близлежащих районов он известен, однако они отмечают, что в разговорной речи он, как правило, не используется. Они затрудняются дать однозначную оценку грамматичности примеров с этим маркером. Активными носителями конструкций с *кэринэ* оказались жители Аллаиховского и Нижнеколымского районов. Согласно результатам опроса, показатель *кэринэ* не может занимать линейную позицию после настоящего квантифицируемого (8a). В (8b) позиция

кэрингэ между элементами сложного квантификатора (количественным числительным и единицей измерения) была признана неграмматичной.

- (8) а. Библиотека-ба сүүс кэринг-э кинигэ / *сүүс
библиотека-DAT/LOC сто величина-POSS.3SG книга сто
кинигэ кэринг-э баар.
книга величина-POSS.3SG имеется
‘В библиотеке есть примерно сто книг’.
- б. Компюок-ка икки стакан кэринг-э саахар-ы /
компот-DAT/LOC два стакан величина-POSS.3SG сахар-ACC
*икки кэринг-э стакан саахар-ы кут-а-бын.
два величина-POSS.3SG стакан сахар-ACC лить-NPST-2SG
‘В компот нужно добавить (букв. наливаешь) стакан сахара’.

Поскольку среди наших консультантов оказалось мало активных носителей аппроксимативной конструкции с кэрингэ, для верификации результатов был сформирован ряд поисковых запросов в Google: с помощью инструмента для точного поиска были заданы выражения с шестью случайно выбранными конвенциональными единицами измерения, где маркер кэрингэ занимал позицию как до единицы измерения, так и после. Количество неповторяющихся результатов на каждый запрос представлено в табл. 2.

Таблица 2

Линейная позиция кэрингэ с единицами измерения

ЕИ/стратегия	NUM + MEAS.N + APPR + NOUN	NUM + APPR + MEAS.N + NOUN
туонна	40	15
киилэ	32	1
километр	22	0
метр	6	0
чаас	93	2
мунуутэ	34	0
Итог:	127	18

Как показано в табл. 2, стратегия с разбиением сложного квантификатора составляет лишь 12,41 % от примеров в выборке.

Отметим, что в обнаруженных примерах маркер кэрингэ сочетается преимущественно с большими круглыми числительными. Поисковый запрос «тыһыынча кэрингэ» (‘примерно тысяча’) дает 64 уникальных результата, «мөлүйүөн кэрингэ» (‘примерно миллион’) – 55, «сүүс кэрингэ» (‘примерно сто’) – 15, «уон кэрингэ» (‘примерно десять’) – 4, а количество сочетаний с числительными биир ‘один’, икки ‘два’, ус ‘три’ составляет 2, 0 и 3 соответственно.

Маркер саба в основной функции является эквативом, сравнивающим объекты по параметрам, которые можно характеризовать в количественном измерении (9).

- (9) Сайыына сутурук саба дьэдьэн-и бул-бут-а.
Сайыына кулак APPR земляника-ACC найти-PTCP.PST/PST2-3SG
‘Сайыына нашла землянику размером с кулак’.

Для некоторых носителей дистрибуция показателя саба ограничивается подобными контекстами, однако большинство подтверждает его грамматичность и в функции аппрокси-

мативного маркера в КК (ниже грамматичность оценивается для этой группы носителей)⁶. У большей части носителей, использующих *саҕа* в данном контексте, приемлема только линейная позиция аппроксимативного показателя после квантификатора (без возможности разбивать сложный квантификатор), ср. (10)–(11). Некоторые носители допускают отклонение от такого порядка слов.

- (10) *Бу маҕаһыыҥ-ҥа сүүс саҕа кинигэ /*
 этот магазин-DAT/LOC тридцать EQU/APPR книга
??сүүс кинигэ саҕа баар.
 сто книга EQU/APPR имеется
 ‘В этом магазине есть примерно сто книг’.
- (11) а. *Сайыына биир километр саҕа / ??биир саҕа*
 Сайыына один километр EQU/APPR один EQU/APPR
километр аас-т-а.
километр проходить-PST-3SG
 ‘Сайыына прошла примерно километр’.
- б. *Компюок-ка биир стакан саҕа / ??биир саҕа*
 компот-DAT/LOC один стакан EQU/APPR один EQU/APPR
стакан саахар-ы кут-а-ҕын.
 стакан сахар-ACC лить-NPST-2SG
 ‘В компот нужно добавить (букв. наливаешь) один стакан сахара’.

Показатели приблизительности *хас* и *игин*, по оценкам наших консультантов, характерны именно для разговорной речи. В аппроксимативной функции *хас* не употребляется в идиолектах опрошенных жителей Якутска.

В базовом употреблении *хас* функционирует как вопросительное слово ‘сколько’ (12). О функциях *игин* вне КК_{APPR} см. в разделе 3.3.

- (12) *Хас саахар-ы кут-а-ҕын?*
 сколько сахар-ACC лить-NPST-2SG
 ‘Сколько сахара добавляешь?’

Показатель *хас* следует той же стратегии, что и *-чV(κV)*, ср. (13)–(14), где он следует за числительным, но не за единицей измерения или настоящим квантифицируемым. В отличие от *-чV(κV)* он способен сочетаться с некруглыми числительными.

- (13) а. *Остуол-га биэс хас чааскы тур-а-р.*
 стол-DAT/LOC пять сколько чашка стоять-NPST-3SG
- б. **Остуол-га биэс чааскы хас тур-а-р.*
 стол-DAT/LOC пять чашка сколько стоять-NPST-3SG
 ‘На столе стоит где-то пять чашек’.

⁶ Деривационно связанный с *саҕа* показатель *саҕана*, упомянутый в разделе 2, допустим в аппроксимативных контекстах у всех опрошенных носителей. Дистрибуция этого показателя ограничена узким классом контекстов, см. раздел 3.1.2.

- (14) а. *Биэс хас солкуобай⁷ сөн буол-уо-ø.*
 пять сколько рубль достаточно становиться-FUT-3SG
 ‘Приблизительно пяти рублей хватит’. [SakhaTyla.ru]
- б. **Биэс солкуобай хас сөн буол-уо-ø.*
 пять рубль сколько достаточно становиться-FUT-3SG
 ‘Приблизительно пяти рублей хватит’.

Согласно суждениям носителей, показатель *игин* в ККА_{APPR} маркирует не только приблизительность, но и фокусное выделение количества (15)–(16). Так, ККА_{APPR} в (15) звучит приемлемо только в контексте диалога.

- (15) – *Оскуола-ба уон игин оҕо / *уон оҕо*
 школа-DAT/LOC десять APPR ребенок десять ребенок
игин кэл-э-р.
 APPR приходить-NPST-3SG
 ‘– В школу приходит примерно десять детей’.
Ээ, аҕыйах эбит.
 INTJ мало MOD
 ‘– Ээ, мало, оказывается’.
- (16) – *Оскуола-ба хас оҕо кэл-э-р-ий?*
 школа-DAT/LOC сколько ребенок приходить-NPST-3SG-Q
 ‘Сколько детей приходит в школу?’
 – *Уон игин (буол-уо-ø).*
 десять APPR становиться-FUT-3SG
 ‘Наверно, десять’.

В табл. 3 обобщены данные о линейной позиции показателей приблизительности в якутском языке, за исключением *игин*, использование которого в ККА_{APPR}, по-видимому, обусловлено в том числе дискурсивно.

Таблица 3

Обобщение данных о выборе стратегии

Стратегия/маркер	-чV(κV)	хас	курдук	кэрингэ	саба
NUM + APPR + MEAS.N + NOUN	OK	OK	*	??	??
NUM + MEAS.N + APPR + NOUN	*	*	OK	OK	OK
NUM + MEAS.N + NOUN + APPR	*	*	*	*	??

Как видно из табл. 3, все показатели (*курдук*, *кэрингэ*, *саба*), способные функционировать как маркеры стандарта сравнения в эквативных конструкциях (см. разделы 2, 3.2), занимают позицию после сложного квантификатора, т. е. не могут отделять числительное от единицы измерения. Мы считаем это аргументом в пользу единого анализа эквативных и аппроксимативных конструкций с этими маркерами, см. раздел 3.2. Показатели *-чV(κV)* и *хас*, не обладающие эквативной функцией, демонстрируют морфосинтаксические ограничения на категорию квантификатора и занимают другую структурную позицию.

⁷ Мы считаем данную лексику единицей измерения, поскольку в количественных конструкциях с ней допускается существительное, не обладающее свойствами квантификатора:

(i) 33 *мөлүйүөн солкуобай харчы*
 33 миллион рубль деньги
 ‘(букв.) 33 миллиона рублей денег’ (Google)

3.1.2. Периферийные контексты

В данном разделе мы рассмотрим сочетаемость аппроксимативных маркеров с различными разрядами числительных и семантические ограничения на дистрибуцию некоторых показателей.

В языках мира особыми свойствами нередко обладает контекст неточного обозначения времени [15, 16]. В якутском языке есть два маркера, употребимые исключительно в такой функции: *диэкки* (17a–d) и *саџана* (18). Послелог *диэкки* в буквальном значении маркирует направление движения (*ойуур диэки бар-* ‘идти в сторону леса’ [5])⁸. Точное время выражается дативно-локативной формой, и в такую конструкцию нельзя добавить *диэкки* (17b). Запрет на употребление *диэкки* вне этой конструкции не связан с синтаксической позицией и падежным маркированием количественного выражения (17c–d).

- (17) a. *Мин икки чаас диэкки / *икки диэкки чаас кэл-иэ-м.*
я два час к два к час приходит-FUT-1SG
‘Я приду где-то к двум часам (плюс-минус в два часа)’.
- b. *Мин икки чаас-ка (*диэкки) кэл-иэ-м.*
я два час-DAT/LOC к приходит-FUT-1SG
‘Я приду (*примерно) к двум часам’.
- c. **Остуол-га уон диэкки чааскы / уон диэкки чаас кы тур-а-р.*
стол-DAT/LOC десять к чашка десять к чашка стоять-NPST-3SG
Ожидаемое значение: ‘На столе стоит чашек десять’.
- d. *Чэй-и уон (*диэкки) чааскы-га кут-т-а.*
чай-ACC десять к чашка-DAT/LOC наливать-PST-3SG
‘Он налил чай (*примерно) в десять чашек’.
- (18) *Уон саџана кэл-ээр.*
десять APPR приходит-IMP.DIST.FUT
‘Примерно к десяти [часам] приходи’.

Рассмотрим теперь конструкции с порядковыми числительными. В отличие от количественных числительных они не обозначают количество элементов множества, а указывают на позицию элемента на упорядоченной шкале некоторого множества, выбирая из множества *х-ов* *п-ного* *х* (см. [17; 18]). Таким образом, возможность сочетаться с тем или иным типом *ККА_{APPR}* дает представление о том, с какими типами шкал совместим показатель. По нашим данным, практически все из рассмотренных выше показателей невозможны в конструкциях с порядковыми числительными, ср. (19a–b). В то же время для *игин* были получены примеры (19c–d), где такое сочетание возможно.

- (19) a. **бу тема-ны кини-лэр онус-ча кылаас-ка/ онус*
этот тема-ACC он-PL десять-APPR класс-DAT/LOC десятый
кылааска-ча бар-а-ллар.
класс-APPR идти-NPST-3PL
Ожидаемое значение: ‘Эту тему проходят примерно в десятом классе’.
- b. **манньык задача-лар-ы бэһис курдук кылаас-ка/*
такой[PROX] задача-PL-ACC пятый как класс-DAT/LOC
бэһис кылаас-ка курдук үөрэт-э-ллэр.
пятый класс-DAT/LOC как учить-NPST-3PL
Ожидаемое значение: ‘Такие задачи изучают примерно в пятом классе’.

⁸ О диахронии лексем *саџа* и *саџана* см. в разделе 2.

- с. *манньк* *задача-лар-ы* *бэһус* *игин* *кылаас-ка* *үөрэт-э-ллэр.*
такой[PROX] задача-PL-ACC пятый APPR класс-DAT/LOC учить-NPST-3PL
'Такие задачи изучают примерно в пятом классе'.
- д. *кини* *бэһус* *кылаас-ка* *игин* *үөрэн-э*
он пятый класс-DAT/LOC APPR учиться-CVB.SIM
сылдь-ан *ийэ-тэ* *суох* *хаал-быт.*
посещать-CVB.SEQ мать-POSS.3SG NEG оставаться-PTCP.PST/PST2
'Он остался без матери, когда учился примерно в пятом классе'.

Что касается числительных прочих разрядов, то в якутском языке аппроксимативные показатели по-разному ведут себя с дистрибутивными числительными. Показатель *хас*, в отличие от *саба* и *курдук*, присоединяет те же деривационные показатели, что и числительное, ср. (20a–b).

- (20) а. *оҕо-лор* *бары* *биэс-тии* *саба /* *биэс-тии* *курдук /*
ребенок-PL весь пять-DISTR APPR пять-DISTR как
яблоко *сиэ-т-илэр.*
яблоко есть-PST-3PL
'Все дети съели примерно по пять яблок'.
- б. *алта-лыы* *хас-тыы* *куобах-тан-н-ыбыт* *быһыы-лаах.*
шесть-DISTR сколько-DISTR заяц-VBLZ.PROPR-PST-1PL вид-COM
'Видимо, убили по пять-шесть зайцев на каждого'. [5]

3.2. Эквативно-аппроксимативные маркеры

В текущем разделе мы покажем, что часть якутских аппроксимативных показателей выступают маркерами стандарта сравнения в эквативных конструкциях (см. раздел 1.2 о теоретической базе). Показатель *курдук* может сопоставлять как качественные характеристики объектов (21a), так и количественные (21b). Для сопоставления количественных характеристик в конструкции должно присутствовать существительное, выражающее измеряемый параметр (21b). При отсутствии такого существительного сравнение производится по шкале качественных признаков (21c).

- (21) а. *Бу* *уол* *аба-ты-н* *курдук.*
этот мальчик отец-POSS.3SG-ACC как
'Этот мальчик похож на отца (например, чертами лица)'.
- б. *Бу* *мас* *үрдүг-э* *дьиэ* *үрдүг-ү-н* *курдук.*
этот дерево высота-POSS.3SG дом высота-POSS.3SG-ACC как
'Это дерево высотой с дом'.
- с. *#Бу* *мас* *дьиэ* *курдук.*
этот дерево дом как
#'Дерево похоже на дом'.

Показатели *саба* и *кэрингэ* в сравнительных конструкциях представляют собой эквативные маркеры, сопоставляющие количественные значения параметров измерения. Во всех доступных контекстах они способны сопоставлять объекты лишь по тем свойствам, значения которых отображаются на количественные шкалы:

- (22) а. *Бу* *мас* *дьиэ* *саба /* *кэрингэ.*
этот дерево дом EQU/APPR величина-POSS.3SG
'Дерево высотой с дом'.

- b. [#]Бу уол аҕа-ты-н саҕа / кэринг-э.
этот мальчик отец-POSS.3[SG]-ACC EQU/APPR величина-POSS.3SG
[#]‘Этот мальчик как его отец (по росту/по весу)’.

Мы предполагаем, что за эквативными и аппроксимативными (раздел 3.1.1) конструкциями с маркерами *курдук*, *саҕа* и *кэрингэ* стоит схожая синтаксическая конфигурация. В (23a) количественные характеристики (объем) земляники находятся в отношении приблизительного равенства с эталонными для данного контекста количественными характеристиками (размером, объемом) кулака. В (23b) количественные характеристики (объем) сахара находятся в отношениях приблизительного равенства с количественными характеристиками (объемом, вместительностью) одного стакана.

- (23) a. Сайыына сутурук саҕа дьэдьэн-и бул-бут-а.
Сайыына кулак APPR земляника-ACC найти-PTCP.PST/PST2-3SG
‘Сайыына нашла землянику размером с кулак’. = (9)
- b. Комптук-ка биир стакан саҕа саахар-ы кут-а-бын.
компот-DAT/LOC один стакан EQU/APPR сахар-ACC лить-NPST-2SG
‘В компот нужно добавить (букв. наливаешь) один стакан сахара’. = (11b)

Помимо этого, мы установили, что по меньшей мере для некоторых носителей формы *саҕа* и *саҕачча* различаются в эквативных контекстах. Первая может задавать как точное, так и приблизительное сравнение (24a), тогда как элемент *-чча* снимает неоднозначность и оставляет доступной лишь неточную интерпретацию (24b).

- (24) a. Мас дьиэ саҕа.
дерево дом EQU/APPR
‘Дерево высотой с дом (ровно/примерно)’.
- b. Мас дьиэ саҕа-чча.
дерево дом EQU/APPR-APPR
‘Дерево высотой с дом (примерно/??ровно)’.

3.3. Кросскатегориальность

Рассмотрим показатели с наиболее широкой сочетаемостью с различными структурами – *курдук* и *игин*.

Экватив *курдук* возможен в контекстах с нефинитными формами. В позиции стандарта сравнения оказывается вся клауза, при этом объект сравнения эксплицитно не выражен. В этом случае *курдук* задает неточное сравнение гипотетической эталонной ситуации с реальной ситуацией, см. (25)–(26): говорящий имеет представление о том, как может вести себя человек, который собирается на море (25), или какие могут быть признаки того, что прошел дождь (26); в таких высказываниях говорящий сопоставляет наблюдаемые признаки со своими представлениями о мире. Это употребление близко к контекстам эпистемической возможности, предполагающей неуверенность говорящего относительно некоторого положения дел [19].

- (25) Айтал муора-ба бар-аары гым-мыт курдук.
Айтал море-DAT/LOC идти-CVB.PURP2 делать-PTCP.PST как
‘Айтал как будто бы собрался ехать на море [может как соответствовать реальному положению дел, так и нет; говорящий не уверен]’.

- (26) *Соторутаабыта* *ардах* *түс-нүт* *курдук.*
 недавно дождь падать-PTCP.PST как
 ‘Кажется, как будто бы недавно прошел дождь [может как соответствовать реально-
 му положению дел, так и нет; говорящий не уверен]’.

Показатель *игин* отчасти можно сравнить с английскими *sorta, kinda*, так же, как и *игин*, характерными для разговорной речи. В [20] маркер *sorta* анализируется с опорой на теоретический подход, представленный в [21], согласно которому ряд языковых выражений обладает прагматическим ореолом (англ. pragmatic halo) различий, которыми можно пренебречь из прагматических соображений⁹. Прагматические ореолы могут быть модифицированы с помощью единиц, получивших в литературе название *slack regulators* (регуляторы неточности). Они способны как сужать, так и расширять прагматический ореол языковых выражений. В [20] *sorta* относится ко второму типу и трактуется как степенной модификатор, маркирующий близость предиката (в формально-семантическом понимании) к контекстно заданному стандарту. Как показано в [20], *sorta* сочетается с градуируемыми предикатами. Если предикат не обладает таким свойством, то *sorta* вызывает коэрсию и вводит скалярную семантику¹⁰.

Аргументом в пользу схожего анализа якутских данных служат примеры типа (27). В этом случае языковое выражение *халбаһы* ‘колбаса’ приобретает скалярные свойства: маркер *игин* задает прагматический ореол, в который попадают другие ситуационно приемлемые объекты, близкие к стандарту (колбасе) – сыр, сосиски и др.

- (27) *Халбаһы-та* *игин* *атылаһ-ан* *кэл-э-бин* *дуо?*
 колбаса-PART APPR купить-CVB.SEQ приходить-NPST-2SG Q
 ‘Можешь купить колбасы или еще чего-то?’

Маркеры *игин* и *курдук* могут сочетаться в одной конструкции, поскольку их функции не тождественны. В (28a) невозможно опустить *курдук*. Отсутствие же маркера *игин* не влияет на грамматичность (28b). Как и в (27), *игин* влияет на величину прагматического ореола и делает сравнение менее точным.

- (28) a. *Мин* *игин* **(курдук)* *гын-ө.*
 я APPR как делать-IMP
 ‘Делай примерно как я’.
 b. *Мин* *курдук* *гын-ө.*
 я как делать-IMP
 ‘Делай как я’.

Вопрос о семантическом инварианте показателя *игин* нуждается в дальнейшем изучении.

Заключение

В статье проанализирована система маркеров неточного количественного значения в якутском языке. Во-первых, систематизирован инвентарь маркеров приблизительности

⁹ Например, фраза *It's 3 o'clock* ‘Сейчас три часа’ может быть произнесена (и соответствовать условиям истинности) и в 2:58, и в 3:02, поскольку отклонения от заданной точки попадают в ореол, которым можно пренебречь из прагматических соображений [20, 21].

¹⁰ Примером может служить (ii), где предикат *swim* ‘плавать’ изначально является неградуируемым. Однако в данном контексте оператор *sorta* вызывает коэрсию и превращает *swim* в степенной предикат: доступная альтернатива в высокой степени близка по своим характеристикам к ситуации плавания.

(ii) *He sorta swam over to the boat.*

‘Он типа/вроде как подплыл к лодке’. = ‘Он сделал что-то похожее на подплывание к лодке’ [20].

и рассмотрена линейная позиция показателей в количественной конструкции. С этой точки зрения мы разделили их на две группы: те, которые следуют непосредственно за числительным (*-чV(кV)*, *хас*), и те, которые (хотя бы у большей части опрошенных носителей) не могут разбивать сложный квантификатор (*курдук*, *саба*, *кэрингэ*). Показано сходство аппроксимативных и эквативных конструкций, содержащих маркеры из последней группы: и в том и в другом случае за конструкцией стоит идея сравнения с эталонным значением – качественным либо количественным.

Во-вторых, в статье описана сочетаемость изучаемых маркеров с различными разрядами числительных и с другими морфосинтаксическими классами вне количественных конструкций. Это проливает свет на скалярные свойства показателей. Например, мы установили, что показатели *курдук*, *саба* и *кэрингэ* также являются эквативными показателями (маркерами стандарта сравнения), причем последние два маркируют лишь равное значение какого-либо количественного параметра. Таким образом, дистрибуция маркеров *саба* и *кэрингэ* ограничена количественными шкалами (т. е. оперирующими количеством элементов в множестве либо характеристиками количественных параметров). Показатель *курдук* оперирует характеристиками объектов как в количественном, так и в качественном отношении. Тем не менее, как и количественные эквативы, он несовместим с порядковой шкалой. Наиболее универсальным в качестве показателя приблизительности, по нашим данным, является *игин*, совместимый как с количественными, так и с порядковыми и признаковыми шкалами. Показатели *хас* и *-чV(кV)* следуют строго за числительными, однако они, как и эквативные показатели *курдук*, *саба* и *кэрингэ*, допустимы в контекстах с единицами измерения. Дистрибуция показателей *диэikki* и *сабана* ограничивается шкалой времени.

В-третьих, мы показали, что в сочетании нескольких изучаемых маркеров в одной конструкции один из них может снимать прагматическую неточность и/или влиять на прагматический ореол.

Список сокращений

1 – 1-е лицо; 2 – 2-е лицо; 3 – 3-е лицо; ACC – аккузатив; APPR – приблизительность; COM – комитатив; CVB.PURP – целевой конверб; CVB.SEQ – конверб следования; CVB.SIM – конверб одновременности; DAT – датив; DISTR – дистрибутивность; IMP – императив; IMP.DIST.FUT – императив отдаленного будущего; INTJ – междометие; LOC – локатив; MEAS.N – единица измерения; MOD – модальная частица; NEG – отрицание; NOUN – существительное (настоящее квантифицируемое); NPST – непрошедшее время; NUM – числительное; PART – партитив; PL – множественное число; POSS – посессивный показатель; PROX – ближний дейксис; PST – прошедшее время; PST2 – давнопрошедшее время; PTCP.DEV – дебитивное причастие; PTCP.PST – причастие прошедшего времени; Q – вопросительная частица; SG – единственное число; VBLZ.PROPR – вербализатор с семантикой приобретения объекта.

Список источников:

1. Treis Y. Comparative Constructions: An Introduction // On the expression of comparison: contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages / ed. by Y. Treis, K. I. Wojtylak. Dartmouth College, Hanover, New Hampshire, USA: Linguistic Discovery, 16. 2018. P. I–XXVI.
2. Treis Y., Vanhove M. (eds.). Similitive and equative constructions: A cross-linguistic perspective. Amsterdam: Benjamins, 2017. 437 p.
3. Haspelmath M. Chapter 1. Equative constructions in world- wide perspective: A crosslinguistic perspective // Similitive and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective / ed. by Y. Treis and M. Vanhove). Amsterdam: Benjamins, 2017. P. 9–32.
4. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similitive constructions in the languages of Europe // Adverbial constructions in the languages of Europe / ed. by J. van der Auwera. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.

5. SakhaTyla.ru. Русско-якутский и якутско-русский электронный словарь. URL: <http://sakhatyla.ru> (дата обращения: 02.03.2024).
6. Коркина Е. И., Убрятова Е. И., Харитонов Л. Н., Петров Н. Е. (ред). Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 504 с.
7. Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка: Сложное предложение. Новосибирск: Наука, 1976. Кн. 2, Т. 2. 681 с.
8. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л.: Наука, 1977. 190 с.
9. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Part I. A–K, Part II. L–Z, Part III. Indices. Leiden: Brill, 2003. 2096 p.
10. Starling. Этимологическая база данных. URL: <https://starlingdb.org/> (дата обращения: 10.02.2024).
11. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2: Синтаксис / Е. И. Убрятова, Н. Е. Петров, Н. Н. Неустроев и др. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995. 336 с.
12. Убрятова Е. И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985. 216 с.
13. Иванов С. А. О следах исчезнувших в якутском языке падежей // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. № 5 (259). С. 63–67.
14. Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1986. 109 с.
15. Винклер М.-Э. А. Аппроксимативные количественные конструкции финно-угорских языков в типологической перспективе: магистерская диссертация. М.: МГУ, 2020. 119 с.
16. Plank F. How to disclaim precision about numbers. Leipzig Numerals Workshop, 29–30 March 2004 (handout). 17 p.
17. Ионова А. А., Лютикова Е. А. Сфера действия адъективных операторов и синтаксис именной группы в русском языке // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2015. № 2. С. 68–87.
18. Sleeman R. The second best word order: How ordinals restrict superlatives and why it's not reciprocated. Talk at 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (Leipzig, 21st–24th August 2019).
19. Auwera J. van der, Plungian V. Modality's semantic map. Linguistic Typology. 1998. № 2 (1). p. 79–124.
20. Anderson C. Inherent and coerced gradability across categories: manipulating pragmatic halos with sorta // Proceedings of the 23rd Semantics and Linguistic Theory Conference, held at the University of California, Santa Cruz, May 3–5, 2013 / ed. by T. Snider. 2013. P. 81–96.
21. Lasersohn P. Pragmatic halos // Language. 1999. № 75 (3). P. 522–551.

Винклер Мария-Эмилия Александровна.

Младший научный сотрудник.

Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России,

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, 1, стр. 1, Москва, 125009.

МГУ им. М. В. Ломоносова.

Ленинские горы, 1, Москва, 119991.

E-mail: mw@iling-ran.ru

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2024 г.

M.-E. A. Winkler

SYSTEM OF APPROXIMATIVE MARKERS IN SAKHA¹¹

The article considers data from Sakha that marks an approximate quantity in numerical constructions. The article describes a system of such markers. First, I analyze the available data from published sources and represent the inventory of markers in Sakha. In particular, I have described the marker *igin* (игин), for which there is no data both in the grammatical descriptions known to me and in the dictionaries. I have refined the data on the other approximate quantity markers in comparison with the literature. I also described the surface morphosyntax of such constructions (linear position in a quantified expression, in particular, the ability to occur between the elements of a complex quantifier). The investigation revealed two different strategies of word order in numerical constructions. Second, I analyzed the contexts with other classes of numerals and some syntactic categories beyond quantified expressions with cardinal numerals. As this part of my investigation has shown, imprecise

¹¹ The study has been supported by RSF, project No. 22-18-00285 "Scalarity in the Grammar and Lexicon: a semantic and typological study" (Lomonosov Moscow State University).

quantity markers in Sakha are incompatible with ordinal numerals (except for igin). The morphosyntactic properties of an approximative quantity marker *xas* (xas) have also been described. These properties distinguish it from other operators that mark an approximate quantity. Third, I examined the cross-category properties of the markers in question. It was shown that the markers *kurduk* (курдук), *saҕa* (саҕа), and *keriҕe* (кэринэ) can function as equatives (marking the standard of comparison). In this usage, *saҕa* and *keriҕe* are also restricted to quantitative contexts, while the distribution of *kurduk* is much broader. It has been shown that *kurduk* acquires an epistemic modal function in combination with non-finite verbal forms. The corresponding data were analyzed in terms of scales and pragmatic halos resulting from the framework presented in [Lasersohn 1999]. Finally, it was shown that different types of scales are available for the approximate markers analyzed in this paper.

Keywords: *Sakha, quantified expressions, comparative constructions, numerals, approximation, equatives, scales*

References:

1. Lasersohn P. Pragmatic halos. *Language*, 1999, no. 75 (3), pp. 522–551.
2. Treis Y. Comparative Constructions: An Introduction. In: Treis Y., Wojtylak K. I. On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. *Linguistic Discovery*, 2018, no. 16(1), pp. 1–36.
3. Treis Y., Vanhove M. (eds) *Similative and equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 2017. 437 p.
4. Haspelmath M. Equative constructions in world-wide perspective: A crosslinguistic perspective. In: Treis Y., Vanhove M. (eds) *Similative and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam: Benjamins, 2017. pp. 9–32.
5. Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. In: van der Auwera J. (ed.) *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. pp. 277–334.
6. *SakhaTyla.ru. Russko-yakutskiy i yakutsko-russkiy elektronniy slovar'* [Russian-Sakha and Sakha-Russian online dictionary]. Available at: <http://sakhatyla.ru>.
7. Korkina E. I., Ubryatova E. I., Xaritonov L. N., Petrov N. E. (eds) *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Sakha literary language. Phonetics and morphology]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 504 p. (in Russian).
8. Ubryatova E. I. Issledovaniya po sintaksisu yakutskogo yazyka: Slozhnoe predlozhenie [Research on the syntax of Sakha language: Complex sentence]. Novosibirsk: Nauka, 1976. Book 2, vol. 2. 681 p. (in Russian).
9. Shcherbak A. M. Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (imya) [Essays on the comparative morphology of Turkic languages (Noun)]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 190 p. (in Russian).
10. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden: Brill, 2003. Part I–III. 2096 p.
11. *Etimologicheskaya baza dannyykh, sostavlenneya S. A. Starostiny* [An etymological database by S. A. Starostin]. Available at: www.starling.rinet.ru.
12. Ubryatova E. I., Petrov N. E., Neustroev N. N. et al. *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Sakha literary language]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1995. Vol. 2. 336 p. (in Russian).
13. Ubryatova E. I. *Yazyk noril'skikh dolgan* [Language of the Norilsk Dolgans]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1985. 216 p. (in Russian).
14. Ivanov S. A. (2012). O sledakh ischeznuvshikh v yakutskom yazyke padezhey [On traces of cases that have disappeared in Sakha]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, no. 5 (259), pp. 63–67 (in Russian).
15. Vasil'ev Yu. I. *Sposoby vyrazheniya sravneniya v yakutskom yazyke* [Ways of expressing comparison in Sakha]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1986. 109 p. (in Russian).
16. Winkler M.-E. A. *Approksimativnye kolichestvennye konstrukcii finno-ugorskix yazykov v tipologicheskoy perspektive Magisterskaya dissertatsiya*. [Approximative quantified expressions in Finno-Ugric and typology. Master's thesis]. Moscow: Moscow State University Publ., 2020. 119 p. (in Russian).
17. Plank F. How to disclaim precision about numbers. *Leipzig Numerals Workshop*, 29–30 March 2004 (handout).
18. Ionova A. A., Lyutikova E. A. Sfera deystviya ad'ektivnykh operatorov i sintaksis imennoy gruppy v russkom yazyke [The scope of adjectival operators and the syntax of noun phrases in Russian]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Seriya Filologicheskie nauki – Bulletin of the Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov. Series Philological Sciences*, 2015, no. 2, pp. 68–87 (in Russian).
19. Sleeman R. The second best word order: How ordinals restrict superlatives and why it's not reciprocated (presentation). *52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea*. Leipzig, 21st–24th August 2019.

20. van der Auwera J., Plungian V. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, no. 2 (1), pp. 79–124.

21. Anderson C. Inherent and coerced gradability across categories: manipulating pragmatic halos with sorta. *Proceedings of the 23rd Semantics and Linguistic Theory Conference*, held at the University of California, Santa Cruz, May 3–5, 2013. pp. 81–96.

Maria E. Winkler.

Junior researcher

**Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia,
Institute of linguistics RAS.**

Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.

Lomonosov Moscow State University.

Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: mw@iling-ran.ru

А. А. Добрынина, К. В. Шиндрова, А. С. Григорьева, Е. А. Шестера

ИНТОНАЦИЯ ДИАЛОГА НА КУМАНДИНСКОМ ЯЗЫКЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

Интонация тюркских языков до сих пор остается практически неизученной. В современном обществе на фоне процессов глобализации и нивелировки национальных особенностей этносов чрезвычайно остро встает проблема фиксации, изучения и сохранения культурных особенностей миноритарных народов.

В статье впервые рассматривается интонация кумандинской диалогической речи. Язык кумандинцев относится к восточно-уйгурской ветви тюркских языков алтайской языковой семьи, не имеет устоявшейся письменной традиции и функционирует только в устной форме, что ускоряет его исчезновение. Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом к проблемам языковой коммуникации, документации и анализа данных исчезающих языков Сибири. Анализ проводится на основе полевых записей с применением компьютерной программы Praat.

По результатам анализа экспериментальных данных, вопросительные высказывания кумандинской диалогической речи, являющиеся первой репликой в структуре диалога, характеризуются более высоким уровнем окончания мелодической кривой, чем в ответных утвердительных высказываниях. Ответ в кумандинском языке, имеющий относительную взаимосвязь с предшествующим вопросительным компонентом, является и структурно-коммуникативно, и интонационно завершающим компонентом всего диалогического единства. В неполных высказываниях интонация более четкая и яркая. Частотный уровень в проанализированных вопросительных высказываниях от 106 до 257 Гц.

Одним из явлений, претендующих на статус языковой универсалии в области изучения интонации, считают повышение частоты основного тона, или инклинацию, которую в большинстве языков используют для противопоставления вопросительной и утвердительной интонации. Интонация функционирует в тесном взаимодействии с синтаксическими и лексико-грамматическими средствами языка: чем больше наполненность диалогического высказывания, тем слабее проявляется интонационная контрастность, тогда как в неполных высказываниях наблюдается более яркая, четкая интонация.

Перспективу дальнейшего исследования составит детализация выявленных тенденций за счет расширения корпуса исследования и описание общей модели интонационного оформления специальных вопросов в результате сопоставления интонационных контуров высказываний с разными вопросительными словами.

Ключевые слова: интонация, диалогическая речь, миноритарные народы, язык кумандинцев, Praat

Сотрудники Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева ИФЛ СО РАН приступили к изучению звучащей диалогической речи малочисленных этносов Новосибирской области в сопоставлении с интонацией миноритарных народов сопредельных регионов телеутов Кемеровской области и кумандинцев Алтайского края по проекту РНФ и Правительства Новосибирской области. Несмотря на то что в отечественной лингвистике изучение живой разговорной речи имеет давнюю традицию, на материале тюркских языков отсутствуют комплексные интонационные исследования звучащей речи. Существуют отдельные исследования ритмомелодики теленгитского диалекта алтайского языка [1–6], интонации в языке бачатских телеутов [7–9], алтайского [10–15]; монографические работы по якутскому [16–18] и хакасскому языкам [19–20].

Кумандинцы – одна из древнейших тюркских этнических групп Северного Алтая, относятся к коренным малочисленным народам РФ, обладают широкими правами и гарантиями по сохранению и использованию родного языка. Язык бесписьменный, так как попытки создания

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 24-28-20231, <https://rscf.ru/project/24-28-20231/> и Правительства Новосибирской области.

письменности [21] (в 1933 г. был создан букварь на латинице) по различным причинам не получают дальнейшего развития. Существуют словари [22–25], краткая грамматика [26] и грамматический очерк [27], статья о результатах социолого-лингвистического обследования [28]. Вокализм и консонантизм кумандинского языка подробно изучен И. Я. Селютиной методами экспериментальной фонетики [29–31]. Некоторые материалы о структуре и функционировании языка можно увидеть на сайте Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания Российской академии наук [32]. Согласно переписи населения 2010 г., общая численность этнической группы составляет 2 892 человека. Кумандинским языком в разной степени владеют в общей сложности всего 528 человек [32].

На сегодняшний день уровень знания родного языка не улучшился, что подтверждается нашими полевыми данными. Были определенные трудности с записью кумандинской диалогической речи, связанные с поиском двух хорошо владеющих родным языком носителей – второй диктор переходил на русский язык или забывал, не мог вспомнить на кумандинском какое-нибудь слово. Среди представителей молодого поколения язык практически не используется.

В статье представлены предварительные результаты анализа экспериментальных данных интонации диалогической речи кумандинцев.

В исследовании мы придерживаемся мнения, что диалог – это акт общения, состоящий как минимум из двух реплик – вопроса и ответа. Структуру диалога составляют диалогические единства, объединенные по смыслу и формальной взаимосвязанности. Необходимым условием правильного ведения диалога является общность языка. Если собеседники говорят на разных языках, то диалог невозможен или затруднен. Спонтанная диалогическая речь – свободная, она импровизируется во время речевого акта без предварительного определения деталей формулировок и зависит от знания материала, владения языковыми средствами, характера материала, личности аудитора, его психологического состояния в данный момент. Интеррогативность – основной признак диалога. Для успешного диалога между собеседниками должны быть необходимые условия и предпосылки.

К изучению просодической организации речи исследователи применяют многоаспектные подходы [33–36].

Рассматриваемая диалогическая речь – это спонтанная речь кумандинцев красногорского и турочакского говоров. Дикторы: мужчины и женщины, возраст дикторов от 74 до 85 лет, билингвы (кумандинский и русский).

Диалог был записан на диктофон, затем нарезан на отдельные высказывания в программе Audacity. Получился лингвистический материал общим объемом 250 звуковых файлов. Далее все подготовленные высказывания были подвергнуты акустическому анализу в компьютерной программе для анализа речи Praat. В иллюстрации представлены частотные элементы интонации: основной тон, интенсивность.

Результаты и обсуждение

Специальный вопрос с вопросительным словом *ким* ‘кто’ в высказывании *Сеең адың ким?* ‘Как тебя зовут?’ (рис. 1) характеризуется равно-восходящей направленностью движения частоты основного тона (ЧОТ), но при слуховой оценке этого коммуникативного типа высказывания ведущим коррелятом интонации является интенсивность. Большей интенсивностью выделяется ударный гласный слова *сеең* (табл. 1), далее идет повышение тона к концу высказывания. Поскольку спрашивающий хочет узнать имя своего собеседника и ждет ответа на свой вопрос, в конце высказывания произошло совмещение функций инклинации, которая маркирует вопросительное слово.

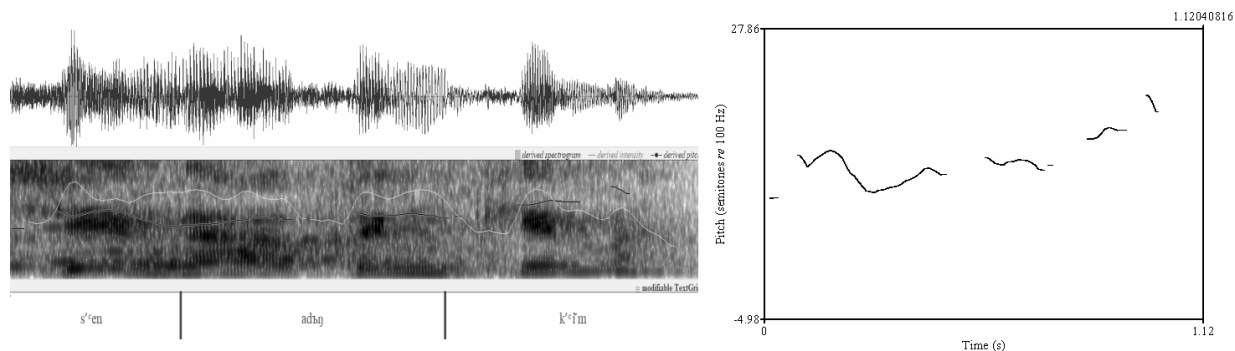

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма вопросительного высказывания *Сеең адың ким?* ‘Как тебя зовут?’

Таблица 1

Интонационные показатели вопроса *Сеең адың ким?* ‘Как тебя зовут?’

Интонационный параметр	Компонент высказывания		
	<i>Сеең</i>	<i>адың</i>	<i>ким</i>
Варьирование ЧОТ, Гц	212–226–172	173–200	244–257
Интенсивность, дБ	82	80	80

Ответная реплика *Мениң адым Ефросинья* ‘Мое имя Ефросинья’ характеризуется ровным плавно-нисходящим тоном (рис. 2). Начало высказывания маркируется сильной интенсивностью (табл. 2), в середине идет небольшое понижение, пик интенсивности на третьем слоге конечного слова. В данном примере рема – новая информация об имени отвечающего – маркирована нисходящим тоном и максимальной интенсивностью. Финальная деклинация маркирует конец высказывания.

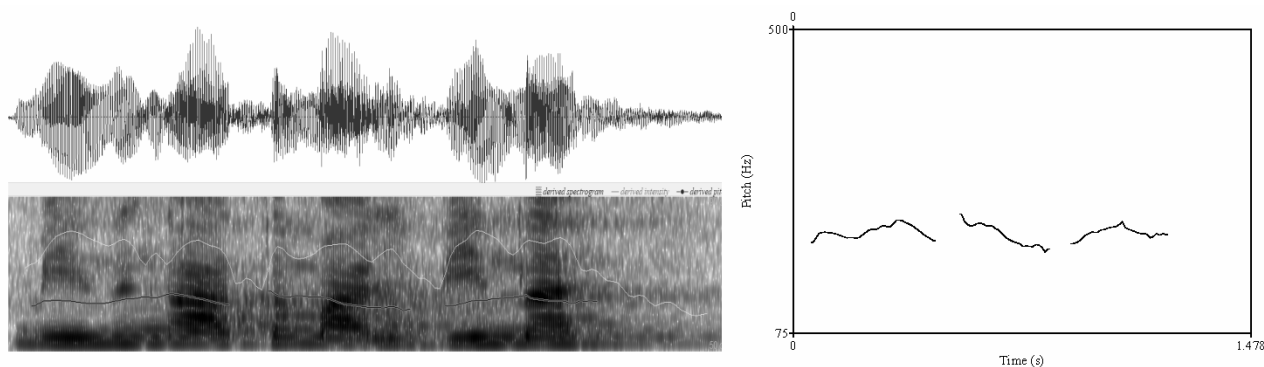

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма ответного высказывания *Мениң адым Ефросинья* ‘Мое имя Ефросинья’

Таблица 2

Интонационные показатели ответа *Мениң адым Ефросинья* ‘Мое имя Ефросинья’

Интонационный параметр	Компонент высказывания		
	<i>Мениң</i>	<i>адым</i>	<i>Ефросинья</i>
Варьирование ЧОТ, Гц	215–208	233–204	221–188
Интенсивность, дБ	82	80	83

Вопросительное высказывание *Пу қандыб ағаш?* ‘Это какое дерево?’ характеризуется ровно-нисходящей направленностью движения основного тона (рис. 3). Заметим, порядок

слов в предложении изменился в отличие от первого высказывания, где вопросительное слово стоит на последнем месте. Максимум повышения ЧОТ и интенсивности наблюдается в начале высказывания, на втором сегменте фразы небольшое повышение ЧОТ на семь полутонов (табл. 3), далее сильное понижение тона с некоторым подъемом на первом слоге конечного слова.

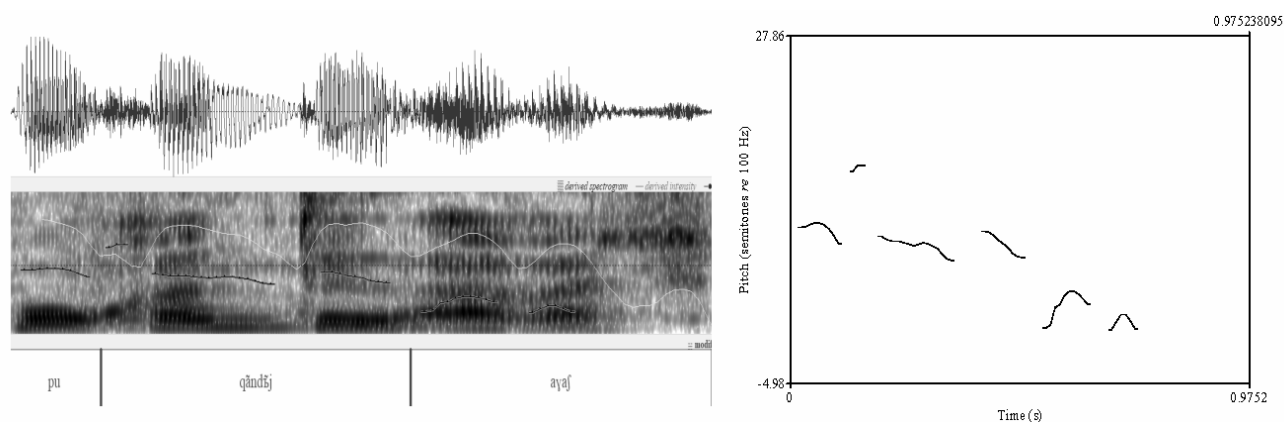

Рис. 3. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма вопросительного высказывания *Пу қандыз ағаш?* ‘Это какое дерево?’

Таблица 3

Интонационные показатели вопроса *Пу қандыз ағаш?* ‘Это какое дерево?’

Интонационный параметр	Компонент высказывания		
	<i>Пу</i>	<i>қандыз</i>	<i>ағаш</i>
Варьирование ЧОТ, Гц	176–180–160	167–147	101–124–101
Интенсивность, дБ	82	81	78–62

Интонационный контур ответной реплики *Пу чибиди-ағаш* ‘Это ель’ (рис. 4), которая следовала за вопросом *Пу қандыз ағаш?* ‘Это какое дерево?’ характеризуется понижением ЧОТ и постепенным снижением интенсивности к концу высказывания. Поскольку указательное местоимение *пу* ‘это, этот, эта’ маркировано как высоким тоном, так и пиком интенсивности, респондент, по всей вероятности, хотел сделать акцент на том, что именно ЭТО дерево является елью, а не какое-то другое. Кроме того, последующая пауза может свидетельствовать о хезитации и неуверенности говорящего. Интенсивность падает до 73 дБ (табл. 4).

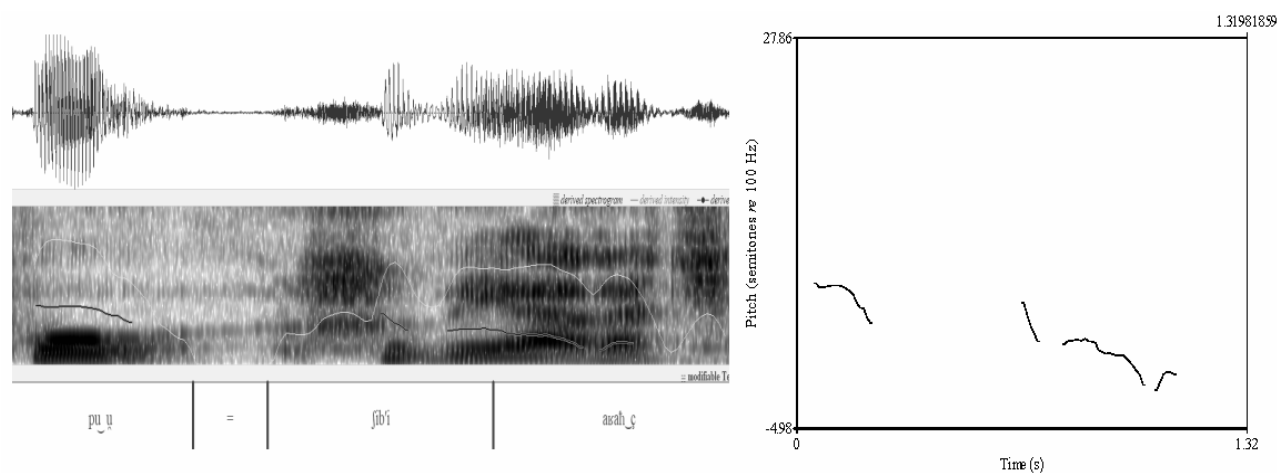

Рис. 4. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма ответного высказывания *Пу чибиди-ағаш* ‘Это ель’

Таблица 4

Интонационные показатели ответа Пу чиб-ағаш 'Это ель'

Интонационный параметр	Компонент высказывания		
	<i>Пу</i>	<i>чиби</i>	<i>ағаш</i>
Варьирование ЧОТ, Гц	152–125	138–130	114–90
Интенсивность, дБ	81	76	73

Вопросительная реплика *Чабыйы қандың өңниң?* 'Крыша какого цвета?' (рис. 5) отмечается повышением ЧОТ на первом компоненте синтагмы *чабыйы*. Адресант уточняет какого цвета именно крыша, а не что-либо другое. Ровновысокая интенсивность на протяжении всего вопроса с падением фразового тона на последнем слоге *өңниң* (табл. 5).

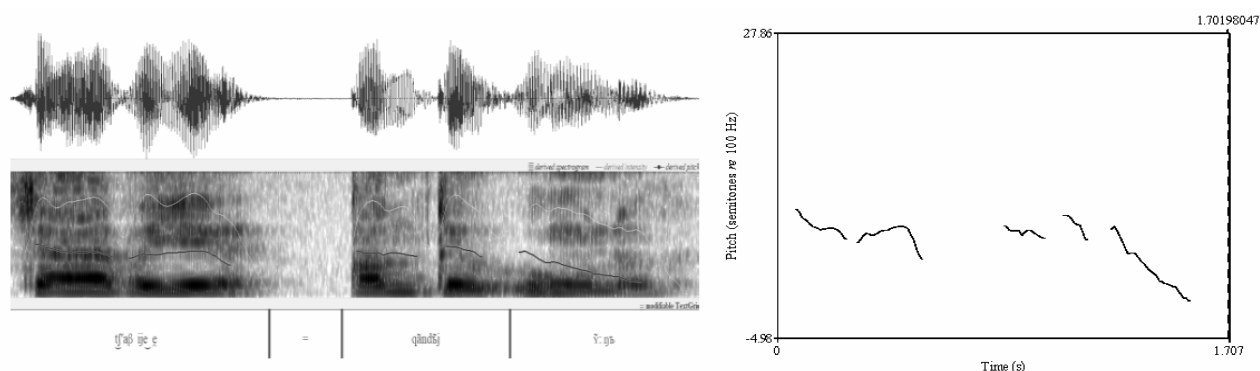

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма вопросительного высказывания *Чабыйы қандың өңниң?* 'Крыша какого цвета?'

Таблица 5

Интонационные показатели вопроса Чабыйы қандың өңниң? 'Крыша какого цвета?'

Интонационный параметр	Компонент высказывания		
	<i>Чабыйы</i>	<i>қандың</i>	<i>өңниң</i>
Варьирование ЧОТ, Гц	167–146	151–142–147–140	150–106
Интенсивность, дБ	82	82	80

Ответная реплика содержит не прямой ответ на заданный вопрос, а уточняющий вопрос про цвет крыши, а не материал: *Өңи қандың?* 'Цвета какого?' (рис. 6). Движение основного тона характеризуется ровным понижением тона с перепадом в 38 Гц. Интенсивность на начальном гласном первого компонента высказывания (табл. 6) падает с 83 дБ до 78 дБ.

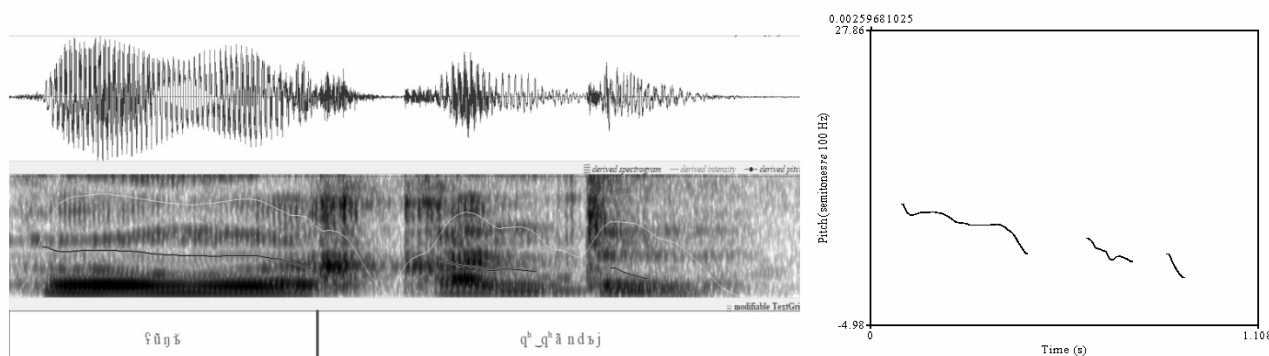

Рис. 6. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма вопросительного высказывания *Өңи қандың?* 'Какого цвета?'

Таблица 6

Интонационные показатели вопроса *Өңи қанды?* ‘Какого цвета?’

Интонационный параметр	Компонент высказывания	
	<i>Өңи</i>	<i>қанды</i>
Варьирование ЧОТ, Гц	162–144	131–120
Интенсивность, дБ	83	78

Мелодический контур вопросительной реплики без вопросительного слова, но грамматическим показателем вопросительности которого является частица *ба*, представлен на рис. 7. В вопросе *Қызычақ полды ба?* ‘Была ли девочка?’ интонационный контур характеризуется ровно-восходящим движением тона, а заканчивается крутовосходяще-нисходящим на вопросительной частице *ба*. Диапазон ЧОТ – 49 Гц.

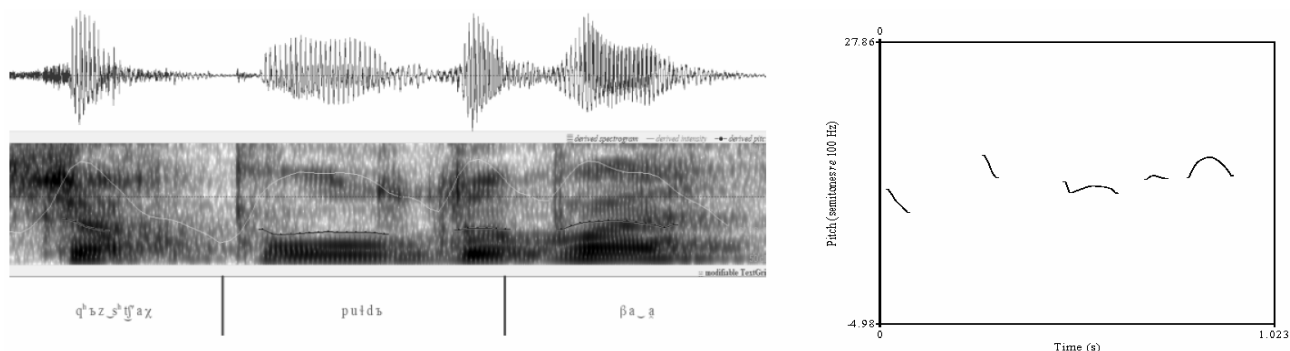

Рис. 7. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма вопросительного высказывания *Қызычақ полды ба?* ‘Была ли девочка?’

Таблица 7

Интонационные показатели вопроса *Қызычақ полды ба?* ‘Была ли девочка?’

Интонационный параметр	Компонент высказывания		
	<i>Қызычақ</i>	<i>полды</i>	<i>ба</i>
Варьирование ЧОТ, Гц	233–194	198–184	210–230–214
Интенсивность, дБ	82	80	84

Ответная реплика состоит из утверждения *пыйди* ‘так’. Интонационный контур высказывания характеризуется волнообразным движением ЧОТ (рис. 8) с незначительным понижением интенсивности к концу высказывания (табл. 8). После паузы ответ повторяется, тем самым еще раз адресант вопроса выделяет, что действительно девочка была на предыдущем рисунке, которую собеседник успел закрыть.

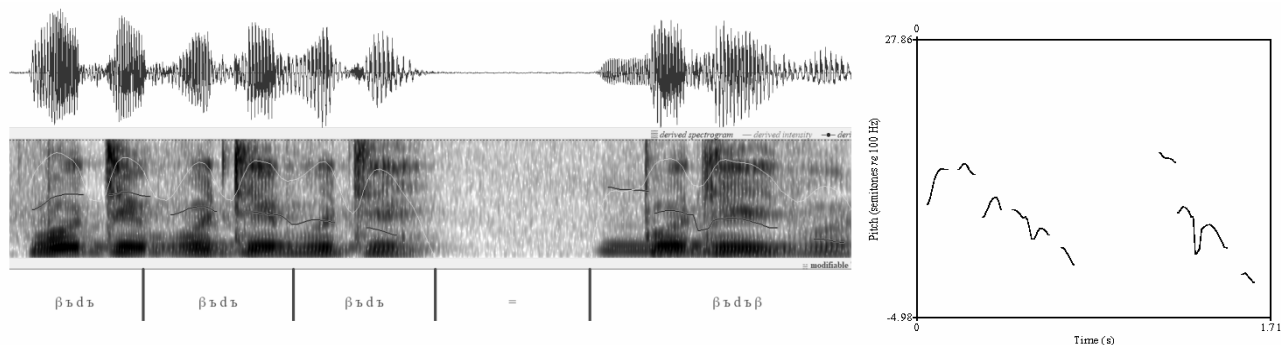

Рис. 8. Осциллограмма, спектрограмма и интонограмма ответного высказывания *Пыйди, пыйди, пыйди* ‘Так, так, так’

Интонационные показатели ответа Пыйди, пыйди, пыйди 'Так, так, так'

Интонационный параметр	Компонент высказывания			
	<i>Пыйди</i>	<i>пыйди</i>	<i>пыйди</i>	<i>пыйди</i>
Варьирование ЧОТ, Гц	162–214	149–170–155	127–138–107	157–115–140–120
Интенсивность, дБ	85	82	82–80	83

Заключение

Таким образом, предварительный анализ экспериментального материала показал, что интонационное оформление диалогической речи на кумандинском языке характеризуется вариативностью. Наиболее употребительным оказался мелодический рисунок с повышением основного тона на рематической части высказывания. Для общего вопроса является характерным *восходящий* мелодический рисунок, а для высказывания со специальным вопросом – *нисходящий*.

В общих вопросах пик интонационного контура приходится на вопросительное слово высказывания. Уровень окончания мелодической кривой в вопросах выше по сравнению с интонационной кривой в утвердительных высказываниях. Если частица *ба* или предикат не являются терминальными, то следующие за ними части речи обычно произносятся с нисходящей интонацией и могут иметь минимальное значение ЧОТ в высказывании.

В перспективе мы планируем расширить корпус с диалогической речью, а также усилить описание общей модели интонационного оформления диалогической речи за счет детализации выявленных тенденций с привлечением других близкородственных тюркских языков и статистических данных.

Выражаем глубокую благодарность дикторам-кумандинцам за помощь при сборе лингвистического материала для исследования.

Список источников:

1. Герцог О. Ф. Ритмомелодика побудительных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетика сибирских языков: сб. науч. тр. Новосибирск, 1984. С. 144–156.
2. Герцог О. Ф. Ритмомелодика вопросительных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетика сибирских языков: сб. науч. тр. Новосибирск, 1985. С. 130–142.
3. Герцог О. Ф. Ритмомелодика собственно-повествовательных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетические структуры в сибирских языках: сб. науч. тр. Новосибирск, 1986. С. 125–143.
4. Герцог О. Ф. Ритмомелодика побудительных предложений с коммуникативной установкой приказа и совета в теленгитском диалекте алтайского языка // Языки Сибири и Монголии: сб. науч. тр. Новосибирск, 1987. С. 168–178.
5. Герцог О. Ф. Ритмомелодика простого предложения теленгитского диалекта алтайского языка (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1988. 19 с.
6. Герцог О. Ф. Ритмомелодика некоторых коммуникативных видов вопросов в теленгитском диалекте алтайского языка // Звуковые системы сибирских языков: сб. науч. тр. Новосибирск, 1989. С. 98–108.
7. Ким Ф. А. Интонация в языке бачатских телеутов (на материале простых односоставных побудительных предложений) // Фонетика языков Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 1984. С. 157–163.
8. Шестера Е. А. Интонация вопросительных высказываний телеутского языка (в сопоставительном аспекте) // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 231–242.
9. Шестера Е. А. Телеутский язык: мелодика высказываний // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 61–75.
10. Рыжикова Т. Р., Добрынина А. А., Плотников И. М., Шестера Е. А., Шамрин А. С. Интонация модальных вопросительных высказываний в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 149–165. DOI: 10.17223/18137083/71/13
11. Добрынина А. А. Интонация в алтайском языке (на материале простых односоставных побудительных высказываний) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 261–271. DOI: 10.17223/18137083/76/19

12. Добрынина А. А. Интонационное оформление диктальных вопросов со словом кем 'кто' в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 78–84. DOI 10.25205/2312-6337-2022- 2-78-84
13. Добрынина А. А. Интонация простых интеррогативных высказываний в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 4 (вып. 48). С. 9–15. DOI: 10.17223/18137083/76/19
14. Добрынина А. А. Структура алтайского диалога и средства выражения верификации // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1, вып. 49. С. 60–67. DOI: 10.25205/2312-6337-2024-1-60-67
15. Шестера Е. А., Рыжикова Т. Р., Добрынина А. А., Плотников И. М., Шамрин А. С. Интонация повествовательных высказываний алтайского языка (на материале фольклора) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4 (30). С. 83–95. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-4-83-95
16. Алексеев И. Е. Вопросительное предложение в якутском языке. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 171 с.
17. Алексеев И. Е. Ответный компонент диалога в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1990. 136 с.
18. Алексеев И. Е. Побудительная фраза в якутском языке. Новосибирск: Наука, 1992. 125 с.
19. Бичелдей К. Н. Ритмомелодемы простых нераспространенных предложений хакасского языка. М.: Изд-во РУДН, 2000. 115 с.
20. Бичелдей К. Н. Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. 281 с.
21. Kalanakov N. A., Filatov K. J. Kumandъ Bukvar. Novosibirsk, 1933. 80 с.
22. Русско-кумандинский разговорник / сост. Е. И. Тукмачева, Л. М. Тукмачев; ред. Ф. А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1990. 152 с.
23. Кумандинско-русский словарь / отв. ред. Л. М. Тукмачев (сост. Л. М. Тукмачев, М. Б. Петрушова и Е. И. Тукмачева). Бийск: Бийский котельщик, 1995. 155 с.
24. Тукмачев Л. М. Азбука кумандан: учебное пособие. Барнаул: Азбука, 2005. 100 с.
25. Русско-кумандинский словарь / под ред. Н. А. Дьайым. Бийск: Бия, 2006. 551 с.
26. Петрушова М. Б. Краткая грамматика кумандинского языка. Новосибирск, 2008. 112 с.
27. Уртегешев Н. С. Кумандинцы: результаты социолого-лингвистического обследования // Язык и общество в современной России и других странах: материалы междунар. конф. М., 2010. С. 342–347.
28. Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: диалект кумандинцев (куманды-кижи): грамматический очерк, тексты, переводы и словарь / Институт языкознания АН СССР. М.: Наука, 1972. 278 с.
29. Селютина И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Наука, 1983. 184 с.
30. Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 185 с.
31. Селютина И. Я. Национальные алфавиты и орфографические системы тюркских языков Сибири: традиции и инновации // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2022. № 3 (35). С. 43–53.
32. Кумандинский язык // Языки народов Сибири, находящиеся под угрозой. URL: <https://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/teleut.shtml> (дата обращения: 01.07.2024).
33. Столярова А. К., Фильченко А. Ю. Просодика и прагматика высказываний // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2011. № 9 (111). С. 34–37.
34. Крюкова Е. А. Просодическая реализация коммуникативных функций в кетском предложении // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2014. 4 (145). С. 54–60.
35. Карачева О. Б., Морозова О. Н. Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. № 4 (3). С. 39–58. DOI: 10.22250/24107190_2018_4_3_39_58.
36. Морозова О. Н., Андросова С. В., Процукович Е. А. Просодическое оформление побудительных предложений в эвенкийском и ороchonском языках (основной тон) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 2 (5). С. 100–114. DOI: 10.22250/24107190_2019_5_2_100_114.

Добрынина Альбина Альбертовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: ekinur@mail.ru

Шиндрова Ксения Вячеславовна.

Младший научный сотрудник.

Институт филологии СО РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: ksenia.shindrova@yandex.ru

Григорьева Алена Сергеевна.
Младший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: a.grigoreva7@g.nsu.ru

Шестера Елена Александровна.
Преподаватель.
Новосибирский государственный технический университет.
Пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073.
E-mail: elena-schestera@mail.ru

Материал поступил в редакцию 8 июля 2024 г.

A. A. Dobrynina, K. V. Shindrova, A. S. Grigorieva, E. A. Shestera

THE INTONATION OF THE DIALOGUE IN THE KUMANDIN LANGUAGE (RESULTS OF THE FIELD RESEARCH)²

The intonation of Turkic languages has practically not been researched yet. In modern society, against the background of globalization and the leveling of national characteristics of ethnic groups, the problem of recording, studying, and preserving the cultural characteristics of minority peoples is exceptionally acute.

This article is the first to examine the intonation of the Kumandin dialogic language. The Kumandin language belongs to the East Uyghur branch of the Turkic languages of the Altai language family, has no established written tradition, and functions only in oral form, accelerating its disappearance. The relevance of the study arises from the increasing interest in the problems of language communication, documentation, and analysis of data on endangered languages in Siberia. The analysis is based on field recordings using the Praat computer program.

According to the results of the analysis of experimental data, interrogative statements in the Kumandin dialogic speech, which are the first replica in the structure of the dialog, are characterized by a higher level of the end of the melodic curve than in the affirmative statements. The response in the Kumandin language, which is in a relative relationship to the preceding interrogative component, is both a structurally communicative and intonationally concluding component of the entire dialogic unit. In incomplete statements, the intonation is clearer and brighter. The frequency level in the analyzed interrogative statements is between 106 and 257 Hz.

One of the phenomena that claims the status of a linguistic universal in the field of intonation studies is the raising of the frequency of the main tone or pitch, which is used in most languages to distinguish between interrogative and affirmative intonation. Intonation functions in close interaction with the syntactic and lexicogrammatical means of the language: the more complete the dialogic statement, the weaker the intonational contrast, while a brighter, clearer intonation is observed in incomplete statements. The prospects for further research are to deepen the identified tendencies by expanding the body of research and to describe the general model of the intonational structure of certain questions as a result of comparing the intonational contours of statements with different question words. The intonation of the interrogative part in Kumandin's dialogic speech is considered for the first time. The relevance of the study arises from the increasing interest in the problems of linguistic communication, documentation, and data analysis of the endangered languages of Siberia. The analysis is carried out based on field recordings using the Praat computer program. According to the results of the analysis of experimental data, interrogative statements, which are the first replica in the structure of the dialog, are characterized by an upward movement of the tone.

Keywords: *intonation, dialogic speech, minority peoples, the language of the Kumandins, Praat*

References:

1. Gertsog O. F. Ritmomelodika pobuditel'nykh predlozheniy telengitskogo dialekta altayskogo yazyka [Rhythm-melodics of motivational sentences of the Telengit dialect of the Altai language]. In: Nadelyaev V. M. (ed.) *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetic of Siberian languages]. Novosibirsk, 1984. pp. 144–156 (in Russian).
2. Gertsog O. F. Ritmomelodika voprositel'nykh predlozheniy telengitskogo dialekta altayskogo yazyka [Rhythm-melodics of the interrogative sentences of the Telengit dialect of Altai]. In: Nadelyaev V. M. (ed.) *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetic of Siberian languages]. Novosibirsk, 1985. pp. 130–142 (in Russian).

² The study was supported by grant No. 24-28-20231 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/24-28-20231/>, and the Government of the Novosibirsk Region.

3. Gertsog O. F. Ritmomelodika sobstvenno-povestvovatel'nykh predlozheniy telengitskogo dialekta altayskogo yazyka [Rhythm-melodics of proper behavioral sentences of the Telengit dialect of the Altai language]. In: Ubryatova E. I. (ed.) *Foneticheskie struktury v sibirskikh yazykakh* [Phonetic structures in Siberian languages]. Novosibirsk, 1986. pp. 125–143 (in Russian).
4. Gertsog O. F. Ritmomelodika pobuditel'nykh predlozheniy s kommunikativnoy ustanovkoy prikaza i soвета v telengitskom dialekte altayskogo yazyka [Rhythm-melodics of incentive sentences with the communicative setting of an order and advice in the Telengit dialect of the Altai language]. In: Ubryatova E. I. (ed.) *Yazyki Sibiri i Mongolii* [Languages of Siberia and Mongolia]. Novosibirsk, 1987. pp. 168–178 (in Russian).
5. Gertsog O. F. *Ritmomelodika prostogo predlozheniya telengitskogo dialekta altajskogo yazyka (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie): avtoreferat diss. cand.* [Rhythm-melodics of a simple sentence of the Telengit dialect of Altai (experimental-phonetic research); abstract of the candidate's dissertation]. Alma-Ata, 1988. 19 p. (in Russian).
6. Gertsog O. F. Ritmomelodika nekotorykh kommunikativnykh vidov voprosov v telengitskom dialekte altayskogo yazyka [Rhythm-melodics of some communicative types of questions in the Telengit dialect of Altai]. In: Selyutina I. Ya. (ed.) *Zvukovye sistemy sibirskikh yazykov* [Sound systems of Siberian languages]. Novosibirsk, 1989. pp. 98–108 (in Russian).
7. Kim F. A. Intonatsiya v yazyke bachatskikh teleutov (na materiale prostykh odnosostavnykh pobuditel'nykh predlozheniy) [Intonation in the language of Bachatsk teleuts (on the material of simple one-membered incentive sentences)]. In: Selyutina I. Ya. (ed.) *Fonetika yazykov Sibiri* [Phonetics of Siberian languages]. Novosibirsk, 1984. pp. 157–163 (in Russian).
8. Shestera E. A. Intonatsiya voprositel'nykh vyskazyvaniy teleutskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Intonation of interrogative statements of the Teleut language (in a comparative aspect)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2014, no. 1, pp. 231–242 (in Russian).
9. Shestera E. A. Teleutskiy yazyk: melodika vyskazyvaniy [Teleut language: melody of utterances]. *Voprosy Yazykoznaniiya – Topics in the study of language*, 2014, no. 2, pp. 61–75 (in Russian).
10. Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shestera E. A., Shamrin A. S. Intonatsiya modal'nykh voprositel'nykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke (na materiale fol'klor altaizki) [Intonation of modal interrogative statements in the Altai language (on the material of Altai-Kizhi folklore)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 2, pp. 149–165 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/71/13.
11. Dobrinina A. A. Intonation of the Altai language (simple one-component imperative utterances). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2021, no. 3, pp. 261–271 (in Russian).
12. Dobrinina A. A. Intonatsionnoe oformlenie diktal'nykh voprosov so slovom kem v altayskom yazyke [Intonation of the dictum questions with the interrogative word kem in the Altai language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri – Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*, 2022, no. 2 (iss. 44), pp. 78–84 (in Russian). DOI: 10.25205/2312-6337-2022-2-78-84.
13. Dobrynina A. A. Intonatsiya prostykh interrogativnykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke [Intonation of simple interrogative statements in the Altai language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri – Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*, 2023, no. 3 (iss. 48), pp. 9–15 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/76/19.
14. Dobrynina A. A. Struktura altayskogo dialoga i sredstva vyrazheniya verifikatsii [The structure of the Altai dialogue and means of expressing verification]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri – Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*, 2024, no. 1 (iss. 49), pp. 60–67 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/76/19.
15. Shestera E. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shamrin A. S. Intonatsiya povestvovatel'nykh vyskazyvaniy altayskogo yazyka (na materiale fol'klor) [Intonation of narrative utterances of the Altai language (based on the material of folklore)]. *Tomskiy zhurnal lingvistiki i antropologii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2020, no. 4 (30), pp. 83–95 (in Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2020-4-83-95.
16. Alekseev I. E. *Voprositel'noe predlozhenie v yakutskom yazyke* [A question sentence in the Yakut language]. Yakutsk: Kn. izd-vo. 1982. 171 p. (in Russian).
17. Alekseev I. E. *Otvetnyy komponent dialoga v yakutskom yazyke* [The response component of the dialogue in the Yakut language]. Novosibirsk, 1990. 136 p. (in Russian).
18. Alekseev I. E. *Pobuditel'naya fraza v yakutskom yazyke* [Incentive phrase in the Yakut language]. Novosibirsk, 1992. 125 p. (in Russian).
19. Bichelday K. N. *Ritmomelodemy prostykh nerasprostranennykh predlozheniy khakasskogo yazyka* [Rhythm-melodemes of simple non-extended sentences of the Khakas language]. Moscow, 2000. 115 p. (in Russian).
20. Bichelday K. N. *Leksiko-grammaticheskie i ritmomelodicheskie sredstva vyrazheniya voprositel'nosti v khakasskom yazyke* [Lexical-grammatical and rhythm-melodic means of expressing interrogativity in the Khakas language]. Moscow, RUDN Publ., 2001. 281 p. (in Russian).
21. Kalanakov N. A., Filatov K. J. *Kumandъ Bukvar* [Kumandinsky primer]. Novosibirsk, 1933. 80 p.
22. Satlaev F. A. (ed.) *Russko-kumandinskii razgovornik* [Russian-Kumandinsky phrasebook]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk Publ., 1990. 152 p. (in Russian).

23. *Kumandinsko-russkii slovar'* [Kumandin-Russian dictionary]. Biysk, 1995. 155 p. (in Russian).
24. Tukmachev L. M. *Azbuka kumandarj. Uchebnoye posobiye* [The alphabet of Kumand. A study guide]. Barnaul: Azbuka Publ., 2005. 100 p. (in Russian).
25. D'yayim N. A. (ed.) *Russko-kumandinskiy slovar'* [Russian-Kumandin dictionary]. Biisk, 2006. 551 p. (in Russian).
26. Petrushova M. B. *Kratkaya grammatika kumandinskogo yazyka* [A brief grammar of the Kumandin language]. Novosibirsk, 2008. 112 p. (in Russian).
27. Urtegeshev N. S. Kumandincy: rezul'taty sociologo-lingvisticheskogo obsledovaniya [Kumandin people: the results of a sociological and linguistic survey]. *Materialy mezhdunarodnoy konferencii «Yazyk i obshchestvo v sovremennoy Rossii i drugikh stranakh»* [Proceedings of the international conference "Language and Society in Modern Russia and other countries"]. Moscow, 2010, pp. 342–347 (in Russian).
28. Baskakov N. A. *Severnye dialekty altaiskogo (oirotskogo) yazyka: Dialekt kumandintsev (kumandy-kizhi): Grammaticheskii ocherk, teksty, perevody i slovar'* [Northern dialects of the Altai (Oirat) language: The Kumandin dialect (Kumandy-Kizhi): A grammatical essay, texts, translations and dictionary]. Moscow: Nauka Publ., 1972. 278 p. (in Russian).
29. Selyutina I. Ya. Kumandinskiy konsonantizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie [Kumandin konsonantism. Experimental phonetic research]. Novosibirsk: Siberian Chronograph Publ., 1983. 184 p. (in Russian).
30. Selyutina I. Ya. Kumandinskiy vokalizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie [Kumandin vocalism. Experimental phonetic research]. Novosibirsk: Siberian Chronograph Publ., 1998. 185 p. (in Russian).
31. Selyutina I. Ya. Nacional'nye alfavit i orfograficheskie sistemy tyurkskikh yazykov Sibiri: tradicii i innovacii [National alphabets and spelling systems of the Turkic languages of Siberia: traditions and innovations]. *Nauchnoye obozreniye Sayano-Altaya – Scientific review of the Sayano-Altai*, 2022, no. 3 (35), pp. 43–53 (in Russian).
32. The Kumandin language [The Teleut Language]. In: *Yazyki narodov Sibiri, nakhodyashchiesya pod ugrozoi* [Endangered Languages of Indigenous Peoples of Siberia]. URL: <https://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/teleut.shtml> (accessed: 01.07.2024) (in Russian).
33. Stolyarova A. K., Filchenko A. Y. Prosodika i pragmatika vyskazyvaniy [Prosody and pragmatics of utterances]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 2011, no. 9 (111), pp. 34–37 (in Russian).
34. Kryukova E. A. Prosodicheskaya realizatsiya kommunikativnykh funktsii v ketskom predlozhenii [Prosodic realization of communicative functions in the Ket sentence]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 2014, no. 4 (145), pp. 54–60 (in Russian).
35. Karacheva O. B., Morozova O. N. Intonatsiya utverditel'nogo predlozheniya v russkom i evenkiyskom yazykakh [Intonation of statements in Russian and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*, 2018, no 4 (3), pp. 39–58 (in Russian). DOI: 10.22250/24107190_2018_4_3_39_58.
36. Morozova O. N., Androsova S. V., Protsukovich E. A. Prosodicheskoe oformlenie pobuditel'nykh predlozheniy v evenkiyskom i orochonskom yazykakh (osnovnoy ton) [The prosody of imperative sentences in evenki and orochon: pitch]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and applied linguistics*, 2019, no. 2 (5), pp. 100–114 (in Russian). DOI: 10.22250/24107190_2019_5_2_100_114.

Albina A. Dobrynina.

Candidate of Philology, Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: ekinur@mail.ru

Kseniya V. Shindrova.

Junior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: ksenia.shindrova@yandex.ru

Alena S. Grigorieva.

Junior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: a.grigoreva7@g.nsu.ru

Elena A. Shestera.

Lecturer.

Novosibirsk State Technical University.

Karl Marx Ave., 20, Novosibirsk, Russia, 630073.

E-mail: elena-schestera@mail.ru

А. Ш. Ишмухаметова**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИЛИНГВИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН¹**

Билингвизм в Республике Башкортостан играет значительную роль в сохранении культурного многообразия и национальной идентичности региона. Он позволяет людям общаться и участвовать в различных сферах жизни, сохраняя при этом свое языковое и культурное наследие. В статье предметом исследования выступают билингвизм, полилингвизм в Республике Башкортостан. Рассматриваются масштабы распространения национально-русского двуязычия. В республике наиболее сильно развито башкирско-русское, татарско-русское двуязычие. При проведении исследования применялись методы количественного анализа сведений, полученных из различных источников. При составлении таблиц использовались статистические обработки цифровых данных. *Цель работы* – на основе данных переписей населения рассмотреть особенности функционирования двуязычия и многоязычия в Республике Башкортостан, определить их основные типы. Автор также обращает внимание на полилингвальное образование, которое существует в современном обществе. В образовательных учреждениях Республики Башкортостан организовано изучение 14 родных языков. В статье также отмечено, что субординативный билингвизм и полилингвизм сопровождаются интерферентными ошибками, исследование которых поможет разработать эффективные методы обучения русскому языку как второму языку для носителей национального языка и избежать повторения этих ошибок в будущем. По итогам Всероссийской переписи населения выявлено, что в республике функционируют около 150 языков. Языками межнационального общения являются русский, башкирский и татарский. Население Республики Башкортостан составляет 4 091 423 человека, среди которых башкиры – 1 268 806, русские – 1 509 246, татары – 974 533, марийцы – 84 988, чуваша – 79 950, украинцы – 14 876, мордва – 10 970, удмурты – 17 149, белорусы – 3 753, другие национальности – 61 096. Следует отметить, что русским языком владеют 98,5% населения, башкирским – 23%, татарским – 20,1%, английским – 3,2%, марийским – 1,5%, чувашским – 1,3% населения Республики Башкортостан. Несмотря на все условия, созданные для сохранения национальных языков своих народов, в республике наблюдается снижение уровня владения родными языками, кроме русского.

Ключевые слова: башкирский язык, родной язык, русский язык, билингвизм, полилингвизм, двуязычие, многоязычие, типы билингвизма, перепись

Введение

Башкортостан, расположенный на территории Российской Федерации, представляет собой многонациональную республику с богатым культурным наследием и яркими традициями. В этом регионе, где сосуществуют различные этнические группы, вопросы языкового многообразия являются особенно актуальными. Согласно Закону «О языках народов Республики Башкортостан» государство на всей территории Республики Башкортостан способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия [1].

Официальными языками Республики Башкортостан (РБ) на всей ее территории являются башкирский и русский языки: башкирский язык как язык башкирской нации, реализовавшей свое право на самоопределение, русский язык как государственный язык Российской Федерации [1].

Башкирский язык является родным для башкирского народа и имеет статус одного из культурных символов республики. Он также распространен в приграничных с республикой Оренбургской, Самарской, Челябинской, Саратовской, Курганской, Свердловской областях и Пермском крае РФ.

По генеалогической классификации большинством исследователей башкирский язык относится к северо-западной (кыпчакской) группе тюркских языков. Первые сведения о башкирах

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» (№ 23-28-01343, <https://rscf.ru/project/23-28-01343/>).

и их языке восходят к X–XI вв. н.э. Окончательное сложение башкирского языка датируется эпохой после крушения Золотой Орды [2, с. 269–272, 291; 3, с. 35–36; цит. по: 4, с. 29].

Русский язык в республике является языком межнационального общения и используется в самых разных сферах жизни.

В Республике Башкортостан «проживают представители более 160 национальностей, говорящих на 150 языках и диалектах» [5, с. 71]. Данные Всероссийской переписи населения 2020 г. показывают, что наиболее крупный этнический состав представляют тюрки – 57,7%, затем индоевропейцы – 38% и угро-финны – 2,8%. В свою очередь большинство тюрков Башкортостана составляют башкиры – 1 268 806 человек, татары – 974 533, чувашаи – 79 950. Среди славян численно преобладают русские – 1 509 246 человек, украинцы – 14 876, белорусы – 3 735. Угро-финны представлены марийцами – 84 988 человек, удмуртами – 17 149, мордвой – 10 970 [6, с. 43].

В связи с этим вопрос двуязычия и многоязычия в регионе становится актуальным и требует особого внимания общественности и органов власти.

Проблема двуязычия & билингвизма в Республике Башкортостан

Существует много определений двуязычия. Оно определяется как «одинаково совершенное владение двумя языками» [7, с. 125], как «примерно одинаково свободное владение двумя и более языками» [8, с. 139–140], как «равная или приближающаяся к равной степень владения и употребления как в речи, так и в мыслительном процессе двух языков, регулярно взаимодействующих друг с другом в важнейших сферах общественной деятельности» [9, с. 36]. Рассматривая проблемы двуязычия в татарской речи, Ф. Сагдеева выделяет следующие типы: «контактный и неконтактный, чистый и смешанный, широкий и узкий, лингвистический и социологический, индивидуальный и массовый, региональный и национальный» [10, с. 62].

Функционирование двуязычия в Республике Башкортостан осуществляется благодаря различным мерам и программам, направленным на сохранение и развитие языковых культур всех национальностей. В регионе существует широкая сеть образовательных учреждений, где дети имеют возможность изучать как русский, так и свой родной язык.

В 2021/22 учебном году в образовательных организациях Республики Башкортостан организовано изучение 14 родных языков, из них 11 в системе общего образования, включая русский язык. «Родные языки изучали 99,4% обучающихся (504 977 человек), среди которых родным русский язык выбрали 345 509 (68,02%); башкирский язык – 105 035 (20,63%); татарский язык – 46 541 человек (9,2%). Также отметим данные по изучению других родных языков: марийский язык – 3 314 человек (0,65%); чувашский – 3 061 (0,59%); удмуртский – 901 (0,17%); эрзянский – 125 (0,024%); украинский – 57 (0,011%); немецкий – 416 (0,08%); белорусский – 8 (0,0015%); латышский – 10 человек (0,019%)» [11].

Взаимодействие языков есть взаимодействие наций. В условиях межнационального общения русский язык выступает огромной силой, объединяющей не только русский, но и многие другие народы республики. По данным переписи населения 2020 г., русским языком владеют 99,9% русских РБ, 97,7% башкир, 98,8% татар, 99,3% марийцев, 99,4% чувашей. При этом 99,6% русского населения, 86,8% башкирского, 96,1% татарского, 97% марийского, 97,4% чувашского населения республики отметили свое пользование русским языком в повседневной жизни [6, с. 51].

Однако, несмотря на меры, принимаемые в регионе, стоит отметить, что двуязычие не всегда является стандартом и необходимо продолжать работу над его развитием. Важно создавать условия для изучения родных языков не только в сфере образования, но и в повседневной жизни, воспитывать уважение к культуре и языкам других национальностей.

Билингвизм и его типы

Параллельно с термином «двуязычие» используется термин «билингвизм», образованный от двух латинских: *bi* – «двойной», «двоякий» и *lingua* – «язык». Отсюда, билингвизм определяется как «умение пользоваться двумя языками как равноценными» [12, с. 23]. Е. А. Коновалова отмечает, что «билингвизм может возникать только при контактировании языков, которому предшествует социально-экономическое общение и длительное сосуществование двух народов, говорящих на разных языках» [13, с. 266].

Билингвизм как явление, связанное с использованием двух языков, находит свое выражение в различных аспектах жизни башкирского народа. В зависимости от количества людей, говорящих на двух языках, и их социальной значимости в обществе выделяются различные типы билингвизма: массовый, групповой и индивидуальный и т. д. В Республике Башкортостан прослеживается ярко выраженный массовый билингвизм, особенно в контексте башкирско-русского и национально-русского языков. Массовый билингвизм означает, что большое количество людей в регионе владеют обоими языками и используют их в повседневной жизни.

Чтобы более точно определить термин «национальный билингвизм» в контексте Республики Башкортостан, стоит упомянуть о национальных школах, которые существуют в регионе.

Некоторые исследователи, например В. И. Беликов, Л. П. Крысин, предлагают различать координативный, субординативный и смешанный типы билингвизма. По их мнению, координативный тип билингвизма означает, что два языка, находящиеся в речевой практике индивида, имеют равный статус и используются параллельно без преимущества одного над другим. В таком случае оба языка активно используются в различных сферах жизни, таких как домашняя обстановка, работа или социальные взаимодействия. Координативный билингвизм не предполагает иерархии между языками и является проявлением языкового плюрализма в обществе.

Субординативный тип билингвизма наступает, когда один из языков выступает в роли доминантного, а второй – в роли подчиненного. В такой ситуации один язык становится основным, преимущественно используемым в различных сферах жизни, в то время как другой язык играет второстепенную роль, часто ограничиваясь более узкими контекстами, например семейным общением или родовым сообществом. А смешанный билингвизм «подразумевает единый механизм анализа и синтеза речи, а сосуществующие языки различаются на уровне поверхностных структур» [14, с. 37].

В Республике Башкортостан самым продуктивным является субординативный тип билингвизма. Родные языки этнических групп используются в семейной среде, в повседневной жизни, в национально-культурных мероприятиях, в то время как в государственных учреждениях, в деловом общении преобладает русский язык. Наблюдаются такие случаи, когда в школах при выборе родного языка дети башкир, татар выбирают русский, объясняя необходимость русского языка при сдаче ОГЭ, ЕГЭ.

Полилингвизм

Среди представителей этнических групп распространено многоязычие (также называемое двуязычием, полилингвизмом, мультилингвизмом). Как отмечает Е. А. Коновалова, «многоязычие (мультилингвизм, полилингвизм) означает употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства); употребление индивидом (группой людей) нескольких языков...» [13, с. 2].

Полилингвизм, явление, связанное с владением несколькими языками, также характерен для Республики Башкортостан и имеет глубокие корни в истории региона. Благодаря множеству языков, говоримых на территории республики, она является примером многоязычности и культурного разнообразия.

Республика Башкортостан, будучи одним из крупнейших и многонациональных регионов Российской Федерации, постоянно содействует поддержке и развитию всех национальных языков и культурных традиций. Многоязычие в республике стимулирует культурный обмен и взаимопонимание между народами. Наряду с официальными языками республики – башкирским и русским – на территории региона широко используются также татарский, марийский, чувашский, удмуртский и др. Это связано с историческими событиями и многонациональным составом населения региона. Кроме родного (марийского, чувашского, удмуртского и др.) языка, представители этих этнических групп хорошо владеют башкирским и татарским языками. Данные полиязычности по переписи 2010 г. представлены в табл. 1 [15, с. 190–191].

Таблица 1

Показатель владения языками более крупных этнических групп РБ

Нация	Численность населения соответствующей национальности	Владение языками									
		Русским	Башкирским	Татарским	Марийским	Чувашским	Удмуртским	Украинским	Узбекским	Мордовским	Другими языками
Русские	1432906	1432820	14640	19147	1331	2010	246	3541	644	1004	97124
Башкиры	1172287	1130432	790383	316606	1309	1376	641	328	3466	77	56265
Татары	1009295	992594	113268	673567	1400	1816	567	461	6577	106	72826
Чуваши	107450	106415	5702	14663	111	69218	10	78	139	378	2873
Марийцы	103658	101126	2608	20582	76184	233	198	44	105	18	2851
Украинцы	39875	39857	396	852	22	78	12	11856	32	37	2675
Удмурты	21477	20591	963	7678	396	11	17473	4	4	14	362
Мордва	20300	20279	202	518	13	249	8	31	5	10389	618

Полилингвизм в Республике Башкортостан способствует созданию толерантного и гармоничного общества, где каждый человек имеет возможность свободно выражаться на своем родном языке и сохранять свою культурную идентичность.

Полилингвальное образование в Республике Башкортостан является важным аспектом развития образовательной системы региона. Оно предполагает обучение населения республики нескольким иностранным языкам, включая английский, немецкий, французский и др., наряду с национальными языками.

Одной из основных целей полилингвального образования является формирование у учащихся способности эффективно общаться на разных языках, а также развитие культурного и межкультурного образования. Это позволяет выпускникам развивать свои коммуникативные навыки, быть более открытыми миру и лучше адаптироваться в глобальном обществе.

В Республике Башкортостан полилингвальное образование имеет долгую историю. Образовательные учреждения предлагают разнообразные программы и курсы, включающие изучение иностранных языков как основной части учебного процесса. Такой подход позволяет студентам достичь высокого языкового мастерства и использовать их в практической деятельности.

Важным аспектом полилингвального образования является также повышение качества преподавания иностранных языков. Для этого проводятся различные профессиональные развивающие мероприятия для педагогов, а также создаются современные учебные материалы и технологии. Это способствует повышению интереса учащихся к изучаемым языкам и способствует более успешному процессу обучения.

На сегодня в республике функционируют восемь полилингвальных школ, две из которых находятся в Уфе и по одной в Нефтекамске, Стерлитамаке, Учалах, Акъяре, Сибее, Мишкино и открылись полилингвальные классы в школах сел Новые Татышлы и Бижбуляк, а также в Баймакском лицее-интернате [16].

Существует несколько типов полилингвизма, которые можно выделить. Первый тип – активный полилингвизм, когда человек свободно и связно общается на нескольких языках и может использовать их в повседневных ситуациях. Это может быть исключительно полезно в официальных и деловых сферах деятельности, а также при взаимодействии с представителями других культур.

Второй тип – пассивный полилингвизм, когда человек понимает несколько языков, но не имеет навыков активного общения на них. Это может быть полезно, например, в ситуациях, когда нужно прочесть, перевести или понять информацию на другом языке, но нет необходимости говорить на нем.

Третий тип – рецептивный полилингвизм, когда человек способен понимать речь на разных языках, но сам не может говорить на иностранном языке. Этот тип полилингвизма может возникнуть, например, из-за отсутствия практики разговорного общения на других языках.

Каждый из типов полилингвизма имеет свои достоинства и недостатки, и выбор того, какой тип развить, зависит от личных потребностей и целей человека. Ответственное отношение к изучению иностранных языков и постоянная практика помогут развить полилингвистические способности и расширить коммуникативные возможности в многоязычном мире.

По данным переписи 2020 г., в Республике Башкортостан проживает 4 091 423 человека, среди которых башкиры – 31,5% (1 268 806), русские – 37,5% (1 509 246), татары – 24,2% (974 533), марийцы – 2,1% (84 988), чуваша – 2,0% (79 950), украинцы – 0,4% (14 876), мордва – 0,3% (10 970), удмурты – 0,4% (17 149), белорусы – 0,1% (3 753) и другие национальности – 1,5% (61 096). Следует также констатировать тот факт, что русским языком владеют 98,5% населения РБ, башкирским – 23%, татарским 20,1%, английским – 3,2%, марийским – 1,5%, чувашским – 1,3% населения РБ [6, с. 43]. Другими словами, русский язык продолжает активно распространяться в современном многонациональном обществе, проникая не только в сферу общения, но и в повседневную жизнь семей. Это говорит о том, что русско-национальное двуязычие становится все более распространенным явлением, несмотря на то что в советское время преобладало национально-русское двуязычие.

Результаты переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг. показывают, что в Республике Башкортостан отмечается сокращение владения родными языками, о чем свидетельствуют статистические данные, приведенные в табл. 2.

Таблица 2

Динамика численности владеющих указанными языками по данным Всесоюзных переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг.

Язык	Количество респондентов		
	2002 г.	2010 г.	2020 г.
Башкирский	1 056 871	935 810	940 315
Татарский	1 396 947	1 063 507	822 919
Марийский	98 786	81 223	62 135
Чувашский	98 488	75 383	54 262
Удмуртский	21 475	19 270	15 541
Узбекский	19 602	16 598	10 047
Украинский	25 719	16 753	7 543
Мордовский	19 394	12 224	6 996

Из приведенных данных явствует, что за первые восемь переписных лет наблюдалось понижение числа владеющих башкирским языком в республике, затем, в следующее переписное десятилетие, имеется тенденция к возрастанию.

Представленные данные свидетельствуют о том, что в условиях современной трансформации традиционных культур число коренных жителей, владеющих этническими языками, сокращается. Как правильно подметила З. Я. Рахматуллина, «каждый уважающий себя человек должен знать свой родной язык... Семья – это главное жизненное пространство, где родной язык должен быть обязательным. Задача взрослых поколений – обучать детей родному языку, а социальным институтам, занимающимся лингвоэкологией, – продолжать, развивать, обогащать то, что в идеале должно закладываться в первую очередь семьей» [17, с. 136–137].

Проблемы интерференции в речи билингва

Как известно, «башкирский и русский языки относятся к разноструктурным языкам и имеют множество дифференциальных признаков. Башкирский язык относится к агглютинативному типу языков, в которых словоизменительные и формообразующие аффиксы, характеризующиеся однозначностью, последовательно присоединяются к корню слова. В русском языке, относящемся к флективным языкам, основным способом словоизменения является флексия, сочетающая в себе несколько категориальных значений» [18, с. 232]. Следовательно, в речи башкир, разговаривающих на русском языке, часто возникает явление интерференции.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» В. Н. Ярцевой дается такое определение интерференции, сформулированное В. А. Виноградовым: «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [19, с. 197].

В современном мире, где коммуникация занимает важное место в нашей повседневной жизни, явление интерферентных ошибок в речи становится все более актуальным. Эти ошибки в речи могут проявляться в различных аспектах языка, включая фонетику, грамматику, лексику, и даже в структуре предложений. Они могут быть вызваны неправильным перенесением грамматических правил или фонетических особенностей одного языка на другой, что приводит к неправильному использованию языковых средств.

У жителей, обучающихся в башкирских школах, преобладающим этническим языком является башкирский. В отсутствие практики общения на русском в речи башкирских билингвов наблюдаются разнообразные интерференционные ошибки, например, морфологическая интерференция на уровне предлогов: «*Каланан килеу*» – «*Приехать с города*» вместо «*Приехать из города*». Если в башкирском языке пространственные отношения выражаются падежными окончаниями, то в русском предложении вместе с падежными окончаниями выражаются и предлогами.

Как пример лексико-семантической интерференции можно привести ошибки в употреблении многозначных глаголов как у русских, так и у национальных коммуникантов. Например, спрашивают «*Куда ложить рабочие тетради?*» вместо «*Куда класть рабочие тетради?*». Башкирский глагол *һалыу* используется вместо русского *положить, класть, накладывать*. Или же другой пример: русские глаголы *мыть, стирать* в башкирском языке передаются одним словом *йыууу*: «*Мыть в стиральной машине*» вместо *стирать*.

Исследование интерферентных ошибок в речи поможет разработать эффективные методы обучения русскому языку как второму языку для носителей башкирского (но и национального языка в целом) и избежать повторения этих ошибок в будущем.

Заключение

Башкортостан, многонациональная республика в России, богата культурным разнообразием и языковыми традициями. Здесь билингвизм и полилингвизм играют важную роль в формировании многоязычной среды и национальной идентичности.

Билингвизм, умение свободно владеть двумя языками, является неотъемлемой частью жизни жителей Башкортостана. Одним из распространенных языков является башкирский, который имеет статус регионального языка и является официальным наряду с русским. Большинство жителей Башкортостана владеют этими двумя языками, что создает благоприятную среду для равноправного сосуществования различных культур и языков.

Полилингвизм, или знание трех и более языков, также присутствует в республике. В Башкортостане живут представители различных национальностей, каждая из которых сохраняет свой родной язык и культуру. Русский, башкирский, татарский, марийский, удмуртский и другие языки активно используются в повседневной жизни, образовании и сфере работы. Это способствует сохранению языкового многообразия и взаимопониманию между различными этническими группами.

Роль билингвизма и полилингвизма в Башкортостане выходит за рамки повседневной коммуникации. Они являются ключевыми факторами в развитии культурного и туристического потенциала республики. Изучение различных языков позволяет сохранять и передавать уникальные черты каждого народа, а также развивать межнациональное взаимодействие и сотрудничество.

Государственная политика Башкортостана направлена на поддержку и развитие билингвизма и полилингвизма. В республике созданы условия для изучения и сохранения национальных языков и культур через образовательные программы, международные обмены и культурные мероприятия. Эти усилия способствуют тому, чтобы каждый житель Башкортостана мог чувствовать себя равноправным участником многоязычного общества.

Билингвизм и полилингвизм в Башкортостане – это не только языковое богатство, но и символ солидарности, уважения и гордости за свою национальную идентичность. Они создают основу для культурного диалога, понимания и толерантности, что является сильной духовной связью между народами республики.

Интерферентные ошибки в речи в Республике Башкортостан представляют собой важную проблему, требующую дальнейшего изучения и исследования. Понимание этих ошибок поможет в разработке методов обучения и коррекции речевых навыков, поскольку качественная коммуникация является одним из ключевых факторов успеха в современном информационном обществе.

Список источников:

1. Закон Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» от 15 февраля 1999 г. № 216-з 9 (ред. от 28.03.2014 г. № 75-з) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425> (дата обращения: 31.01.2024).
2. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа., 1969. 383 с.
3. Гарипов Т. М. Изучение башкирского языка в дореволюционный период // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 35–36.
4. Гарипов М. Т. Процессы языкового взаимодействия в Башкирии // Языковые контакты в Башкирии: тематический сборник / под ред. Т. М. Гарипова и Н. В. Черемисиной. Уфа: [б.и.], 1972. С. 19–58.
5. Хисамитдинова Ф. Г., Мухтаров Т. Г. Функционирование языков в Республике Башкортостан: проблема развития башкирского языка как государственного // Проблемы востоковедения. 2016. № 1 (71). С. 71–75.
6. Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по муниципальным районам и городским округам Республики Башкортостан: статистический бюллетень. Ч. 1. Уфа: Башкортостанстат, 2023. 130 с.

7. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.
8. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Наука, 1975. 276 с.
9. Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в русском языке. Казань: Издательство Казанского университета, 1968. 368 с.
10. Сагдеева Ф. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия. Казань: Фикер, 2002. 128 с.
11. Атанова А. Самый проблемный фактор для башкирского языка – система дошкольного и школьного образования // Реальное время. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/258826-statya-o-sostoyanii-bashkirskogo-yazyka> (дата обращения: 31.01.2024).
12. Молдабеков К. М. Освоение русских и интернациональных слов в современном казахском языке. Алма-Ата: Мектеп, 1989. 120 с.
13. Коновалова Е. А. Проблема определения билингвизма // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63), № 1, ч. 1. С. 263–271.
14. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 317 с.
15. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: в 11 т. М.: Статистика России, 2012. Т. 4, кн. 1. 2101 с.
16. Башкирия поделится опытом развития полилингвального образования на международном форуме. URL: <https://promishkino.ru/articles/obrazovanie/2023-11-30/bashkiriya-podelitsya-opytom-razvitiya-polilingvalnogo-obrazovaniya-na-mezhdunarodnom-forume-3545922?ysclid=lqga2zo8ud122079118> (дата обращения: 21.02.2024).
17. Рахматуллина З. Я. Традиционные ценности башкир: история и современность. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 216 с.
18. Бускунбаева Л. А. Особенности функционирования кодовых переключений в башкирской устной речи: частеречный анализ (на материале текстов восточного диалекта башкирского языка) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 229–242.
19. Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Ишмухаметова Анита Шаукатовна.

Младший научный сотрудник.

Институт истории, языка и литературы

Уфимского федерального исследовательского центра РАН.

Пр. Октября, 71, Уфа, 450054.

E-mail: ishmuhametova_anita@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 марта 2024 г.

A. Sh. Ishmukhametova

THE FUNCTION OF BILINGUALISM IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Bilingualism in the Republic of Bashkortostan plays an important role in preserving the region's cultural diversity and national identity. By enabling people to communicate in two languages, it allows them to participate in different aspects of life while preserving their linguistic and cultural heritage. The article deals with bilingualism and polylingualism in the Republic of Bashkortostan. It deals with the extent of the spread of national-Russian bilingualism. Bashkir-Russian and Tatar-Russian bilingualisms are the most developed in the republic. For the study, quantitative analysis of information from various sources was used. Statistical processing of digital data was used to create the tables. The aim of this work is to study the peculiarities of the functioning of bilingualism and multilingualism in the Republic of Bashkortostan based on census data. The main types of these phenomena are identified. The author also draws attention to multilingual education in modern society. The educational institutions of the Republic of Bashkortostan have organized the study of 14 native languages. The article also notes that subordinate bilingualism and polylingualism are accompanied by interference errors, the study of which will help to develop effective methods for teaching Russian as a second language to native speakers of the national language and avoid the repetition of these errors in the future. According to the results of the All-Russian census, it was found that there are about 150 languages in the republic. The languages of international communication are Russian, Bashkir, and Tatar. The population of the Republic of Bashkortostan is 4091423 people, including Bashkirs – 1268806, Russians – 1509246, Tatars – 974533, Mari – 84988, Chuvashs – 79950, Ukrainians – 14876, Mordvins – 10970, Udmurts – 17149, Belarusians – 3753, other nationalities – 61096. It should be noted that 98.5% of the population speaks Russian, Bashkir – 23%, Tatar – 20.1%, English – 3.2%, Mari – 1.5%,

and Chuvash – 1.3% of the population of the Republic of Belarus. Despite all the conditions created to preserve the national languages of their peoples, there is a decline in the level of mastery of native languages in the republic, with the exception of Russian.

Keywords: *Bashkir language, native language, Russian language, bilingualism, polylingualism, multilingualism, types of bilingualism, census*

References:

1. *Zakon Respubliki Bashkortostan* "O yazykakh narodov Respubliki Bashkortostan" ot 15 fevralya 1999 g. № 216-z 9 (redaktirovan ot 28.03.2014 g. № 75-z) [The Law of the Republic of Bashkortostan "On the Languages of the Peoples of the Republic of Bashkortostan" dated February 15, 1999 No. 216-z 9 (ed. dated 03/28/2014 No. 75-z)] [Electronic resource]. Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425> (accessed: 31.01.2024) (in Russian).
2. Baskakov N. A. *Vvedenie v izuchenie tyurkskikh yazykov* [Introduction to the study of Turkic languages]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1969. 383 p. (in Russian).
3. Garipov T. M. *Izuchenie bashkirskogo yazyka v dorevolutsionnyy period* [The study of the Bashkir language in the pre-revolutionary period]. In: Kharisov K. Z. et al. (eds) *Voprosy bashkirskoy filologii* [Issues of Bashkir Philology]. Moscow: AN USSR Publ., 1959. pp. 35–36 (in Russian).
4. Garipov M. T. *Protsessy yazykovogo vzaimodeystviya v Bashkirii* [The processes of linguistic interaction in Bashkiria]. In: Garipov T. M., Cheremisina N. V. (eds) *Yazykovye kontakty v Bashkirii: tematicheskiy sbornik* [Language contacts in Bashkiria: thematic collection]. Ufa, 1972. pp. 19–58 (in Russian).
5. Khisamitdinova F. G., Mukhtarov T. G. *Funktsionirovanie yazykov v Respublike Bashkortostan: problema razvitiya bashkirskogo yazyka kak gosudarstvennogo* [Functioning of languages in the Republic of Bashkortostan: the problem of development of the Bashkir language as the state language]. *Problemy vostokovedeniya – Problems of Oriental Studies*, 2016, no. 1 (71), pp. 71–75 (in Russian).
6. *Kratkie itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020 goda po munitsipal'nym rayonam i gorodskim ouregam Respubliki Bashkortostan: statisticheskiy byulleten'* [Summary of the 2020 All-Russian Population Census by municipal districts and urban districts of the Republic of Bashkortostan: statistical bulletin]. Ch. 1. Ufa: Bashkortostanstat, 2023. 130 p. (in Russian).
7. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966. 607 p. (in Russian).
8. Avrorin V. A. *Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka* [Problems of studying the functional side of language]. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 276 p. (in Russian).
9. Akhunzyanov E. M. *Russkie zaimstvovaniya v russkom yazyke* [Russian borrowings in the Russian language]. Kazan: Kazan State University Publ., 1968. 368 p. (in Russian).
10. Sagdeeva F. *Problemy kul'tury tatarskoy rechi v usloviyakh aktivnogo dvuyazychiya* [Problems of Tatar speech culture in conditions of active bilingualism]. Kazan: Fiker Publ., 2002. 128 p. (in Russian).
11. Atanova A. *Samyy problemnyy faktor dlya bashkirskogo yazyka – sistema doskol'nogo i shkol'nogo obrazovaniya* [The most problematic factor for the Bashkir language is the system of preschool and school education]. *Real'noe vremya – Real Time* [Electronic resource] URL: <https://realnoevremya.ru/articles/258826-statya-o-sostoyanii-bashkirskogo-yazyka> (accessed: 31.01.2024) (in Russian).
12. Moldabekov K. M. *Osvoenie russkikh i internatsional'nykh slov v sovremennom kazakhskom yazyke* [Mastering Russian and international words in the modern Kazakh language]. Alma-Ata: Mektep Publ., 1989. 120 p. (in Russian).
13. Konovalova E. A. *Problema opredeleniya bilingvizma* [The problem of defining bilingualism]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii" – Scientific notes of the Taurida National University named after V. I. Vernadsky. Series "Philology. Social communications"*, 2011, vol. 24(63), no. 1, ch. 1, pp. 263–271 (in Russian).
14. Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Rossiyskiy gumanitarnyy gosudarstvennyy universitet Publ., 2001. 317 p. (in Russian).
15. *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 g.* [The results of the All-Russian Population Census of 2010]: in 11 vols. Moscow: Statistika Rossii Publ., 2012. Vol. 4, ch. 1. 2101 p. (in Russian).
16. *Bashkiriya podelitsya opytom razvitiya polilingval'nogo obrazovaniya na mezhdunarodnom forumе* [Bashkiria will share its experience in the development of multilingual education at the international forum]. URL: <https://promishkino.ru/articles/obrazovanie/2023-11-30/bashkiriya-podelitsya-opytom-razvitiya-polilingvalnogo-obrazovaniya-na-mezhdunarodnom-forume-3545922?ysclid=lgga2zo8ud122079118> (accessed: 21.02.2024) (in Russian).

17. Rakhmatullina Z. Ya. *Traditsionnye tsennosti bashkir: istoriya i sovremennost'* [Traditional values of Bashkirs: history and modernity]. Ufa: Ufa: Institut istorii, yazyka i literatury Publ., 2023. 216 p. (in Russian).
18. Buskunbaeva L. A. Osobennosti funktsionirovaniya kodovykh pereklyucheniy v bashkirskoy ustnoy rechi: chaste-rechnyy analiz (na materiale tekstov vostochnogo dialekta bashkirskogo yazyka) [Features of the functioning of code switches in Bashkir oral speech: partial analysis (based on the texts of the Eastern dialect of the Bashkir language)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2023, no. 4, pp. 229–242 (in Russian).
19. Yartseva V. N. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 685 p. (in Russian).

Anita Sh. Ishmukhametova.

Junior Research Associate.

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS.

Oktyabrya Ave., 71, Ufa, Russia, 450054.

E-mail: ishmukhametova_anita@mail.ru

С. В. Ковылин

О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ФИНАЛЬНЫХ ГОМОРГАННЫХ СОГЛАСНЫХ *-m/-p*, *-n/-t*, *-ŋ/-k* В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА¹

В работе обсуждается распределение носовых и смычных согласных *-m/-p*, *-n/-t*, *-ŋ/-k* в ауслаутных независимых и фонетически обусловленных позициях в южных, центральных и северных диалектах селькупского языка. В качестве переходной зоны между южной и центральной территориями дополнительно выделяется иванкинский говор среднеобского диалекта. Исследование проводится с применением корпусных данных на базе письменных источников. В фонетически независимых позициях – при изолированном использовании словоформ и перед паузами (перед точками и запятыми) – распределение гоморганных носовых и смычных согласных в ауслауте представляется как диалектная черта: южные *-m*, *-n*, *-ŋ*; центральные *-p*, *-t*, *-k*; северные *-m/-p* (~ Ø), *-n/-t* (~ Ø), *-ŋ/-k* (~ Ø); переходная зона *-m/-p*, *-n/-t*, *-ŋ/-k* (в зависимости от идиолекта спикера). В фонетически обусловленных позициях – при слитном произношении, не подразумевающим паузы в речи, – действует следующее распределение согласных: центральные: *-p*, *-t*, *-k* + шумный согласный ~ *-m*, *-n*, *-ŋ* + сонорный согласный/*-m*, *-n*, *-ŋ* + гласный; северные (на базе тазовского диалекта): *-m*, *-n*, *-ŋ* + гласный, *-m*, *-n*, *-ŋ* (~ Ø) + носовой согласный, *-p*, *-t*, *-k* (~ Ø) + шумный согласный, *-m/-p* (~ Ø), *-n/-t* (~ Ø), *-ŋ/-k* (~ Ø) + неносовой сонорный согласный. В южных диалектах правила фонетического окружения не работают, всегда используются согласные *-m*, *-n*, *-ŋ*. В переходном иванкинском говоре среднеобского диалекта распределение в контекстных позициях работает не всегда, что обусловлено южными диалектными чертами отдельных носителей. Рассматриваемые комбинаторные явления в селькупских диалектах скорее представляют собой общую тенденцию, а не четкое правило.

Ключевые слова: гоморганные согласные, ауслаут, комбинаторные явления, корпусные данные, селькупский язык

Введение

Селькупский язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи и представляет собой совокупность диалектов, отличающихся друг от друга на всех уровнях языка. Выделяется большое количество классификаций селькупского языка, базирующихся на территориально-этнонимических и лингвистических принципах (см., например: [1, с. 35–43; 2–4; 5, с. 23]), а саму языковую территорию можно представить как диалектный континуум с постепенно нарастающими отличиями [2].

Одним из критериев разделения селькупской территории на диалекты, релевантных для большого количества лексем и грамматических показателей, служит следующее соответствие, отражающее представленность гоморганных согласных в ауслауте: Юж. *-m*, *-n*, *-ŋ*; Центр. *-p*, *-t*, *-k*; Сев. *-m/-p* (~ Ø), *-n/-t* (~ Ø), *-ŋ/-k* (~ Ø) [4]. Изначально отмечается переход протоселькупских носовых ауслаутных **-m*, **-n*, **-ŋ* в смычные *-p*, *-t*, *-k* в центральных и вариативно в северных диалектах, а далее ауслаутные смычные в центральных и северных диалектах могут опять переходить в гоморганные носовые *-m/-p*, *-n/-t*, *-ŋ/-k* [4, 6, 7; 8, с. 51, 52, 55; 9, с. 141–144, 156].

Правила распределения гоморганных согласных, в том числе обусловленных фонетическим контекстом, для ласкинского говора среднеобского диалекта (нарымского диалекта по нашей классификации)², а также общий анализ данного явления в селькупском языке обсуждались Ю. А. Моревым [6, 7]. Приведем представленную им схему: 1) *-p*, *-t*, *-k* + пауза; 2) *-p*, *-t*, *-k* + шумный согласный; 3) *-m*, *-n*, *-ŋ* + сонорный согласный/*-m*, *-n*, *-ŋ* + гласный. В тазовском диалекте наблюдается частично схожая картина, где: 1) в независимой позиции отмечено

¹ Работа выполнена при поддержке гранта № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

² Здесь и далее в работе мы будем относить ласкинский говор к нарымскому диалекту в связи с общим подходом разделения языковой территории, представленным Т. Януриком [2].

чередование *-m/-p* (~ Ø), *-n/-t* (~ Ø), *-ŋ/-k* (~ Ø), которое зависит от типа лексемы; 2) в фонетическом окружении используется *-m, -n, -ŋ* + гласный, *m, -n, -ŋ* (~ Ø) + носовой, *-p, -t, -k* (~ Ø) + шумный, *-m/-p* (~ Ø), *-n/-t* (~ Ø), *-ŋ/-k* (~ Ø) + неносовой сонорный; 3) у ряда лексем чередование отсутствует [9, с. 141–144]. В свою очередь в верхнетазовском говоре конечные смычные *-p, -t, -k* могут во всех случаях чередоваться с гоморганными носовыми [9, с. 156]. Данные обсуждения фонетических процессов были применены не ко всем диалектам, а представленные критерии являются хорошей опорой для проведения сопоставительного анализа на большем объеме данных.

Далее в работе позиции вне контекста, например изолированные словоформы, а также положения перед паузами, запятыми и перед точкой, будут называться независимыми или фонетически необусловленными, а позиции условного слитного произношения, не подразумевающие паузы в речи, зависимыми или фонетически обусловленными.

Цель статьи – выявление специфики чередования финальных гоморганных согласных *-m/-p, -n/-t, -ŋ/-k* в независимых и фонетически обусловленных позициях в диалектах селькупского языка.

В работе используется классификация селькупских диалектов Т. Янурика [2] с разделением территории на **северную группу** – включает диалекты: 1) тазовский, 2) ларьякский, 3) карасинский, 4) туруханский, 5) баихинский, 6) елогуйский; **центральную группу**: 7) ваховский, 8) тымский, 9) васюганский, 10) нарымский; **южную группу**: 11) среднеобской, 12) чаинский³, 13) кетский, 14) верхнеобской, 15) чулымский. В рамках анализа вся языковая территория делится на четыре подгруппы: южная, иванкинская среднеобского диалекта – переходная, центральная и северная.

Материалом исследования служат корпусные данные на базе письменных источников за XIX и XX вв. Часть корпусов текстов по южным и центральным диалектам размещены на платформе ИСП РАН Lingvodoc⁴, другая часть хранится в личном архиве (файлы программы Fieldworks Language Explorer). Для анализа используются данные по **южным диалектам**: 1) оригинальные материалы по нижнечаинскому диалекту Н. П. Григоровского объемом 4 667 словоформ [10]; 2) данные архива лаборатории языков народов Сибири (ЛЯНС) Томского государственного педагогического университета по сондровскому говору среднеобского диалекта – 4 709 словоформ [11, т. 6, 7]; 3) материалы ЛЯНС по кетскому диалекту – 5 192 словоформы [11, т. 5, 27, 28, 36]; по **иванкинскому говору среднеобского диалекта**: 4) материалы ЛЯНС – 6 930 словоформ [11, т. 58]; 5) героические песни, записанные М. А. Кастреном, – 2 958 словоформ [12]; 6) тексты св. Макария (Невского) – 1 879 словоформ [13]; 7) часть материалов К. Папай – 85 словоформ [14]; по **центральному диалектам**: 8) материалы кафедры языков народов Сибири (ЯНС) по ласкинскому говору нарымского диалекта – 5 709 словоформ [11, т. 34]; 9) данные св. Макария (Невского) по нарымскому диалекту – 814 словоформ [15]; 10) материалы ЛЯНС по васюганскому диалекту – 5 053 словоформы [11, т. 59–61]; 11) материалы Л. Шабо по тымскому диалекту – 2 402 словоформы [16]; по **северным диалектам**: 12) фонетические данные по тазовскому диалекту [9, с. 141–144]. Общий объем корпусных материалов насчитывает 40 398 словоформ.

Обсуждение материала для сопоставления

За основу исследования распределения гоморганных согласных *-m/-p, -n/-t, -ŋ/-k* в аудальной позиции в отношении южных и центральных диалектов селькупского языка мы будем использовать классификацию, предложенную Ю. А. Моревым [6].

³ В нашей работе в целях исследования отдельно выделяется нижнечаинский диалект – идиом материалов Н. П. Григоровского [10].

⁴ Lingvodoc. URL: <http://lingvodoc.ispras.ru> (дата обращения: 29.03.2024).

Ряд селькупских морфем изначально не подвергается чередованию в независимых позициях в целом, однако в отдельных случаях можно увидеть их распределение по гоморганным парам в фонетически обусловленных позициях, например *-ut* (*-mut*)/*-un* (*-mun*) ‘POSS.1PL’.

Также конечная часто факультативная гласная (*V*) в ряде морфем не дает пройти обсуждаемым фонетическим процессам, а после ее исчезновения уже может наблюдаться потенциальное ауслатное распределение согласных. Так, в тазовском диалекте наблюдается чередование *təm* ~ *təp* ‘3SG’ [9, с. 143], в то время как в южных и центральных диалектах, на основании проанализированных корпусных данных, – только *təp(V)* ‘3SG’. Также, например, в нижнечаинском диалекте, на основе материалов Н. П. Григоровского, возможно редкое использование показателя *-янгъ* ‘DU’ (*табь-янгъ* – 3SG-DU ‘они двое’) наряду со стандартным *-ягъ* ‘DU’ (*сыдъ-ягъ* – два-DU ‘они двое’) [10]; в свою очередь в диалектах селькупского языка используется *-k/-kV* (*-kV* > *-k* > *η*). Сюда также можно отнести суффикс *-k(V)* ‘IMP.2SG.sub’, который в корпусных данных по южным и центральным диалектам только в одном примере подвергся переходу в *-η* (*-kV* > *-k* > *η*).

Для анализа в целом отобраны наиболее прототипичные морфемы, такие как различные показатели аккузатива, генитива, локатива, пролатива, инструменталю, наречия, суффиксы 1-го, 3-го л. ед. ч., а также основы, в диахронии имеющие **-m*, **-n*, **-η* в ауслате, в которых наблюдается чередование по диалектам.

Южные диалекты

В табл. 1 представлено распределение носовых и смычных в финальной позиции. Для сопоставления были взяты данные по нижнечаинскому диалекту [10], материалы ЛЯНС по сондровскому говору среднеобского диалекта [11, т. 6, 7] и по кетскому диалекту [11, т. 5, 27, 28, 36].

Таблица 1

Количественное распределение носовых и смычных в ауслате: южные диалекты

Критерий	Григоровский (нижнечаинский)			Сондровский говор (среднеобской)			Кетский		
	<i>-m</i>	<i>-n</i>	<i>-η</i>	<i>-m</i>	<i>-n</i>	<i>-η</i>	<i>-m</i>	<i>-n</i>	<i>-η</i>
<i>-m, -n, -η</i> + пауза	74	42	45	76	25	99	74	51	82
<i>-m, -n, -η</i> + шумный	115	165	20	129	209	53	171	210	51
<i>-m, -n, -η</i> + сонорный	39	65	7	47	93	31	88	66	36
<i>-m, -n, -η</i> + гласный	62	49	28	55	111	25	72	93	42
	<i>-p</i>	<i>-t</i>	<i>-k</i>	<i>-p</i>	<i>-t</i>	<i>-k</i>	<i>-p</i>	<i>-t</i>	<i>-k</i>
<i>-p, -t, -k</i> + пауза	–	–	–	–	1	–	–	–	–
<i>-p, -t, -k</i> + шумный	–	1	1	–	–	–	1	2	–
<i>-p, -t, -k</i> + сонорный	–	–	–	–	–	–	–	1	–
<i>-p, -t, -k</i> + гласный	–	–	1	–	–	–	–	–	–

Как видно из табл. 1, в южных диалектах используются носовые согласные с очень редкими случаями появления смычных. В диалектах не наблюдается распределения использования ауслатных гоморганных согласных в зависимости от фонетического окружения морфемы. Приведем некоторые примеры.

m, -n, -η + пауза

- (1) *Кванна́лтъ чумбыне́-мъ* (-ACC). ‘Бейте волка’ (ниж.-чаин.) [10, с. 43].
- (2) *Ман аurtseṅs-aṅ* (-1SG.sub). ‘Я наемся’ (Сон. ср.-об.) [11, т. 7, с. 158].
- (3) *Ман illil'e qall'is-aṅ* (-1SG.sub). ‘Я живой остался’ (кет.) [11, т. 36, с. 541].

-m, -n, -ŋ + шумный

- (4) *Ménga tju-mb* (-ACC) *dal.lél*. ‘Дай мне огня’ (ниж.-чаин.) [10, с. 27].
 (5) *Nintó sí:we-yən* (-LOC1) *qor medénzin*. ‘Потом в золе кожа дойдет’ (Сон. ср.-об.) [11, т. 7, с. 584].
 (6) *Tülsew oneŋ* (я сам) *qöRne-ŋ* (-POSS.1SG) *pen.naw*. ‘Ружье около себя положил’ (кет.) [11, т. 27, с. 48].

-m, -n, -ŋ + сонорный

- (7) *Twégo-mb* (-ACC) *máčygu náda*. ‘Гуся зарезать надо’ (ниж.-чаин.) [10, с. 46].
 (8) *Qaj-qín* (-LOC1) *map qwanpái su:rəm?* ‘Где я убила зверя?’ (Сон. ср.-об.) [11, т. 7, с. 719].
 (9) *Qai-m* (-ACC) *m'eku?* ‘Что делать?’ (кет.) [11, т. 28, с. 28].

-m, -n, -ŋ + гласный

- (10) *Tabb po-mb* (-ACC) *úgyt*. ‘Он берет прут’ (ниж.-чаин.) [10, с. 29].
 (11) *Qaj-gín* (-LOC1) *ilgú so: jeŋ*. ‘Где жить хорошо’ (Сон. ср.-об.) [11, т. 7, с. 515].
 (12) *Nilidi-ŋ* (ADVZ) *i čäč'sot m'e*. ‘Так и шли мы’ (кет.) [11, т. 28, с. 27].

Переходный иванкинский говор среднеобского диалекта

В табл. 2 представлено распределение гоморганных согласных в ауслауте на основе материалов по иванкинскому говору среднеобского диалекта за XX в. [11, т. 58] и XIX в. – текстов, записанных М. А. Кастреном [12], данных св. Макария (Невского) [13] и К. Папаи [14]. Для иванкинского говора представлены материалы разных исследователей и временных срезов, так как он демонстрирует переходные черты.

Таблица 2

**Количественное распределение носовых и смычных в ауслауте:
иванкинский говор среднеобского диалекта**

Критерий	Данные за XX в.			Кастрен			Макарий			Папай		
	<i>-m</i>	<i>-n</i>	<i>-ŋ</i>	<i>-m</i>	<i>-n</i>	<i>-ŋ</i>	<i>-m</i>	<i>-n</i>	<i>-ŋ</i>	<i>-m</i>	<i>-n</i>	<i>-ŋ</i>
<i>-m, -n, -ŋ + пауза</i>	8	6	11	–	–	–	7	3	30	3	–	–
<i>-m, -n, -ŋ + шумный</i>	13	15	7	9	5	–	68	62	22	–	–	–
<i>-m, -n, -ŋ + сонорный</i>	19	17	11	7	14	2	22	30	1	–	–	–
<i>-m, -n, -ŋ + гласный</i>	40	54	26	16	48	1	39	43	30	–	–	–
	<i>-p</i>	<i>-t</i>	<i>-k</i>	<i>-p</i>	<i>-t</i>	<i>-k</i>	<i>-p</i>	<i>-t</i>	<i>-k</i>	<i>-p</i>	<i>-t</i>	<i>-k</i>
<i>-p, -t, -k + пауза</i>	135	41	95	4	4	90	–	–	2 (?)	–	18	3
<i>-p, -t, -k + шумный</i>	142	330	74	70	112	31	–	–	4	–	–	–
<i>-p, -t, -k + сонорный</i>	34	71	25	14	9	11	–	–	–	–	–	–
<i>-p, -t, -k + гласный</i>	54	73	24	13	11	6	–	–	–	–	–	–

Как видно из табл. 2, данные материалов XX в. и М. А. Кастрена совпадают – наблюдается вариация *-m/-p, -n/-t, -ŋ/-k* при более частом использовании *-p, -t, -k*. В текстах св. Макария (Невского) в основном используются *-m, -n, -ŋ* – проявляются южные черты. В свою очередь в записях К. Папаи обнаруживаются согласные *-m, -n/-t, -k*.

Иванкинский говор среднеобского диалекта демонстрирует следующее использование гоморганных согласных в независимых позициях – *-m/-p, -n/-t, -ŋ/-k*, причем предпочтение в выборе согласных (не всегда строгое) зависит от идиолекта. Абсолютное большинство изолированных контекстов показывает использование смычных согласных в ауслауте в современных материалах и данных М. А. Кастрена, в то время как в материалах св. Макария (Невского) используются только носовые, а материалы К. Папаи, по большей части представляющие собой список лексем, имеют смешанные диалектные черты. Приведем некоторые примеры:

Данные за XX в. (Ив. ср.-об.): согласный + пауза

- (13) *Me:mbat la:ta-m* (-ACC). ‘Сделала черкан’ [11, т. 58, с. 360].
 (14) *Warkimbá okkor nalkúp* (женщина). ‘Жила одна женщина’ [11, т. 58, с. 429].
 (15) *Mat ilzaŋ pil’ede-gen* (-LOC1). ‘Я жила в Иванкино’ [11, т. 58, с. 299, 403].
 (16) *Tabla urespsà:dít kaldo-ɣot* (-LOC1). ‘Они купались в Оби’ [11, т. 58, с. 3].
 (17) *Nat’ayan aza kundak elz-aŋ* (-1SG.sub). ‘Там недолго жила’ [11, т. 58, с. 300].
 (18) *Mat tinándo qwandz-ak* (-1SG.sub). ‘Я от вас уеду’ [11, т. 58, с. 397].

Материалы М. А. Катрена (Ив. ср.-об.): согласный + пауза

- (19) *Ende-p* (-ACC), *tesse-p* (-ACC), *tēgar čopsond sagessed*. ‘Лук, стрелу, шпагу положила она в зыбку’ [12].
 (20) *Kaetko šoršenžak (šoršenžang) mat* (1SG)? ‘Почему стыдиться буду (я)?’ [12].
 (21) *Kudase kuanž-ak* (1SG.sub)? ‘С кем пойду?’ [12].

Материалы св. Макария (Невского) (Ив. ср.-об.): согласный + пауза

- (22) *Нуишунчы-м* (-ACC), *чоучы-м* (-ACC), *каиней эан...* ‘Небо, землю, что есть...’ [13, с. 1].
 (23) *Нуишунче-кын* (-LOC1), *чвочокын кай эппа...* ‘На небе и на земле что есть...’ [13, с. 20].
 (24) *Ман Азеусе оқыржан эйг-ан* (-1SG.sub). ‘Я с Отцом одно есмь’ [13, с. 14].

Материалы К. Папай (Ив. ср.-об.): согласный + пауза

- (25) *Sedsarem* ‘двадцать’ [16, с. 176].
 (26) *Tot* ‘сто’ [16, с. 177].
 (27) *Khok* ‘царь’ [16, с. 183].

Ауслаутные согласные в фонетическом окружении составляют большинство позиций в обсуждаемых материалах. Для большей части текстов за XX в. и данных М. А. Катрена в целом действует правило фонетического распределения, выделяемое Ю. А. Моревым для ласкинского говора нарымского диалекта [6]: 1) *-p, -t, -k* + пауза; 2) *-p, -t, -k* + шумный согласный ~ *-m, -n, -ŋ* + сонорный согласный/*-m, -n, -ŋ* + гласный. Приведем примеры:

Данные за XX в. (Ив. ср.-об.): -p, -t, -k + шумный согласный

- (28) *Tab na tü-p* (-ACC) *te pakkilbat*. ‘Он (эту) землю выкопал’ [11, т. 58, с. 350].
 (29) *N’abi-t* (-GEN) *kongir*. ‘Утки дом (гнездо на дереве)’ [11, т. 58, с. 29].
 (30) *Mat* (1SG) *tö:w-ak* (-1SG.sub) *tat* (2SG) *poqqóndigo*. ‘Я пришел за твоей сетью’ [11, т. 58, с. 59].

Данные за XX в. (Ив. ср.-об.): -m, -n, -ŋ + сонорный согласный

- (31) *Ma:da-m* (-ACC) *mezalbat*. ‘Дверь дернули’ [11, т. 58, с. 431].
 (32) *Aze-n* (-GEN) *ma:t arámba*. ‘Отца дом старый’ [11, т. 58, с. 45].
 (33) *Eps-aŋ* (1SG.sub) *na:gur aret*. ‘Лежала три месяца’ [11, т. 58, с. 302].

Данные за XX в. (Ив. ср.-об.): -m, -n, -ŋ + гласный

- (34) *Möldzlel qo:la-m* (-ACC) *ötse*. ‘Помой уши водой’ [11, т. 58, с. 78].
 (35) *Ild’a-n* (-GEN) *and šorwádespa*. ‘Лодка деда протекает’ [11, т. 58, с. 45].
 (36) *Pinzan t’abla n’argi-ŋ* (-PRD) *ejat*. ‘Листья осины красные’ [11, т. 58, с. 90].

Материалы М. А. Катрена (Ив. ср.-об.): -p, -t, -k + шумный согласный

- (37) *Sombla dot kup* (человек) *kuanned*. ‘Убила пятьсот человек’ [12].
 (38) *Mat* (1SG) *tuelap*. ‘Я украл (ее)’ [12].
 (39) *Mādar kātkae-k* (-POSS.1SG) *tōmba*. ‘Богатырь ко мне подошел’ [12].

Материалы М. А. Катрена (Ив. ср.-об.): -m, -n, -ŋ + сонорный согласный

- (40) *Teaga-m* (-ACC) *mišanned*. ‘Саблю она выдернула’ [12].

(41) *Man* (1SG) *mannembalep*. ‘Я смотреть стану’ [12].

(42) *Aža tēyend oker-ng* (-ADVZ) *tembad*. ‘Отец дал тебе (ее) однажды’ [12].

Материалы М. А. Катрена (Ив. ср.-об.): -т, -н, -η + гласный

(43) *Šede gom* (человек) *ámd-a*. ‘Два человека сидят’ [12].

(44) *Man* (1SG) *etam tallel*. ‘Мою жену приведи’ [12].

Однако у ряда информантов правило, предложенное Ю. А. Моревым, может не работать либо работать частично на данной территории. С одной стороны, это объясняется «более южными» или «более центральными» чертами речи отдельных носителей языка на переходной среднеобской территории, что подтверждается анализом материалов. С другой стороны, письменный характер записей не всегда передает точную фонетическую сторону явления, так как при записи возможны произвольные паузы, смены темпа речи на стыке слов и другие фонетические явления. Приведем примеры:

Данные за XX в. (Ив. ср.-об.): вариативность/отклонения

(45) *Tat pälgalik tabe-p* (*tabe-m*) (-ACC) *aza kwačal*. ‘Один ты белки не добудешь’ [11, т. 58, с. 1].

(46) *Tašu-k* (-ADVZ) *ennendža*. ‘Холодно станет’ [11, т. 58, с. 362].

Материалы М. А. Катрена (Ив. ср.-об.): вариативность/отклонения

(47) *Warga kum* (*kup*) (человек) *asa ežä-n*. ‘Старик не сказал’ [12].

(48) *Kiča-gat* (-LOC1) *nätänd?* ‘Где женился?’ [12].

В текстах св. Макария (Невского) подобное фонетическое распределение не выражено. В независимых и контекстных позициях не наблюдаются вариации в ауслауте, используются согласные -т, -н, -η.

Материалы св. Макария (Невского) (Ив. ср.-об.): исключения

(49) *Man* (1SG) *Hy-n* (-GEN) *И-н* (-PRD.1SG) *эйг-ан* (-1SG.sub). ‘Я Божий Сын есмь’ [13, с. 14].

(50) *Нуишунчи-м* (-ACC) *аи чуочы-м* (-ACC) *камбальджини*. ‘Неба и земли создание’ [13, с. 1].

(51) *Он-ен* (-1SG) *Пиряу кикалалченындж-ан* (-1SG.sub). ‘(Я) себя самого предаю на мучения’ [13, с. 18].

Исключение составляет шесть примеров на -к, что, скорее всего, может характеризовать один из идиолектов информантов. Два примера под вопросом из-за сложностей с переводом.

Материалы св. Макария (Невского) (Ив. ср.-об.): исключения

(52) *Тадык* (правый) *пелека-* ‘правая сторона’ (три примера) [13, с. 25].

(53) *Наишан ас свэр-ак* (?-1SG.sub). ‘Так не люблю’ (два примера – перевод под вопросом) [13, с. 13].

(54) *Кыдак* (всегда) *кутняла өдүрештымбат*. ‘Постоянно люди умножались (?пили)’ [13, с. 5].

В материалах К. Папай зафиксирован только один случай подобной ассимиляции в силу того, что материалы представляют собой словник, а для анализа было отобрано ограниченное количество примеров.

Материалы К. Папай (Ив. ср.-об.):

(55) *Тон-аи-оккер* ‘сто и один’ [16, с. 177].

Центральные диалекты

В табл. 3 представлено распределение носовых и смычных в ауслауте на основе материалов по ласкинскому говору нарымского диалекта [11, т. 34], св. Макария (Невского) по нарымскому диалекту [15], по васюганскому диалекту [11, т. 59–61] и по тымскому диалекту [16].

Количественное распределение носовых и смычных в ауслауте: центральные диалекты

Критерий	Ласкино (нарымский)			Макарий (нарымский)			Васюганский			Шабо (тымский)		
	-m	-n	-ŋ	-m	-n	-ŋ	-m	-n	-ŋ	-m	-n	-ŋ
-m, -n, -ŋ + пауза	—	—	—	4	1	5	1	3	—	—	—	—
-m, -n, -ŋ + шумный	2	16	—	—	1	—	3	11	1	—	1	—
-m, -n, -ŋ + сонорный	21	58	17	3	—	—	28	49	25	—	—	—
-m, -n, -ŋ + гласный	23	89	17	2	1	—	23	68	26	1	—	—
	-p	-t	-k	-p	-t	-k	-p	-t	-k	-p	-t	-k
-p, -t, -k + пауза	42	50	89	15	18	65	48	15	52	56	24	43
-p, -t, -k + шумный	165	479	54	11	21	4	177	224	47	30	81	20
-p, -t, -k + сонорный	50	78	17	1	6	3	43	39	10	22	31	11
-p, -t, -k + гласный	49	82	10	—	—	—	29	31	9	28	26	12

Как видно из табл. 3, статистическое распределение носовых и смычных в независимых финальных позициях совпадает – в основном используются смычные согласные. Приведем примеры:

Данные за XX в. (Лас. нар.): согласный + пауза

(56) *Mat ùnəld'č'z'ó m'essálespənd-àk* (-1SG.sub). 'Я хватаю ремень' [11, т. 34, с. 146].

(57) *Nadéka örgumbà šöt-qət* (-LOC1). 'Девочка потерялась в лесу' [11, т. 34, с. 145].

(58) *Tab č'uRondo qóbəl qip* (человек). 'Он от земли рожденный человек' [11, т. 34, с. 155].

Материалы св. Макария (Невского) (нар.): согласный + пауза

(59) *Цуоцол кун* (человек) 'земной человек' [15, с. 55].

(60) *Стенат мого-гым* (-LOC1) 'за стеной' [15, с. 61].

(61) *Мат тјуишп-ак* (-1SG.sub). 'Я схожу, спускаюсь' [15, с. 57].

Данные за XX в. (вас.): согласный + пауза

(62) *Mad'el nelgip* (женщина). 'Лесная женщина' [11, т. 60, с. 173].

(63) *Era pajaR wargiyak kal ede-Rit* (-LOC1). 'Муж с женой жили в зимней юрте' [11, т. 60, с. 175].

(64) *Astet čep takkilgaut kot'e-k* (-ADVZ). 'Оленью жилу собираем много' [11, т. 60, с. 249].

Материалы Л. Шабо (тым.): согласный + пауза

(65) *Pale'x wary qweele-p* (-ACC). 'Положу большую рыбу' [16, с. 22].

(66) *Qolee mašy'k naayurkjöt čut puužo-γy't* (-LOC1). 'Найдешь меня за тридцать земель' [16, с. 40].

(67) *Kuča't mat warg-a'k* (-1SG.sub). 'Где я живу' [16, с. 20].

Наиболее отчетливо используются смычные перед шумными согласными во всех центральных диалектах и носовые перед сонорными согласными и гласными в ласкинском говоре нарымского диалекта и васюганском диалекте, в то время как в идиомах св. Макария (Невского) и Л. Шабо последнее явление выражено не совсем явно.

-p, -t, -k + шумный согласный

(68) *P'élgədal qip* (человек) *qúlatkò làrəmbá*. 'Одинокий человек боится людей' (Лас. нар.) [11, т. 34, с. 152].

(69) *Mat* (1SG) *tabin čenča*. 'Я ей говорю' (вас.) [11, т. 61, с. 210].

(70) *Hon шиндат кошкыдоннеп-так* (-ABL/прочь) *кондйй*. ‘Бог вас от зла да сохранит’ (нар.) [15, с. 63].

(71) *On-e`k* (1SG) *tabe`-p* (-ACC) *čažee`čar*. ‘Я сам белку застрелил’ (тым.) [16, с. 20].

-*m*, -*n*, -*ŋ* + сонорный согласный

(72) *Qibáčend wádz`èl lagá-m* (-ACC) *m`ellág`e*. ‘Ребенку кусок мяса дам’ (Лас. нар.) [11, т. 34, с. 194].

(73) *Kuzakinnaj man* (1SG) *loɣop aɣa haRirimbiak*. ‘Никогда я черта не поминаю’ (вас.) [11, т. 61, с. 212].

(74) *Ку-м* (-ACC) *маджигу*. ‘Человека резать’ (нар.) [15, с. 54].

-*m*, -*n*, -*ŋ* + гласный

(75) *Na qum* (человек) *à úndədz`at*. ‘Этот человек не слышит’ (Лас. нар.) [11, т. 34, с. 55].

(76) *Man* (1SG) *onek kondzerhap*. ‘Я сама видела’ (вас.) [11, т. 60, с. 164].

(77) *И-мь* (-ACC) *идžəj*. ‘Сына послать’ (нар.) [15, с. 54].

(78) *Tärbaa`det, nil`ži` krasaa`wica-m* (-ACC) *eežlaayı*. ‘Думают, такой (же) красавицей они станут’ (тым.) [16, с. 40].

Наблюдается существенное количество использования смычных перед сонорными согласными и гласными, а также некоторые отклонения, заключающиеся в использовании носовых перед смычными и в независимых позициях.

Центральные диалекты: вариативность/отклонения

(79) *Tat na-p* (*na-m*) (-ACC) *m`éka qəjtkó à qadál?* ‘Почему ты мне этого не сказала?’ (Лас. нар.) [11, т. 34, с. 202].

(80) *Tab uz natie-Rin* (-LOC1). ‘Он уже там’ (вас.) [11, т. 60, с. 171].

(81) *Mam* (1SG) *могогек*. ‘За моей спиной’ (нар.) [15, с. 61].

(82) *Mat qoo-ɣen* (-LOC1) *tööm̩ba*. ‘В моих ушах пришло’ (тым.) [16, с. 26].

Рассмотрев все позиции, можно сделать следующее заключение: встречаемость носовых согласных в независимых позициях, появление как носовых, так и смычных перед сонорными согласными и гласными во всех материалах из центральных диалектов, а также периферийная засвидетельствованность использования носовых перед сонорными согласными и гласными в идиомах св. Макария (Невского) и Л. Шабо может говорить о нескольких вещах: 1) письменные записи могут не передавать точную фонетическую сторону явления, так как в них возможны произвольные остановки и смены темпа речи; 2) фонетическая ассимиляция скорее является не четким правилом, а тенденцией, специфика которой может отличаться от диалекта к диалекту; 3) в большей части записей распределение, предложенное Ю. А. Моревым [6], наблюдается: 1) -*p*, -*t*, -*k* + пауза; 2) -*p*, -*t*, -*k* + шумный согласный ~ -*m*, -*n*, -*ŋ* + сонорный согласный/-*m*, -*n*, -*ŋ* + гласный.

Северный тазовский диалект

В табл. 4 отображены данные по фонетическому анализу распределения гоморганных согласных в финальной позиции в тазовском диалекте, взятые из [9, с. 141–144].

Как видно из табл. 4, фонетические распределения согласных из северного тазовского диалекта только частично коррелируют со статистическими данными, полученными из анализа материалов по южным и центральным диалектам. Как уже отмечалось ранее, в аудите в ряде лексем перед паузой могут появляться три позиции: -*m/-p* (~ Ø), -*n/-t* (~ Ø), -*ŋ/-k* (~ Ø); 2) в фонетически обусловленной позиции используются *m*, -*n*, -*ŋ* + гласный, *m*, -*n*, -*ŋ* (~ Ø) + носовой, -*p*, -*t*, -*k* (~ Ø) + шумный, -*m/-p* (~ Ø), -*n/-t* (~ Ø), -*ŋ/-k* (~ Ø) + неносовой сонорный; 3) в ряде лексем чередование отсутствует.

Распределение носовых и смычных в ауслауте: северный тазовский диалект

Критерии	Критерии	Критерии
Группа 1: чередование -m/-p/Ø, -n/-t/Ø, -ŋ/-k/Ø	Группа 2: чередование -m/-p, -n/-t, -ŋ/-k	Группа 3: чередование не наблюдается; используется только один из согласных -p, -t, -k; -m, -n, -ŋ
+ пауза -m/-p/Ø, -n/-t/Ø, -ŋ/-k/Ø (статистическое преобладание со смычным; особенно это заметно в группе -ŋ/-k/Ø)	+ пауза -m/-p, -n/-t, -ŋ/-k (варианты со смычными немного чаще; особенно это заметно в группе -ŋ/-k)	—
-p, -t, -k (редко Ø) + шумный	-p, -t, -k + шумный	—
m, -n, -ŋ + гласный	m, -n, -ŋ + гласный	—
-m, -n, -ŋ, Ø + носовой	-m, -n, -ŋ + носовой	—
-m/-p (редко Ø), -n/-t (редко Ø), -ŋ/-k (редко Ø) + неносовой сонорный	-m/-p, -n/-t, -ŋ/-k + неносовой сонорный	—

Как уже отмечалось, в вехнетазовском говоре чередование финальных смычных и носовых наблюдается во всех случаях [9, с. 156].

Заключение

1. Диалектная дистрибуция носовых и смычных согласных в ауслауте в независимых позициях в целом соблюдается на всей языковой селькупской территории: Юж. -m, -n, -ŋ; Центр. -p, -t, -k; Сев. -m/-p (~ Ø), -n/-t (~ Ø), -ŋ/-k (~ Ø). В качестве дополнения необходимо выделить промежуточный район среднеобского диалекта (иванкинский говор), где наблюдается смешение южных и центральных признаков – выбор зависит от идиолекта носителя языка.

2. Распределение гоморганных согласных в финальной позиции зависит от фонетического окружения. В центральных и северных (тазовском) диалектах выявлена частично схожая картина распределения согласных: 1) Центр. -p, -t, -k + шумный согласный ~ -m, -n, -ŋ + сонорный согласный/-m, -n, -ŋ + гласный; 2) таз. m, -n, -ŋ + гласный, m, -n, -ŋ (~ Ø) + носовой, -p, -t, -k (~ Ø) + шумный, -m/-p (~ Ø), -n/-t (~ Ø), -ŋ/-k (~ Ø) + неносовой сонорный.

3. В иванкинском говоре среднеобского диалекта распределение -p, -t, -k + шумный ~ -m, -n, -ŋ + сонорный/-m, -n, -ŋ + гласный работает не всегда, что обусловлено южными диалектными чертами отдельных носителей.

4. В южных диалектах правила фонетического окружения не работают.

5. Рассматриваемые комбинаторные явления в селькупских диалектах скорее представляют собой общую тенденцию и могут быть не обязательными у отдельных носителей.

6. Необходимо дополнительно проверить распределение гоморганных согласных в ауслауте в независимых и фонетически обусловленных позициях с применением аудиозаписей, так как текстовые данные могут в ряде случаев исказить реальную картину фонетических распределений.

Список сокращений:

1) Ив. ср.-об. – иванкинский говор среднеобского диалекта; кет. – кетский диалект; Лас. нар. – ласкинский говор нарымского диалекта; нар. – нарымский диалект; ниж.-чаин. – нижнечаинский диалект; об. С. – обские сюсюкумы; пр. – пример; Сев. – северные диалекты; Сон. ср.-об. – сондровский говор среднеобского диалекта; таз. – тазовский диалект; Т. – том;

тым. – тымский диалект; Центр. – центральные диалекты; Юж. – южные диалекты; MCOS – Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica.

2) ABL – аблатив; ADVZ – адвербаллизатор; DU – двойственное число; GEN – генитив; IMP – императив; LOC1 – локатив; SG – единственное число; sub – субъектное спряжение.

Список источников:

1. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen // Советское финно-угроведение, VII. Таллин, 1971. С. 35–43.
2. Janurik T. A. Szölkup nyelvjárások osztályozása // Nyelvtudományi Közlemények 80. Budapest, 1978. O. 77–104.
3. Katz H. Selkupische Quellen. Lesebuch. Wien, 1979. 231 S.
4. Хелимский Е. А. К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985. С. 42–58.
5. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1 / Э. Г. Беккер, Л. А. Алиткина, В. В. Быконя, И. А. Ильашенко. Томск, 1995а. 292 с.
6. Морев Ю. А. Варианты со взрывными и гоморганными носовыми в среднеобском говоре селькупского языка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 50–53.
7. Морев Ю. А. Отклонения от тенденции к общему ослаблению артикуляционной напряженности в селькупском языке // Советское финно-угроведение, XVI. № 4. Tallinn, 1980. С. 294–300.
8. Janurik T. Über die Konsonantenphoneme der sölkupischen Mundarten // Studien zur phonologischen Beschreibungen uralischer Sprachen. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1984. S. 51–67.
9. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1 / А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. М., 1980.
10. Григоровский Н. П. Азбука сюсогой гулани / сост. Н. П. Григоровским для инородцев Нарымского края. Издание православного миссионерского общества. Казань, 1879.
11. Архив ЛЯНС. Архив лаборатории языков народов Сибири. ТГПУ. Селькупы. Т. 5–7, 27, 28, 34, 36, 58, 57, 60, 61. Томск, 1962–1983.
12. Alatalo Ja. Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica (MCOS). URL: <https://www.sgr.fi/manuscripta/ostiaksamoiedica> (дата обращения: 29.03.2024).
13. Макарий (Невский), еп. Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900.
14. Hajdú Péter. Pápai Károly szelkup szójegyzéke // Nyelvtudományi Közlemények. 1952. O. 141–184.
15. Макарий (Невский), еп. Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края, 1887 г. // Приложение № 7 к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г.
16. Szabó L. Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary // Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1967. 62 p.

Ковылин Сергей Васильевич.

Доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

Старший научный сотрудник.

Лаборатория «Лингвистические платформы»,

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.

Ул. А. Солженицына, 25, Москва, 109004.

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 6 апреля 2024 г.

S. V. Kovylin

ON THE DISTRIBUTION OF HOMORGANIC FINAL CONSONANTS -M/-P, -N/-T, -Ŋ/-K IN SELKUP DIALECTS

This article describes the distribution of the nasal and stop consonants -m / -p, -n / -t, ŋ / -k in the auslaut independent and phonetically determined positions in the Southern, Central, and Northern dialects of the Selkup language. The Ivankino subdialect of the central Ob dialect is also distinguished as a transition zone between the southern and central areas. The study is carried out using corpus data based on written sources. In phonetically independent positions – in isolated use of word forms and before pauses (before dots and commas) - the distribution of homorganic nasal and stop consonants in the auslaut is meant as a dialect feature: Southern -m, -n, -ŋ; Central -p, -t, -k; Northern -m/-p (~∅), -n/-t (~∅), -ŋ/-k (~∅); transition zone -m / -p, -n / -t, -ŋ / -k (depending on

the speaker's idiolect). In phonetically determined positions – continuous pronunciation that does not imply a pause in speech – the following distribution of consonants applies: Central: *-p, -t, -k* + noise consonant ~ *-m, -n, -ŋ* + sonorant consonant / *-m, -n, -ŋ* + vowel; Northern (based on the Taz dialect): *-m, -n, -ŋ* + vowel, *-m, -n, -ŋ* (~ *Ø*) + nasal consonant, *-p, -t, -k* (~ *Ø*) + noise consonant, *-m / -p* (~ *Ø*), *-n / -t* (~ *Ø*), *-ŋ / -k* (~ *Ø*) + non-nasal sonorant consonant. In the Southern dialects, the rules of the phonetic environment do not work; the consonants *-m, -n, -ŋ* are always used. In the transitional Ivankino subdialect of the Middle Ob dialect, the distribution in contextual positions does not always work due to the Southern dialectal characteristics of the individual speakers. The combinatorial phenomena considered in the Selkup dialects represent a general trend rather than a strict rule.

Keywords: *homorganic consonants, auslaut, combinatorial phenomena, corpus data, Selkup language*

References:

1. Dulson A. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye – Soviet Finno-Ugric studies*, 1971, vol. 7, pp. 35–43 (in German).
2. Janurik T. A. Szölkup nyelvjárások osztályozásához. *Nyelvtudományi Közlemények – Linguistics Bulletin*, 1978, no. 80, pp. 77–104 (in Hungarian).
3. Katz H. *Selkupische Quellen. Lesebuch*. Wien, 1979. 231 p. (in German).
4. Helimskiy Eu. A. K istoricheskoy dialektologii sel'kupskogo yazyka [On the historical dialectology of the Selkup language]. In: Helimskiy Eu. A. *Leksika i grammatika yazykov Sibiri* [Lexis and grammar of the languages of Siberia]. Barnaul, 1985. pp. 42–58 (in Russian).
5. Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnyye dialekty* [Morphology of the Selkup language. Southern dialects]. Tomsk, 1995. Part 1. 292 p. (in Russian).
6. Morev Yu. A. Varianty so vzryvnymi i gomorgannymi nosovymi v sredneobskom govore sel'kupskogo yazyka [Variants with plosives and homorganic nasals in the Middle Ob dialect of the Selkup language]. *Proiskhozhdeniye aborigenov Sibiri i ikh yazykov: materialy Vsesoyuznoy konferentsii 14–16 iyunya 1973 goda* [Origin of the aborigines of Siberia and their languages: Proceedings of the All-Union Conference, June 14–16, 1973]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1973. pp. 50–53. (in Russian).
7. Morev Yu. A. Otkloneniya ot tendentsii k obshchemu oslableniyu artikulyatsionnoy napryazhonnosti v sel'kupskom yazyke [Deviations from the tendency towards a general weakening of articulatory tension in the Selkup language]. *Sovetskoye finno-ugrovedeniye – Soviet Finno-Ugric studies*, 1980, vol. 16, no. 4, pp. 294–300 (in Russian).
8. Janurik T. Über die Konsonantenphoneme der sölkupischen Mundarten. In: Hajdú P., Honti L. (eds) *Studien zur phonologischen Beschreibungen uralischer Sprachen*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1984, pp. 51–67 (in Hungarian).
9. Kuznetsova A. I., Helimski Eu. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialect* [Essays on the Selkup language. Taz dialect]. Moscow, 1980. Vol. 1 (in Russian).
10. Grigorovskiy N. P. *Azbuka syussogoy gulani* [ABC book for syussogoj people]. Kazan, 1879. in Russian).
11. Arkhiv LYANS. *Arkhiv laboratorii yazykov narodov Sibiri. TGPU. Sel'kupy* [Archive of the Laboratory of Siberian Indigenous Languages. TSPU. Selkups]. Vols. 5–7, 27, 28, 34, 36, 58, 57, 60, 61. Tomsk, 1962–1983 (in Russian).
12. Alatalo Ja. *Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica (MCOS)*. URL: <https://www.sgr.fi/manuscripta/ostiaksamoiedica> (accessed: 29.03.2024).
13. Makarij (Nevski), the bishop. *Besedy ob istinnom Boge i istinnoy vere na narechii obskikh ostyakov* [Conversations about the true God and true faith in the dialect of the Ob Ostyaks]. Tomsk, 1900. (in Russian).
14. Hajdú Péter. Pápai Károly szölkup szójegyzéke. *Nyelvtudományi Közlemények – Linguistics Bulletin*, 1952, pp. 141–184 (in Hungarian).
15. Makarij (Nevski), the bishop. *Materialy dlya oznakomleniya s narechiem ostyakov Narymskogo kraya, 1887 g.* [Materials for acquaintance with the dialect of the Ostyaks of the Narym region, 1887]. *Prilozheniye № 7 k otchetu ob Altayskoy i Kirgizskoy missiyakh za 1887 g.* [Appendix No. 7 to the report on the Altai and Kyrgyz missions for 1887] (in Russian).
16. Szabo L. Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary. In: Thomsen V. (ed.) *Uralic and Altaic Series*. Bloomington, The Hague: Mouton, 1967. 62 p.

Sergei V. Kovylin.

Assistant professor of the department of indigenous languages of Siberia.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

Senior research fellow.

Laboratory “Linguistic Platforms” Ivannikov Institute for System Programming of the RAS.

Solzhenitsyn str., 25, Moscow, Russia, 109004.

E-mail: kovylin.ser@yandex.ru

Ю. В. Норманская

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТОВ В XVIII ВЕКЕ С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММЫ «ЛИНГВОДОК»¹

В статье рассмотрены материалы селькупских диалектов, собранные А. П. Дульзоном и его последователями в XX в. и Г. Ф. Миллером, П. С. Палласом, М. А. Кастреном в XVIII в., с точки зрения диалектно-дифференцирующих изоглосс и показано, что в системе соответствий между южными и центральными селькупскими диалектами было множество исключений. При рассмотрении материала по общеизвестным изоглоссам не удастся выявить системных отличий между южными и центральными диалектами в XVIII в. В связи с этим в статье поставлена задача определить, когда возникли различия между южными и центральными диалектами и насколько значительными были отличия между северным и центрально-южным селькупским. Для решения этой задачи на платформе «ЛингвоДок» (lingvodoc.ispras.ru) были размещены пять словарей Г. Ф. Миллера, созданные в XVIII в., далее они были проанализированы с помощью программ анализа графико-фонетических изоглосс и базисной лексики. В результате было установлено, что в XVIII в. северно-селькупский уже четко отличался от центрально-южных диалектов и фонетически, и лексически. Можно утверждать, что уже в тот период было два селькупских языка. При этом между южными и центральными диалектами в тот период не было системных диалектно-дифференцирующих фонетических изоглосс, но лексически они уже отличались между собой. Ранее было установлено, что все фонетические особенности нарымского диалекта, выявленные для XXI в., в книге святителя Макария (Невского) «Материалы для ознакомления с наречием остяков Нармыского края» 1887 г. уже были. Таким образом, становится ясно, что фонетические отличия между южными и центральными диалектами сформировались только в начале XIX в., хотя по методике глоттохронологического анализа С. А. Старостина они разделились еще в середине II тыс. н.э.

Ключевые слова: селькупские диалекты, графика, фонетика, лексикостатистика, архивные словари, аудиословари

Как отмечает Е. А. Хелимский, накопление и систематизация селькупских языковых данных, в первую очередь собранных А. П. Дульзоном и его школой, позволило достичь ясности и полноты в картине диалектного членения селькупской территории. Анализ первых диалектных словарей, созданных в XVIII в., по основным диалектно-дифференцирующим изоглоссам показал, по мнению Е. А. Хелимского, что в тот период классификация не была принципиально иной (см. подробнее обзор литературы в [1, с. 68–79]).

Но, как показал компьютерный сравнительный анализ полных рукописей первых словарей и современных селькупских аудиословарей, записанных от последних носителей языка, показывает, что за истекшие 250 лет классификация диалектов все же менялась.

Продemonстрируем это на примерах, иллюстрирующих отражение основных диалектно-классифицирующих изоглосс, выделенных Е. А. Хелимским:

1. Юж. -m, -n, -ŋ vs. Центр. -p, -t, -k vs. Сев. -p/-m (-0), -t/-n (-0), -k/-ŋ (-0)

Действительно, эта классификационная черта не всегда выполняется в селькупских диалектах в XX в., материал по которым собран А. П. Дульзоном и его учениками и издан в [2].

Исключения отмечены в табл. 1 полужирным шрифтом: в южных инновационный рефлекс, характерный для центральных диалектов: кет. **куп**, в центральных, наоборот, дублетные рефлексy: об. Ч *ком* ~ **куп**, об. Ш *кум* ~ **куп**, демонстрирующие архаическую рефлексацию, характерную, по Е. А. Хелимскому, для северных диалектов.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 20-18-00403.

Таблица 1

**Реализация первого диалектно-дифференцирующего признака по Е. А. Хелимскому
в материалах селькупских диалектов по словарю [2]**

Значения	Северные	Центральные	Южные
‘Бог, небо’		<i>нуп</i> /об. Ч, тым. / <i>ноб</i> /об. Ш, Ч, вас., тым. /	<i>ном</i> / кет., об. С/
‘Человек’	<i>кум</i> /тур. /	<i>қоп</i> /об. Ч, вас. / <i>қуп, қун</i> /об. Ш, Ч, вас., тым. / ком ~ қуп /об. Ч/ қум ~ қуп /об. Ш/	қуп /кет. / <i>кум, қум</i> /об. С, кет. / <i>қом</i> /об. С/
‘Кровь’	<i>кым</i> /тур. / <i>қэм</i> /ел. / <i>кам</i> / тур. /	<i>қап</i> /об. Ч/	<i>кэм</i> /кет. / <i>қэм</i> /кет. / <i>кам, қам</i> /об. С/
‘Зверь, птица’	<i>сұрэм</i> /ел. / <i>суруп</i> /тур. /	<i>суруп</i> /тым. / <i>уруп</i> /тым. / <i>хуроп ~ хуруп</i> /об. Ч, вас., тым. /	<i>сурам</i> /кет. / <i>сурум</i> /кет. / <i>сурэм</i> /кет. /

В первых словарях XVIII–XIX вв. количество исключений (дублетных форм) в центральных еще больше (табл. 2).

Таблица 2

**Реализация первого диалектно-дифференцирующего признака по Е. А. Хелимскому
в материалах селькупских словарей XVIII–XIX вв.**

Значения	Северные	Центральные	Южные
‘Бог, небо’	Пал. таз. <i>номъ</i> Мил. карасин. <i>поб</i>	Мил. нар. <i>нит</i> , <i>nib</i> Мил. тым. <i>nib</i> , <i>nob</i> Макарий нар. <i>нуп</i> , <i>нун</i> , <i>ном</i>	Пал. кет. <i>номъ</i> Мил. кет. <i>пот</i> Григ. нижнечаин. <i>номъ</i> , <i>нунъ</i> Мил. том. <i>нит</i>
‘Человек’	Пал. таз. <i>кубъ</i> , Мил. карасин. <i>kub</i> , <i>gub</i>	Макарий нар. <i>коп</i> , <i>куп</i> , <i>қум</i> Мил. нар. <i>кут</i> , <i>g^küb</i> Мил. тым. <i>g^kub</i>	Мил. том. <i>куит</i> Мил. кет. <i>кут</i> Макарий обск. <i>кам</i> Пал. кет. <i>куммъ</i> Григ. нижнечаин. <i>комъ</i> , <i>гомъ</i> , <i>кум</i> , <i>гумъ</i>
‘Кровь’	Пал. таз. <i>кемъ</i>	Пал. нар. <i>кебъ</i>	Макарий обск. <i>кам</i> Пал. кет. <i>кемъ</i> Григ. нижнечаин. <i>камъ</i>
‘Зверь, птица’	Пал. таз. <i>суру</i>	Пал. нар. <i>хуръпъ</i>	Пал. кет. <i>сурумъ</i> Григ. нижнечаин. <i>сұрумъ</i>

2. Юж. -0- vs. Центр. -ү- (-w-) vs. Сев. -η-

В рефлексах по этой изоглоссе значительное количество исключений и в южных, и в центральных диалектах было в конце XX в. по словарю [2], они также в табл. 3 отмечены полужирным шрифтом.

Интересно, что в XVIII–XIX в. исключений, возможно, было примерно столько, в основном, видимо, они касались южных диалектов, в которых и в XVIII в., и в XX в. представлена рефлексация, характерная, по Е. А. Хелимскому, для центральных диалектов (табл. 4).

Таблица 3

Реализация второго диалектно-дифференцирующего признака по Е. А. Хелимскому в материалах селькупских диалектов по словарю [2]

Значения	Северные	Центральные	Южные
‘Нож’		<i>паҕэ</i> /вас. /	<i>паэ</i> /кет., вас. /
‘Лето’	<i>таңал</i> /тур. / <i>таңы</i> /тур. / <i>таңэң</i> /ел. /	<i>таэм</i> /об. Ч/ <i>тагыт</i> /вас., тым. / <i>таыт</i> /об. Ш/	<i>таэ</i> /об. С/ <i>тағаны</i> /кет. / <i>тағын</i> /кет. / <i>таыт</i> /кет. / <i>тагыт</i> /кет. /

Таблица 4

Реализация второго диалектно-дифференцирующего признака по Е. А. Хелимскому в материалах селькупских словарей XVIII–XIX вв.

Значения	Северные	Центральные	Южные
‘Нож’	Мил. карасин. <i>pánga</i>	Мил. нар., тым. <i>págge</i> Пал. нар. <i>павы</i>	Мил. том. <i>ра</i> Пал. кет. <i>па</i> Мил. кет. <i>págge</i> Григ. нижнечаин. <i>па</i>
‘Лето’	Пал. таз. <i>тагынь</i>		

3. Юж., Центр. -w- (иногда с дальнейшим стяжением) vs. Сев. -m-

При реализации этой изоглоссы в материалах картотеки А. П. Дульзона, изданных в словаре [2], исключений значительно меньше, лишь дважды зафиксировано сохранение архаического *-m-*, характерного лишь для северных диалектов, в интервокале в тымском (центральном) и кетском (южном) диалектах (табл. 5).

Таблица 5

Реализация третьего диалектно-дифференцирующего признака по Е. А. Хелимскому в материалах селькупских диалектов по словарю [2]

Значения	Северные	Центральные	Южные
‘Мать’		<i>ау</i> /тым. / <i>эвэ</i> /тым. / <i>ава</i> /об. Ш/ <i>авва</i> /об. Ш/	<i>ávám</i> /кет. / <i>авэ</i> /кет. / <i>авва</i> /об. С/ <i>эввы, эввэ</i> /кет. /
‘Лиственница’	<i>тўмы</i> /тур. /	<i>төвэл пō</i> /вас. /	<i>тўу</i> /об. С/ <i>тўвэ</i> /кет. /
‘Заяц’	<i>нёма</i> /тур. /	<i>нёма</i> /тым. / <i>нэва</i> /вас. / <i>нева</i> /об. Ч, вас. / <i>нева</i> /об. Ш/	<i>нэ</i> /об. С, кет. /
‘Есть, кушать’	<i>амырқо</i> /тур., ел. / <i>амырықо</i> /тур. /	<i>авешпэгу</i> /вас. / <i>авэшпэгу</i> /об. Ч, вас. / <i>авыргу</i> /вас. / <i>авэргу</i> /об. Ч/ <i>аоргу</i> /об. Ч/ <i>аургу</i> /об. Ч/ <i>авэшпугу</i> /об. Ш/	<i>аурукугу</i> /об. С/ <i>амыргу</i> /кет. / <i>авэргу</i> /кет. /

В первых словарях и книгах количество исключений также незначительно. В основном отмечаются стяженные формы. Но при этом следует отметить, что эта изоглосса не различает южные и центральные диалекты, которые имеют тенденцию к смешению, судя по материалам двух первых изоглосс (табл. 6).

Таблица 6

Реализация третьего диалектно-дифференцирующего признака по Е. А. Хелимскому в материалах селькупских словарей XVIII–XIX вв.

Значения	Северные	Центральные	Южные
‘Мать’	Кастр. таз. <i>ете</i> ‘мать’ Пал. таз. <i>амель</i> Мил. карасин. <i>hémed</i>	Макарий нар. <i>амба</i> , <i>авем</i> Пал. нар. <i>амба</i> Мил. нар. <i>éweb</i> Мил. тым. <i>eweb</i> , <i>атта</i>	Макарий среднеоб. <i>аву</i> , <i>ау</i> Мил. том. <i>ewe</i> Пал. кет. <i>евемъ</i> Мил. кет. <i>ewet</i> Григ. нижнечаин. <i>ау</i>
‘Лиственница’		Мил. нар., тым <i>töo</i>	Мил. том. <i>tüü</i> Мил. кет. <i>tüü</i>
‘Заяц’	Мил. карасин. <i>njäta</i>	Мил. нар., тым. <i>njoa</i>	Мил. том. <i>njo</i> Мил. кет. <i>njoa</i>
‘Есть, кушать’	Пал. таз. <i>аморко</i> Мил. карасин. <i>ámerlang</i>	Пал. нар. <i>аурходъ</i>	Мил. том. <i>áurak</i> Пал. кет. <i>агургу</i>

4. Юж. s- vs. Сев. Центр. š-

Этот признак на примере лексемы ‘два’, по материалам словаря [2], насчитывает наибольшее количество исключений в диалектах второй половины XX в. В северных диалектах встречается не только š-, но и s- и, наоборот, š- встречается в центральных диалектах и южном кетском, рефлексация s- из южных диалектов характерна лишь для обских сюсюкумов [2] (табл. 7).

Таблица 7

Реализация четвертого диалектно-дифференцирующего признака по Е. А. Хелимскому в материалах селькупских диалектов по словарю [2]

Значения	Северные	Центральные	Южные
‘Два’	<i>шиты</i> /тур. / <i>шиты</i> /тур. / <i>ситэ</i> /ел. / <i>ситтэк</i> /ел. / <i>сйт</i> /тур. /	<i>шэдйя</i> /об. Ч/ <i>шэдэя</i> /об. Ч/ <i>шэдэгэ</i> , <i>шэтэгэ</i> /вас. / <i>шэдэг</i> /об. Ч/ <i>шэдэг</i> /об. Ч/ <i>шөт</i> /об. Ч/ <i>шэдэ</i> /об. Ч, тым. / <i>шэдэя</i> /об. Ч/ <i>шыдэг</i> , <i>шыдэях</i> , <i>шэдэк</i> , <i>шэдэяк</i> /тым. / <i>шэдэк</i> /вас. / <i>шытэг</i> /вас. / <i>шэдэяк</i> /тым. /	<i>сөдйяк</i> /об. С/ <i>сыдэяк</i> /об. С/ <i>сыдак</i> , <i>сыдэяк</i> /об. С/ <i>сыдэ</i> /об. С/ <i>сыт</i> /об. С/ <i>сөд</i> /об. С/ <i>сэдэ</i> /об. С/ <i>шиты</i> /кет. / <i>шыдэк</i> /кет. / <i>шиттэ</i> /кет. / <i>шиттэкы</i> /кет. / <i>шытэкы</i> /кет. / <i>шиттэ</i> /кет. /

		<i>шидйя</i> /тым. / <i>шыдйях</i> /тым. / <i>шэдйя</i> /тым. / <i>шэдэ</i> /вас. / <i>шэтэ</i> /вас. / <i>шидэ, шэдэ, шэтэ</i> /вас. / <i>шытэ</i> /вас. / <i>шэдйя</i> /об. Ш/ <i>шэд</i> /об. Ш/	<i>шиты, шиттэ</i> /кет. / <i>шидэк, шиттэ</i> /кет. /
--	--	---	---

В первых словарях (у Г. Ф. Миллера) и в книге (св. Макария Невского) на южных кетском и обском диалектах также встречается рефлексация *š*-, которая, по Е. А. Хелимскому, характерна лишь для северных и центральных диалектов (табл. 8).

Таблица 8

Реализация четвертого диалектно-дифференцирующего признака по Е. А. Хелимскому в материалах селькупских словарей XVIII–XIX вв.

Значения	Северные	Центральные	Южные
‘Два’	Мил. карасин. <i>schittjächan</i> Пал. таз. <i>шитъ</i>	Мил. нар., тым. <i>schiddéga</i> Пал. нар. <i>шитыя</i>	Мил. том. <i>ssitáge</i> Макарий обск. <i>шудо, шит,</i> <i>шиты, шиды-мчели,</i> Мил. кет. <i>schiddéga</i> Пал. кет. <i>ситыга</i>

Таким образом, этот признак также не позволяет надежно различить три группы селькупских диалектов.

Становится ясно, что при привлечении большего количества источников по южным и центральным диалектам селькупского четкие изоглоссы, которые, по утверждению Е. А. Хелимского, сохранялись несколько столетий без изменений, фактически не позволяют надежно различить южные и центральные диалекты. Поэтому для классификации необходим комплексный анализ доступных источников не только по основным изоглоссам.

Благодаря работе в архивах Москвы и Санкт-Петербурга нам удалось оцифровать оригиналы наиболее ранних рукописей селькупских словарей, записанных Г. Ф. Миллером и собранных П. С. Палласом в XVIII в. В статье [1, с. 68] указывается, что словари, изданные П. С. Палласом, взяты у Г. Ф. Миллера. Однако их анализ позволил выявить множество системных различий, поэтому мы рассматриваем эти рукописи как независимые источники. В настоящее время из пяти рукописных словарей Г. Ф. Миллера (карасинский, томский, кетский, тымский, нарымский) и четырех словарей П. С. Палласа (тазовский, томский, кетский, нарымский) создано девять баз данных, которые доступны онлайн на платформе «ЛингвоДок» (lingvodoc.ispras.ru) и связаны между собой и с современными селькупскими аудиословарями этимологическими связями. На «ЛингвоДоке» с помощью специальной авторской программы «Анализ когнатов в разных диалектах одного языка», воспроизводящей работу этимолога, из любого селькупского словаря зарегистрированный пользователь, который является его создателем или имеет право, полученное от создателя словаря, может открыть опцию «Инструменты» и выбрать различные опции анализа словаря. После выбора опции «Анализ когнатов в разных диалектах одного языка» перед пользователем появляется интерфейс с возможностью выбора словарей диалектов для анализа.

Программа «Анализ когнатов для каждого символа из транскрипции» обчисляет его соответствия в словах из других диалектов этого же языка, связанных этимологиями с настоящим словарем:

а) обчисляются корни, исходя из того, что в них первый гласный (сочетание гласных) соответствует первому гласному (сочетанию гласных), первый согласный (сочетание согласных) соответствует первому согласному (сочетанию согласных), второй согласный – второму. На выходе получаем для каждой пары идиомов список соответствий. У автора словаря есть возможность его скачать, проанализировать, проверить правильность транскрипций и этимологий, которые привели к нестандартным рядам соответствий, и внести корректировки в транскрипцию и этимологию. Далее алгоритм перезапускается повторно уже на материале, выверенном автором;

б) алгоритм оценивает, есть ли фонемы, у которых два и более соответствий во втором диалекте. Если две или более фонем из рассматриваемого словаря соответствуют одной фонеме из другого, рассматривается, нет ли позиционного распределения между ними, не учтенного на первом этапе. По факту этого обсчета система выдает в формате Excel список соответствий между двумя диалектами с возможными правилами распределения.

Пункты «а» и «б» повторяются циклически для всех диалектов одного языка или для ряда родственных языков по желанию автора словаря.

Таким образом, на «ЛингвоДоке» были проанализированы с помощью программы «Анализ когнатов» графико-фонетические изоглоссы, которые различали словари Г. Ф. Миллера (проанализирована 1 151 лексема из пяти словарей), П. С. Палласа (проанализировано 915 лексем из пяти словарей) и четыре современных аудиословаря (проанализировано 1 230 лексем, соединенных этимологиями): тазовский по [3], верхнетолькинский [4], нарымский [5], кетский [6]. Во-вторых, на «ЛингвоДоке» выполнен глоттохронологический анализ восьми словарей селькупского языка, созданных на материалах XVIII в. (П. С. Палласа), XIX в. (Н. П. Григоровского), XX в. (Ю. А. Морева, Е. А. Хелимского) и XXI в. (О. А. Казакевич).

В 2023 г. на «ЛингвоДоке» появилась возможность анализировать словари, соединенные этимологическими связями с (lingvodoc.ispras.ru) и с помощью программ анализа лексикостатистики. В словарях во вкладке «Инструменты» можно выбрать опцию «Глоттохронологический анализ языков/диалектов». Эта опция может применяться к любому набору языков, в словарях которых есть более 50 слов из стословного списка М. Сводеша. 100-словный список Сводеша – Старостина выбран, поскольку лишь для него обоснованы и разработаны строгие семантические спецификации [7, 8], позволяющие получить достаточно точные сравниваемые данные для разных языков. Согласно предложенной С. А. Старостиным глоттохронологии (см. подробнее [9]), из подсчета по формуле, представленной на рис. 1, сначала удаляются заимствования, родственные слова соединяются на платформе «ЛингвоДок» этимологическими связями, затем подсчитывается процент совпадений между списками двух идиомов и вычисляется время распада.

$$t = \sqrt{\frac{\ln\left(\frac{Nn(t)}{N_o}\right)}{-n\lambda^n \sqrt{Nn(t)}}$$

Рис. 1. Формула С. А. Старостина для обсчета близости языков и диалектов, встроенная в «ЛингвоДок»

Эта формула, для которой С. А. Старостин подобрал экспериментальным путем лямбду, равную 0,05, дает возможность определить время распада любого набора языков (см. подробнее [9]). На «ЛингвоДоке» также встроена функция создания графиков близости языков в форматах 2D и 3D.

Ниже будут изложены результаты анализа диалектной классификации с помощью двух программ: «Анализ когнатов» и «Глоттохронология» – словарей, созданных в XVIII в. Г. Ф. Миллером, и полевых материалов, собранных в конце XX – начале XXI в.

Результаты обработки словарей Г. Ф. Миллера с помощью программы «Анализ когнатов»

Как было сказано выше, с помощью программы «Анализ когнатов» была проанализирована 1 151 лексема из пяти словарей.

В результате этого анализа был построен следующий график близости когнатов (рис. 2).

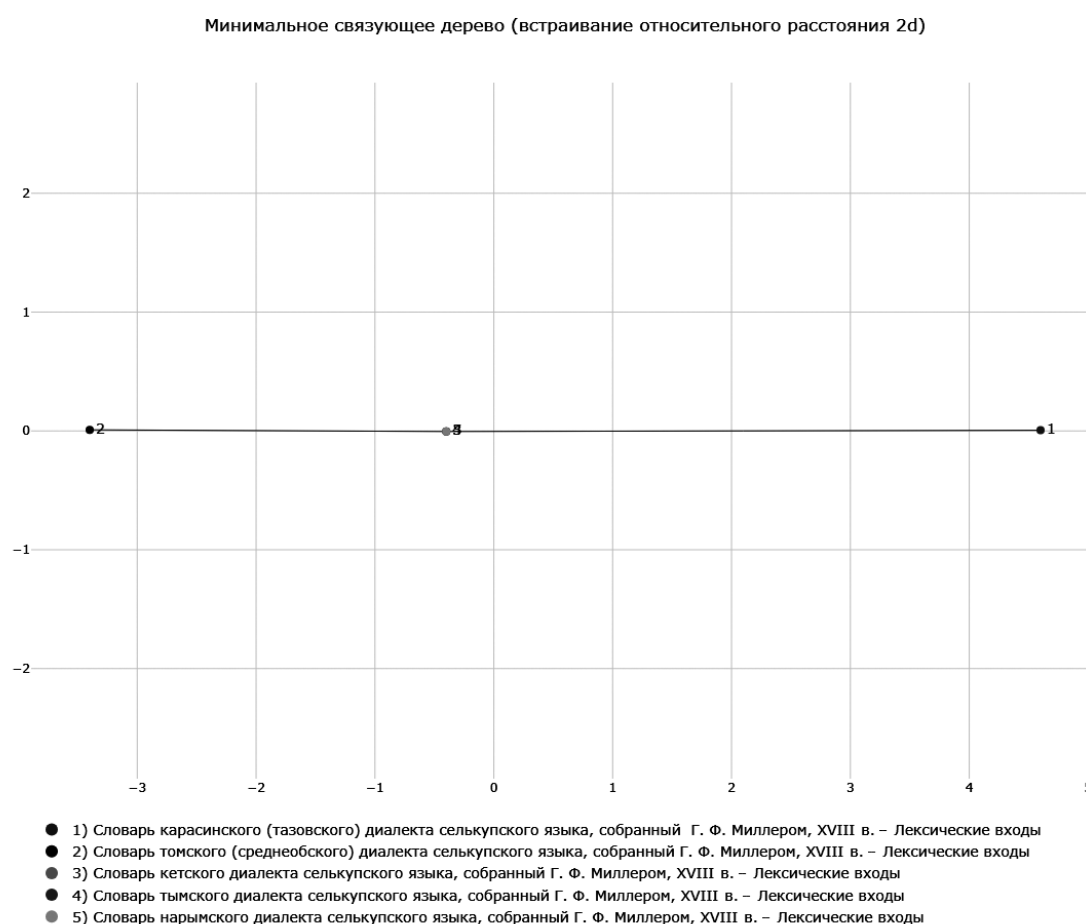

Рис. 2. График близости словарей Г. Ф. Миллера в программе «Анализ когнатов»

На графике можно видеть, что карасинский (северный тазовский) диалект максимально отличается от других, кетский (южный), тымский и нарымский (центральные) диалекты фактически еще не имеют системных диалектно-дифференцирующих признаков, на которые было бы более трех примеров, одинаково реализованных во всех диалектах, определенные отличия наблюдаются лишь в исчезнувшем ныне томском (среднеобском) диалекте. Какие именно это изоглоссы, можно посмотреть в табл. 9.

**Графико-фонетические изоглоссы, различающие селькупские диалекты
в словарях Г. Ф. Миллера**

Карасинский (тазовский)	Кетский	Томский (среднеобской)	Тымский	Нарымский
Особые рефлексy в карасинском (тазовском)				
<i>h</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>0</i>	<i>0</i>
<i>-x-</i>	<i>-g-</i>	<i>-g-</i>	<i>-g-</i>	<i>-g-</i>
<i>i</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>
<i>ä</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a</i>
Особые рефлексy в томском (среднеобском)				
<i>ʃ-</i>	<i>ʃ-</i>	<i>tj-</i>	<i>ʃ-</i>	<i>ʃ-</i>
<i>-ʃ-</i>	<i>-ʃ-</i>	<i>-dj-</i>	<i>-ʃ-</i>	<i>-ʃ-</i>
<i>t</i>	<i>t</i>	<i>tj</i>	<i>t</i>	<i>t</i>
<i>ʃ</i>	<i>ʃ/s</i>	<i>sj</i>	<i>ʃ</i>	<i>ʃ</i>

На рис. 3 можно видеть на примере первой изоглоссы, как программа «Анализ когнатов» делает выдачу примеров, иллюстрирующих табл. 9.

lingvodoc.ru/dictionary/2639/1283/perspective/2639/1287/view									
sögum sögaldschk sir-nilmat		'dominus "хозяин" 'sile "молчать!" 'vitulus "теленко"		suagub sögaldschk sir-nilmat		'dominus "хозяин" 'sile "молчать!" 'vitulus "теленко"		sägum suägob sögaldschk sir-nilmat	
[h]		0		0		0		0	
heseb	'pater "отец"	esël	'pater "отец"	éssem	'pater "отец"	éssem	'pater "отец"	éche	'pater "отец"
hémed	'mater "мать"	ewël	'mater "мать"	éwem	'mater "мать"	éweb	'mater "мать"	éweb	'mater "мать"
hüllende	'ancilla "служанка"	ilenda	'ancilla "служанка"	üllende	'ancilla "служанка"	üllende	'ancilla "служанка"	üllende	'ancilla "служанка"
höllad	'caput "голова"	olol	'caput "голова"	öllo	'caput "голова"	öllo	'caput "голова"	öllo	'caput "голова"
häk	'os "пот"	ängda	'os "пот"	ang	'os "пот"	ak	'os "пот"	ak	'os "пот"
huite	'manus "кисть руки"	udël	'manus "кисть руки"	uten-ollütte	'manus "кисть руки"	ütte uten-ol	'brachium "рыка (о. uten-ollütte)	'manus "кисть руки"	'manus "кисть руки"
hünde	'arcus "лук"	ünde	'arcus "лук"	ünde	'arcus "лук"	ünde	'arcus "лук"	ünde	'arcus "лук"
hände	'navis, linter "ло"	ände	'navis, linter "ло"	ántu	'navis, linter "ло"	ántu	'navis, linter "ло"	ántu	'navis, linter "ло"
hilla	'vivid "живой"	ileng	'vivid "живой"	illek	'vivid "живой"	illek	'vivid "живой"	illek	'vivid "живой"
hopt	'capillus "волосы"	opt apt opt	'pilus "волос на т"	ünde	'barba "борода"	ünde	'barba "борода"	ünde	'barba "борода"
hünde	'barba "борода"	ünde	'barba "борода"	ünde	'barba "борода"	ünde	'barba "борода"	ünde	'barba "борода"
[nj]		[nj]		[nj]		[nj]		[nj]	
njäma	'lepus "заяц"	njo	'lepus "заяц"	njoa	'lepus "заяц"	njoa	'lepus "заяц"	njoa	'lepus "заяц"
njarraka	'salix "ива"	njarga	'salix "ива"	njarch	'salix "ива"	njarch	'salix "ива"	njarch	'salix "ива"
njénjā	'antrorsum "вперед"	njārnā	'antrorsum "вперед"	njārne	'antrorsum "вперед"	njārne	'antrorsum "вперед"	njārne	'antrorsum "вперед"
		njāp	'anas "утка"	njab	'anas "утка"	njab	'anas "утка"	njab	'anas "утка"
		njai	'panis "хлеб"	njai	'panis "хлеб"	njai	'panis "хлеб"	njai	'panis "хлеб"
				njābi	'ovum "яйцо"	njābi	'ovum "яйцо"	njābi	'ovum "яйцо"
[ʃ]		[tj]		[ʃ]		[ʃ]		[ʃ]	
tschāageng tschōb...	'albus "белый" pro...	tjōpsang tōpsai-no...	'nix "чер" procel...	tschiega tschōpsan	'albus "белый" nix...	tschaga tschōpfak	'albus "белый" nix...	tschāga tschōfak	'albus "белый" nix...
tschumbone	'lupus "волк"	tjūmbunē	'lupus "волк"	tschumbone	'lupus "волк"	tschumbone	'lupus "волк"	tschūmbone	'lupus "волк"
tschāb	'folium "лист"	tjāba	'folium "лист"	tschābe	'folium "лист"	tschābe	'folium "лист"	tschābe	'folium "лист"
tschūteschang	'loqui "говорить"	tjārak	'loqui "говорить"	tschidschek	'loqui "говорить"	tschidschek	'loqui "говорить"	tschidschek	'loqui "говорить"
tschūrang pitsc...	'lacrimo "плачу" r...	tjūrāng piskuum	'lacrimo "плачу" r...	tschūrak pūssenjak	'lacrimo "плачу" r...	tschūrak pūssenjak	'lacrimo "плачу" r...	tschūrak pūssenjak	'lacrimo "плачу" r...
tschākomda	'siccus "сухой"	(tschégamba)	'siccus "сухой"	tschégemba	'siccus "сухой"	tschégemba	'siccus "сухой"	tschégemba	'siccus "сухой"
tschandēs	'mare "море"		'mare "море"	tschass	'mare "море"	tschass	'mare "море"	tschass	'mare "море"

Рис. 3. Пример того, как в «ЛингвоДоке» собраны примеры в селькупских диалектах, в которых в карасинском *h-*, а в других диалектах *0-* в начале слова

Интересно обратить внимание, что наиболее регулярные рефлексy, которые выявляются в XVIII в., отличаются от общепринятых изоглосс, считающихся диалектно-дифференцирующими в XX–XXI вв.

Результаты обработки словарей Г. Ф. Миллера с помощью программы «Глоттохронология»

В результате анализа 100-словных списков из словарей Н. Ф. Миллера была получена табл. 10.

Результаты глоттохронологического анализа селькупских словарей Г. Ф. Миллера

1. Словарь карасинского (тазовского) диалекта	2. Словарь томского (среднеобского) диалекта	3. Словарь кетского диалекта	4. Словарь тымского диалекта	5. Словарь нарымского диалекта
n/a	1,26 (86%)	1,35 (84%)	1,23 (86%)	1,26 (86%)
1,26 (86%)	n/a	1,26 (86%)	1,04 (90%)	0,94 (91%)
1,35 (84%)	1,26 (86%)	n/a	0,63 (96%)	0,65 (96%)
1,23 (86%)	1,04 (90%)	0,63 (96%)	n/a	-0,00 (100%)
1,26 (86%)	0,94 (91%)	0,65 (96%)	-0,00 (100%)	n/a

Близость селькупских словарей Г. Ф. Миллера с точки зрения глоттохронологии можно видеть также на рис. 4.

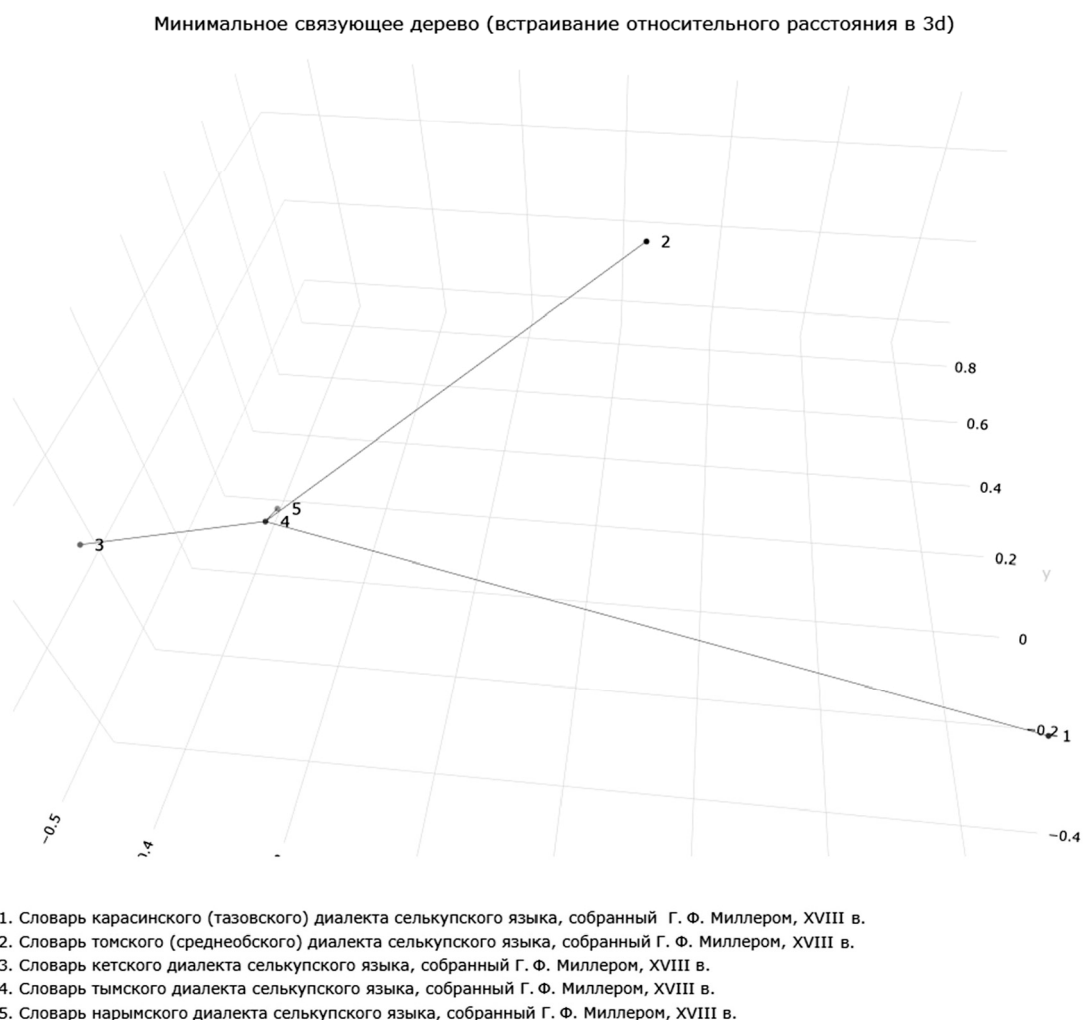

Рис. 4. График близости селькупских словарей XVIII в., собранных Г. Ф. Миллером, с точки зрения глоттохронологии

Принято считать (см., например, [10]), что идиомы, между которыми совпадений в базисной лексике более 90%, являются диалектами. Мы видим, что кетский, тымский и нарым-

ский являются диалектами, что подтверждает и анализ по графико-фонетическим изоглоссам, и имеют более 96–100% совпадений. Томский диалект также имеет с тымским и нарымским (центральными) 90–91% совпадений, а с кетским (южным) – 86% совпадений. И карасинский (тазовский северный) диалект со всеми словарями имел менее 86% совпадений, что указывает на то, что уже в XVIII в. он был отдельным языком. А те диалекты, которые сейчас относятся к южным (кетский) и центральным (тымский и нарымский), в XVIII в. не имели системных графико-фонетических различий, но уже имели незначительные различия в базисной лексике.

По методу расчета времени распада языков, предложенному С. А. Старостиным, совпадение на 86% указывает на время распада 1,24 тыс. лет назад, то есть в конце I тыс. н. э. Как показал наш анализ фонетических изоглосс, различия между северной и центрально-южной группой были регулярными уже в XVIII в. (их было четыре). По глоттохронологии словарей XVIII–XXI в. центрально-южная группа распалась примерно в середине II тыс. н. э., при этом четкие фонетические различия оформились между южными и центральными диалектами только в XIX в. (см. подробнее [11]).

Представляется интересным сравнить количество изоглосс, различающих диалекты других уральских и тюркских языков в XVIII в., и процент совпадения базисной лексики в них. Такое сопоставление стало возможным благодаря тому, что в последние годы на платформе «ЛингвоДок» размещены словари XVIII в. мансийских, хантыйских, марийских, татарских, башкирских и других диалектов.

Проанализированный материал показывает, что в **башкирском языке**, по словарю Палласа (1787–1789), два перехода: пратюркский $*-b- > 0/в(у)/й$, $*\ddot{o} > ю$, подробнее [12], а максимальные различия по глоттохронологии между северо-западным и другими башкирскими диалектами – 87%. Мы видим, что по глоттохронологии прабашкирский язык распался примерно тогда же, когда и праселькупский, но фонетических различий в XVIII в. в них было меньше.

В **татарском языке**, по словарю Палласа (1787–1789), также два перехода: пратюркский $*-b- > 0/в/й$, $*\ddot{o} > ю/у$ (подробнее см. [13]), при этом эуштинский сибирско-татарский с литературным татарским имеет 92% совпадений в базисной лексике. Таким образом, можно видеть, что татарские диалекты более близки, чем селькупские, по всем параметрам.

В **горномарийском языке** в XVIII в. также представлены два перехода: прамарийский $*\acute{c} > с$, $*j > 0$ (подробнее см. [14]), между северо-западным и горным марийским зафиксирован минимальный процент совпадений по базисной лексике – 86%, совпадающий с селькупскими. То есть марийские языки разделились примерно тогда же, когда и селькупские, но фонетических регулярных изменений в XVIII в. в них было меньше.

В **мансийском языке** произошло к XVIII в. еще меньше фонетических регулярных изменений: в пермском (западном) мансийском – один переход: прамансийский $*-y > 0$; в северном мансийском также один переход: прамансийский $*k|_{V\text{зад}} > \text{березов. } \chi$ (см. [15]). При этом процент совпадений в базисной лексике также 87% (см. [16]).

Принципиально отличаются от выше рассмотренных случаев пять фонетических переходов в южно-хантыйском (тобольском) (см. [17]): прахантыйский $*a > о$, $*\text{ɔ} > и$, $*l > т/тл$, $*\acute{c} > т'$, $*w > 0|_{u}$; при этом в севернохантыйском (березовском) – три перехода: прахантыйский $*kV > x$, $*\check{c} > \check{s}$, $*\acute{c} > \check{s}$; в восточнохантыйском (васюганском) – один переход: прахантыйский $*\text{л} > \text{васюг. } 0/j$. Таким образом, между северными и южными хантыйскими диалектами было восемь фонетических изоглосс. Но и процент совпадений в базисной лексике между восточным и северным хантыйским весьма низкий – 70%.

Таким образом, можно резюмировать, что в XVIII в. селькупские диалекты имели такой же процент различий в базисной лексике, как и башкирские, мансийские, марийские диалекты, которые сейчас часто считаются разными языками. Но селькупские имеют уже больше фоне-

тических регулярных отличий. При этом хантыйские языки имеют значительно больше различий в базисной лексике и в фонетике даже в XVIII в.

Список сокращений:

вас. – васюганский селькупский
Григ. нижнечаин. – нижнечаинский селькупский по книгам Григоровского Н. П.
ел. – елабужский селькупский
Кастр. таз. – тазовский селькупский по книгам М. А. Кастрена
кет. – кетский селькупский
Макарий нар. – нарымский селькупский по книге святителя Макария (Невского)
Макарий обск. – обской селькупский по книге святителя Макария (Невского)
Мил. карасин. – карасинский селькупский по словарю Г. Ф. Миллера
Мил. нар. – нарымский селькупский по словарю Г. Ф. Миллера
Мил. том. – томский селькупский по словарю Г. Ф. Миллера
Мил. тым. – тымский селькупский по словарю Г. Ф. Миллера
Мил. кет. – кетский селькупский по словарю Г. Ф. Миллера
об. С – обские говоры Сюсюкум
об. Ч – обские говоры Чумылькуп
об. Ш – обские говоры Шёшкуп, Шёшкум
Пал. таз. – тазовский селькупский по словарю П. С. Палласа
Пал. кет. – кетский селькупский по словарю П. С. Палласа
Сев. – северноселькупский
тур. – туруханский диалект
тым. – тымский диалект
Цент. – центральноселькупский
Юж. – южноселькупский

Список источников:

1. Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М., 2000. 639 с.
2. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быконя. Томск, 2005. 347 с.
3. Хелимский Е. А. Словарь базисной лексики тазовского диалекта. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7270/1/perspective/7270/2/view> (дата обращения: 02.02.2023).
4. Казакевич О. А., Будянская Е. М. Словарь базисной лексики верхнетолькинского диалекта. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1723/8454/perspective/1723/8455/view> (дата обращения: 02.02.2023).
5. Федотова Н. В., Норманская Ю. В. Словарь базисной лексики нарымского диалекта. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/334/3/perspective/334/4/edit> (дата обращения: 02.02.2023).
6. Казакевич О. А., Будянская Е. М. Словарь базисной лексики кетского диалекта. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1723/7/perspective/1723/8/view> (дата обращения: 02.02.2023).
7. Starostin G. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach // Journal of Language Relationship. 2010. № 3. P. 79–116.
8. Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification // Journal of Language Relationship. 2010. № 4. P. 46–89.
9. Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I. М., 1989. С. 3–39.
10. Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005. 432 с.
11. Ковылин С. В., Норманская Ю. В. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. II. Памятники селькупской письменности XIX в., созданные святителем Макарием Невским. М., 2022. 301 с.
12. Норманская Ю. В. Башкирские диалекты в XVIII в. по данным словаря П. С. Палласа // Проблемы востоковедения. 2023. № 3. С. 48–54.
13. Норманская Ю. В. Уточнение степени близости кыпчакских языков между собой в сравнении с финно-

угорскими на основе анализа словарей XVIII в. // Oriental studies. 2023. № 2. С. 417–427.

14. Норманская Ю. В. Первый черемисский словарь – архаический текст или конкорданс слов из нескольких марийских диалектов? // Урало-алтайские исследования. 2021. № 3. С. 90–99.

15. Норманская Ю. В. Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых книг и словарей XVIII–XIX веков) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 126–143.

16. Normanskaya Yu. V., Fedotova I. V. Phonetic and lexical innovations in Ob-Ugric dialects in the 18th–21st centuries: new archival and field data // Ural-Altaic Studies. 2022. № 3. P. 63–74.

17. Норманская Ю. В. Графико-фонетические различия в хантыйских диалектах по данным источников XVIII в. // Вестник угроведения. 2022. № 1. С. 84–93.

Норманская Юлия Викторовна.

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ведущий научный сотрудник.

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.

Ул. А. Солженицына, 25, Москва, 109004.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, 1, Москва, 125009.

E-mail: julianor@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2024 г.

Yu. V. Normanskaya

CLASSIFICATION OF SELKUP DIALECTS IN THE 18TH CENTURY USING THE PROGRAM LINGVODOC

The article examines the dialectal material of the Selkup language collected in the 20th century by A. P. Dulzon and his successors and by G. Miller, P. Pallas, and M. Castrén in the 18th century. From the perspective of dialect-differentiating isoglosses, the article shows numerous exceptions in the correspondence between the southern and central Selkup dialects. When looking at materials based on known isoglosses, it is difficult to identify systematic differences between southern and central dialects in the 18th century. This article, therefore, aims to investigate when the differences between the southern and central dialects emerged and how significant the differences between northern and central-southern Selkup were. To investigate this question, we uploaded five 18th-century dictionaries by G. Miller to the LingvoDoc platform (lingvodoc.ispras.ru). The graph-phonetic isoglosses and the basic vocabulary were then analyzed using proprietary programs. The results show that the northern Selkup dialect already differed phonetically and lexically from the central and southern dialects in the 18th century. It can be assumed that there were two Selkup languages at this period. In this period, there were no systematic phonetic isoglosses between the southern and central dialects, but lexically, they were already different from each other. It has already been established that all the phonetic features of the Naryn dialect that can be identified in the 21st century were already present in the book by Saint Makary (Nevsky), “Materials for acquaintance with the dialect of the Ostyak people of the Naryn region” written in 1887. Thus, it becomes clear that the phonetic differences between the southern and central dialects appeared only in the early 19th century, although the glottochronological analysis of S. Starostin places their separation in the middle of the 2nd millennium BCE.

Keywords: *Selkup dialects, graphics, phonetics, lexicostatistics, archived dictionaries, audio dictionary*

References:

1. Helimski E. A. *Komparativistika, uralistika: leksii i stat'i* [Comparative studies, Uralistics: lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 639 p. (in Russian)
2. Bykonya V. V. (ed.) *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 2005. 347 p. (in Russian)
3. Helimski E. A. *Slovar' bazisnoy leksiki tazovskogo dialekta* [Dictionary of basic vocabulary of the Taz dialect]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/7270/1/perspective/7270/2/view> (accessed: 02.02.2023) (in Russian).
4. Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. *Slovar' bazisnoy leksiki verkhnetol'kinskogo dialekta* [Dictionary of basic vocabulary of the Upper Tol'ka dialect]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1723/8454/perspective/1723/8455/view> (accessed: 02.02.2023) (in Russian).

5. Fedotova N. V., Normanskaya Yu. V. *Slovar' bazisnoy leksiki narymskogo dialekta* [Dictionary of basic vocabulary Narym dialect]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/334/3/perspective/334/4/edit> (accessed: 02.02.2023) (in Russian).
6. Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. *Slovar' bazisnoy leksiki ketskogo dialekta* [Dictionary of basic vocabulary of the Ket dialect]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/1723/7/perspective/1723/8/view> (accessed: 02.02.2023) (in Russian).
7. Starostin G. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach. *Journal of Language Relationship*, 2010, no. 3, pp. 79–116 (in English).
8. Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship*, 2010, no. 4, pp. 46–89 (in English).
9. Starostin S. A. Sravnitel'no-istoricheskoye yazykoznaniye i leksikostatistika [Comparative historical linguistics and lexicostatistics]. In: Peiros I. I. (ed.) *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka* [Linguistic reconstruction and the ancient history of the East]. Ch. 1. Moscow: Nauka Publ., 1989. pp. 3–39 (in Russian).
10. Burlak S. A., Starostin S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoye yazykoznaniye* [Comparative historical linguistics]. Moscow: Academia Publ., 2005. 432 p. (in Russian)
11. Kovylin S. V., Normanskaya Yu. V. *Kirillicheskiye pamyatniki na ural'skikh i altayskikh yazykakh* [Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages]. Moscow: Alma Mater Publ., 2022. Vol. 2. 301 p. (in Russian)
12. Normanskaya Yu. V. Bashkirskiy dialekt v XVIII v. po dannym slovary P.S.Pallasa [Bashkir dialects in the XVIII century. according to the dictionary of P.S.Pallas]. *Problemy vostokovedeniya – Problems of Oriental Studies*, 2023, no 3, pp. 48–54 (in Russian).
13. Normanskaya Yu. V. Utochneniye stepeni blizosti kypchakskikh yazykov mezhdub soboy v sravnenii s finno-ugorskimi na osnove analiza slovarey XVIII v. [Clarifying the degree of proximity of the Kipchak languages to each other in comparison with the Finno-Ugric ones based on the analysis of dictionaries of the XVIII century]. *Oriental studies*, 2023, no. 2, pp. 417–427 (in Russian).
14. Normanskaya Yu. V. Pervyy cheremisskiy slovar' – arkhaischeskiy tekst ili konkordans slov iz neskol'kikh mariyskikh dialektov? [The first Cheremis dictionary – an archaic text or a concordance of words from several Mari dialects?]. *Uralo-altayskiye issledovaniya – Ural-Altaic research*, 2021, no. 3, pp. 90–99 (in Russian).
15. Normanskaya Yu. V. Kak menyalas' klassifikatsiya mansiyskikh dialektov (issledovaniye na materiale pervykh knig i slovarey XVIII–XIX vekov) [How the classification of Mansi dialects changed (a study based on the material of the first books and dictionaries of the 18–19 centuries). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philology Journal*, 2022, no. 1, pp. 126–143 (in Russian).
16. Normanskaya Yu. V., Fedotova I. V. Phonetic and lexical innovations in Ob-Ugric dialects in the 18th–21st centuries: new archival and field data. *Ural-Altaic Studies*, 2022, no. 3, pp. 63–74 (in English).
17. Normanskaya Yu. V. Grafiko-foneticheskiye razlichiya v khantyyskikh dialektakh po dannym istochnikov XVIII v. [Grapho-phonetic differences in Khanty dialects according to sources of the XVIII century]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2022, no. 1, pp. 84–93 (in Russian).

Julia V. Normanskaja.

Doctor of Philology, Chief of the Laboratory,

Ivannikov's Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences.

A. Solzhenitsyn str., 25, Moscow, Russia, 109004.

Doctor of Philology, Leading Researcher.

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Bolshoy Kislovsky lane, 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: julianor@mail.ru

Л. В. Озолина

О НЕКОТОРЫХ СТРАТЕГИЯХ ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОСТИ В ОРОКСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются варианты стратегий выражения атрибутивных отношений в языках различной типологии как способы реализации национального коммуникативного поведения и отражение семантико-синтаксических особенностей тунгусо-маньчжурских языков. В тунгусо-маньчжурских языках, где класс имен прилагательных достаточно скуден, атрибутивная семантика реализуется морфосинтаксическими средствами: собственно атрибутивными, посессивными конструкциями и конструкциями обладания. Для выражения отрицательных атрибутивных значений в тунгусо-маньчжурских языках используются конструкции необладания, оформляющие прилагательные обладания отрицательной частицей *ана*, семантически эквивалентным русским отрицательным прилагательным с приставками *не-* и *без-*.

Структура атрибутивной конструкции традиционно оформляется минимально двумя компонентами: определением (именем прилагательным как основным средством выражения атрибутивной семантики) и определяемым (именем номинативной семантики, диктующим, например, в русском языке категориальные характеристики определения-прилагательного: число, падеж и род). Ср., например: *рус. про солдатск=ую наград=у или по старой железн=ой дорог=е*.

В посессивных конструкциях (имя существительное + имя существительное в притяжательной форме) отношения реализуются на уровне порядка слов: первый компонент посессор – имя существительное, второй субстантивно выраженный компонент – определяемое, связь между ними осуществляется через посессивные суффиксы, отражающие лицо-число посессора. В тунгусо-маньчжурских языках представлены посессивные конструкции нескольких типов: субстантивные и прономинальные, дифференцируемые на основе грамматической принадлежности посессора (собственно существительное или местоимение-существительное).

Конструкции обладания оформляются именами прилагательными обладания и представлены в тунгусо-маньчжурских языках однокомпонентными, но семантически сложными, реализующими семантику словосочетания ('обладающий тем, что названо именной основой: имеющий нечто, названное основой' – именем существительным), и двухкомпонентными: первый компонент – имя существительное, называющее признак по количеству или качеству, достаточно регулярно в форме инструменталиса (допустима форма, лишенная показателей падежа) и прилагательное обладания. Прилагательные этого разряда заполняют исключительно постпозицию относительно определяемого предмета. Квалификация конструкций обладания, выражающих атрибутивные отношения, регламентируется семантическими критериями: как эквиваленты русских согласованных определений выступают компоненты, характеризующие неотчуждаемые признаки субъекта – лица или иного живого существа (*аси=лу* 'женой обладающий = женатый', *геда=ди пунтэ=лу* 'одним ребенком не обладающий = бездетный'). При обозначении отчуждаемых признаков семантика прилагательного обладания эквивалентна несогласованным определениям русского языка (*нари куче=лу* 'человек, ножом обладающий = человек с ножом').

Ключевые слова: атрибутивность, посессивность, посессивная конструкция, грамматический статус посессора, конструкции обладания – необладания

В большинстве языков стратегии выражения атрибутивной семантики при наличии грамматического класса имени прилагательного сходны и реализуются через минимально двучленные синтаксические конструкции, квалифицируемые как атрибутивные (определятельные) словосочетания, выражающие отношения между признаком и его носителем различными средствами: семантико-синтаксическими или формально-синтаксическими (категориальными возможностями или порядковыми позициями). Порядок следования определения и определяемого дифференцирует собственно атрибутивные и предикативно-атрибутивные конструкции.

В тунгусо-маньчжурских языках для выражения атрибутивных отношений используются несколько стратегий: атрибутивные конструкции, посессивные конструкции и конструкции обладания. Посессивные конструкции и конструкции обладания не имеют структурных аналогов в русском языке, представлены семантическими эквивалентами.

Структура атрибутивной конструкции

Структура атрибутивной конструкции традиционно оформляется минимально двумя компонентами: определением (именем прилагательным как основным средством выражения атрибутивной семантики) и определяемым (именем номинативной семантики, диктующим, например в русском языке, категориальные характеристики определения-прилагательного (число, падеж и род). Ср., например: рус. к стар=ому дом=у или по стар=ой дорог=е. Собственно грамматическое значение словосочетания сводится к отношению между семантикой главного и зависимого, допускающими формальные изменения, которые в тунгусо-маньчжурских языках носят факультативный характер (согласование в числе, в некоторых языках – падеже). Ср., например, орок. *орки нари* ‘плохой (злой, недобрый) человек’; *д̄аи=л дуку=л* ‘большие дома’; *сагди ула=сал* ‘старые олени (букв.: старый олени)’.

В тунгусо-маньчжурских языках слова грамматического класса имени прилагательного, обозначающие признак, качество, свойство или принадлежность, в отличие от русского, весьма немногочисленны: они представлены словами оценочной семантики: орок. *сагди* ‘старый’, *нурэ ~ нурэуэ* ‘молодой’, *аја, улинга ~ унинга* ‘хороший’, *орки* ‘плохой’ и т. д., на основе которых развиваются далее все вытекающие из обобщенного признака значения типа *хороший* = *здоровый, правильный, качественный* и пр. (причем, в отличие от русского языка, отрицательные прилагательные отсутствуют, отрицательная семантика формируется исключительно на уровне предиката: орок. *сагди э=вури биэ* ‘быть не старым’, *эну=ллэ ана би=ури* ‘стать не больным’), словами цветообозначения (*тагда* ‘белый’, *сэгдэ* ‘красный’, *согдо* или *ногдо* ‘желтый, зеленый, голубой’ и т. п.), словами, называющими признак по материалу (*сэлэ=мэ* ‘железный, из железа’, *мо=ма* ‘деревянный, из дерева’), а также словами, указывающими на порядок следования (*гед=де* ‘первый’, *тун=де* ‘пятый’, *тангу илан=де* ‘сто третий’ и т. п.).

Например:

- (1) *Гедара баја анни доббе нэвтэки нимэрихэни* [2, тетр. 4, с. 6].

гедара баја анни доббе нэв=тэк=ки
однажды богатый брат бедный младший брат=Lat-Dat=PossRefISg
нимэри=хэ=ни
=Past=3Sg

‘Однажды богатый брат пришел в гости к своему бедному (нищему) младшему брату’.

- (2) *Налма сагди этчин биэ, ананинуни хори тунда* [3, с. 135].

Налма сагди э=тчи=н биэ ананину=ни хори тунда
Налма старый быть=AUX: Neg=Past=3Sg возраст=Poss3Sg двадцать пять
‘Налма был не стар – его лета двадцать пять’.

Чаще при необходимости обозначения атрибутивной характеристики предмета в тунгусо-маньчжурских языках используется категория *посессивности*, или притяжания, реализующая атрибутивную семантику через посессивную конструкцию как разновидность атрибутивной, что объясняется малочисленностью относительных прилагательных в орокском и других тунгусо-маньчжурских языках. Как отмечала Т. И. Петрова, «с помощью системы притяжания выражаются отношения между предметами» не только по их принадлежности, «предмета обладания к обладателю, но также... и опредмеченного свойства к его носителю и т. д.» [3, с. 36]. Например: орок. *ула покто=ни* ‘оленья тропа (букв.: олень тропа=его)’, *сундатта пачикке=ни* ‘рыбий плавник (букв.: рыба плавник=ее)’, *гилэ угда=ни* ‘нивхская лодка’ и т. п.

Посессивная конструкция

Посессивная конструкция выступает в тунгусо-маньчжурских языках как подвид атрибутивной [1, с. 502], представляя собой в большей мере семантико-синтаксическую структуру, основанную для выражения определенного смысла на жестком порядке следования компонентов и наличии категории притяжания, т. е. при изменении порядка меняется не только синтаксическая функция членов конструкции, но в первую очередь ее семантическая составляющая: определение становится часто семантически несостоятельным атрибутивным предикатом в лишенной смысла конструкции. Например, рус. *стариков дом* и *дом старика* допустимо, но орок. *мапа дуку=ни* ‘стариков дом, дом старика’ и *дуку мапа=ни* ‘дом старик=его, домов старик’ бессмысленно.

Посессивные конструкции, репрезентирующие в тунгусо-маньчжурских языках атрибутивные отношения, могут быть двух-, трех- и n-компонентными, реализуя так называемое цепное, или последовательное, притяжание, в основе которого лежит классическая двучленная структура, т. е. внутри многокомпонентной конструкции члены взаимодействуют попарно.

Например:

- (3) *Мапа мамануби нэвни дукутајни нэнэхэни* [2, тетр. 4, с. 12].

мапа мама=ну=би нэв=ни дуку=тай=ни
старик жена=PossInd=PossReflSg брат=Poss3Sg дом=Lat-Dat=Poss3Sg
нэнэ=хэ=ни
отправиться=Past=3Sg

‘Старик в дом младшего брата своей жены отправился (букв: старик жена=своя младший брат=ее в дом=его = жениного младшего брата дом)’.

- (4) *Би агби кучиүни нэсимбэни иргалами андуччимби* [3, с. 56].

би аг=би кучиүэ=ни нэсим=бэ=ни иргала=ми
я брат=Poss1Sg нож=Poss3Sg рукоятка=Acc=Poss3Sg узор=PossReflSg
анду=чим=би.
сделать=Past=1Sg

‘Рукоятку ножа моего старшего брата я узором украсил (букв.: старший брат-мой нож-его рукоятку-его со своим узором сделал)’.

В двухкомпонентных атрибутивных посессивных конструкциях отношения реализуются на уровне порядка слов: первый компонент посессор – имя существительное, второй субстантивно выраженный компонент – определяемое, связь между ними осуществляется через посессивные суффиксы, отражающие лицо-число посессора. В тунгусо-маньчжурских языках представлены посессивные конструкции нескольких типов: субстантивные и прономинальные, дифференцируемые на основе грамматической принадлежности посессора [4, с. 150].

В субстантивных конструкциях в функции посессора выступает имя существительное в форме именительного падежа (общей, беспадежной, нулевой и т. п.) единственного или множественного числа, определяемое – субстантивное имя – допускает форму любого падежа и числа в лично-притяжательной форме, оформляемой посессивным суффиксом 3-го лица единственного или множественного числа. Отметим, что падеж понимается как грамматическая форма, реализующая свои семантико-структурные особенности исключительно в процессе *функционирования*, т. е. форма, противопоставляемая остальным в парадигме нулевыми грамматическими показателями, квалифицируется как именительный падеж, тогда как беспадежная, общая или нулевая форма слова [1, с. 492] – это единицы, используемые преимущественно в лексикографической практике, вне функционального поля.

Например:

- (5) *Бу ујилта нурилни боло, тува хай-да хупинди хуппокину* [3, с. 150].

бу ујилта нури=л=ни боло тува хай=да хупи=ди
мы орок ребенок=Pl=Poss3S осенью зимой разный игра=Instr
хуппо=ки=пу
играть=Past=1Pl
'Мы, орокские ребята, осенью, зимой в разные игры играли (букв.: орок (ујилта) ребята=его)'.
'

В прономинальных конструкциях позицию посессора заполняет личное местоимение-существительное 1, 2, 3-го лица единственного или множественного числа, что допускает оформление определяемого имени посессивными суффиксами также 1, 2, 3-го лица единственного или множественного числа.

Например:

- (6) *Хайбудде си би ниндатајви синдауаси=ју?* [2, тетр. 4, с. 10].

хайбудде си би нинда=тај=ви синдауаси ју
зачем ты я собака=Lat-Dat=Poss1Sg подойти=Past=2Sg то=PRTCL
'Ты зачем к моей собаке подошел=то? (букв.: я собака=моя)'.
'

- (7) *Су гасандучу ситэв осколба андуччичи* [2, тетр. 4, с. 22].

су гасан=ду=чу ситэв оскол=ба анду=ччи=чи
вы село=LocI=Poss2Pl новый школа=Acc построить=Past=3Pl
'В вашем селе новую школу построили (букв.: вы село=ваше)'.
'

Отличительной особенностью посессивных прономинальных конструкций, реализующих атрибутивные отношения по принадлежности, является достаточно регулярная элиминация посессора, который отражается посессивными показателями определяемого. Фактически в двухкомпонентных прономинальных конструкциях посессор может быть как эксплицитно выраженным, так и не выраженным, имплицитным репрезентирующими его притяжательными суффиксами.

Например:

- (8) *Би арумбаси дапахамби* [3, с. 63].

би арум=ба=си дапа=хам=би
я шапка=Acc=Poss2Sg взять=Past=1Sg
'Я твою шапку взял (букв.: би <си> арумба=си 'я ты шапку=твою)'.
'

- (9) *Мапа гедда бојомбо удихэни, бојоңуни тунда ананиңулу* [3, с.140].

мапа гедда бојо=мбо уди=хэ=ни бојо=ңу=ни
старик один медведь=Acc воспитывать=Past=3Sg медведь=PossInd=Poss3Sg
тунда анани=ңу=лу
пять возраст=имеющий
'Старик одного медведя воспитывал, медведь его был пяти лет (букв.: мапа бојоңу=ни 'старик медведь=его)'.
'

В возвратно-посессивных прономинальных конструкциях в функции посессора выступает возвратно-притяжательное местоимение=прилагательное орок. *мэнэ* 'свой, свои', допускающее

регулярную элиминацию, определяемое оформляется возвратно-притяжательными суффиксами, дифференцируемыми только в отношении числа (единственное или множественное число определяется количеством субъектов действия).

Например:

- (10) *Мапа-ја мама-ја нурилбэри горо халачиуачи* [2, тетр. 4, с. 22].
мапа=ја мама=ја нурил=бэ=ри горо халачи=уа=чи
 старик старуха дети=Acc=ReflPossPl долго ждать=Past=3Pl
 ‘Старики **своих** детей долго ждали (букв.: старик и старуха)’.

Наличие категории посессивности в тунгусо-маньчжурских языках позволяет вполне успешно реализовывать атрибутивные отношения через использование посессивных конструкций, компенсируя почти полное отсутствие класса относительных прилагательных.

Конструкция обладания – необладания

В тунгусо-маньчжурских языках для выражения атрибутивных отношений используются также так называемые формы обладания, не имеющие аналогов в русском языке, достаточно часто заполняя позицию согласованного или несогласованного определения. Единого взгляда на эти имена прилагательные в тунгусо-маньчжуроведении до настоящего времени нет: их рассматривали и как «часть падежной системы – падежи именного управления» [5, с. 132; 6, с. 193], и как «категорию имени существительного, стоящую на грани слово- и формообразования» [7, с. 136] и т. п. К одному из разрядов прилагательных формы обладания на материале нанайского языка впервые были отнесены Т. И. Петровой [8, с. 40–41], аналогичные формы на материале эвенкийского языка – А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой [9, с. 34].

Прилагательные обладания заполняют исключительно постпозицию относительно определяемого субъекта. Использование конструкций обладания для выражения атрибутивных или атрибутивно-предикативных отношений регламентируется семантическими критериями: эти отношения оформляют компоненты, характеризующие неотчуждаемые признаки субъекта, в роли которого может выступать лицо или иное живое существо (категория одушевленности в тунгусо-маньчжурских языках отсутствует, дифференциация осуществляется по признаку «лицо – не-лицо»). Конструкции обладания представлены структурно однокомпонентными, но семантически сложными, реализующими семантику словосочетания, и структурно двухкомпонентными: первый компонент, называющий признак по количеству, качеству, цвету и т.п., обычно используется в форме творительного падежа, допустима форма, лишенная показателей падежа.

Например:

- (11) *Мапаңуни сагди этчи-н(и) биэ, иландо ананинулу.* [10, тетр. 6, с. 23].
мапа=ңу=ни сагди э=тчи=ни биэ илан=до анани-ну-лу.
 муж=Poss/3Sg старый быть=Neg=Past/3Sg тридцать имеющий лет.
 ‘Ее муж был не стар, ему тридцать лет (букв.: старым не был, тридцать лет имеющий=**тридцатилетний**)’.
- (12) *Си уласи дуди хујэлу оччини-тани* [2, тетр. 4, с. 31].
си ула=си ду(ди) хэјэ=лу о=ччи=ни тани
 ты олень=Poss2Sg два=Instr рога=имеющий стать=Past=3Sg уже=PRTC1
 ‘У твоего оленя уже два рога выросли уже (букв.: твой олень двумя рогами обладающий стал = **двурогий**)’.

- (13) *Тари амба сэлэди хэрэктэлу, си номбони хайди-дда энэси вара* [2, тетр. 4, с.31].

тари амба *сэлэ=ди* *хэрэктэ=лу* *си* *но=мбо=ни*
 тот черт железо=Instr кожу имеющий ты он=Acc=3Sg
хай=ди=дда *э=нэ=си вара.*
 что-то=Instr AUX: Neg=Fut=2Sg.

‘У того черта кожа железная, ты его ничем не убьешь (букв.: из железа кожу имеющий=с железной кожей)’.

При заполнении позиции объекта действия отчуждаемыми субстантивами «неживой», «неодушевленной» семантики конструкции обладания реализуют функцию постпозитивного несогласованного определения, эквивалентную русским определениям ‘с кем-, чем-либо’.

Например:

- (14) *Мапа мевчалу, тагдади ниндалу* синдахани [2, тетр.4, с. 35].

мапа *мевча=лу* *тагда=ди* *нинда=лу* *синда=ха=ни*
 старик ружьем обладающий с белизной собакой обладающий прийти=Past=3Sg
 ‘Старик пришел с ружьем и белой собакой’.

Для выражения отрицательных атрибутивных значений в тунгусо-маньчжурских языках используются конструкции необладания, оформляющие прилагательные обладания постфиксальной частицей *-ана*, семантически эквивалентной русским приставкам *не-* и *без-*.

Например:

- (15) *Чоччи тари нари нујэлэ ана оччини, дин улинга очини* [10, тетр.6, с. 25].

чоччи *тари* *нари* *нујэ=лэ ана* *о=ччи=ни*
 потом тот человек раны не имеющий стать=Past=3Sg
дин улинга *о=ччи=ни.*
 очень красивым стать=Past=3Sg.

‘Потом тот человек стал здоровым, очень красивым стал, что ли’.

- (16) *Эр хотонду гедда мапа мамандо нуттэлэ ана биччини* [10, тетр.6, с. 26].

эр *хотон=ду* *гедда* *мапа* *мама=ндо*
 этот селение=Loc один старик старуха=Com/Poss3Sg
нуттэ=лэ ана *би=ччи=ни.*
 ребенка не имеющий жить=Past=3 Sg.

‘В этом селении один старик, не имеющий детей, со своей старухой жил (букв.: *без-детный* старик со своей старухой).’

В заключение подчеркнем, что как всякая семантико-синтаксическая структура для выражения атрибутивных отношений посессивная конструкция, а также конструкция обладания в тунгусо-маньчжурских языках выступают «как часть реализации национального коммуникативного поведения, так как способы... номинации обладают определенными этнокультурными чертами в силу отражения собственных имманентных предпочтений в плане логики, семантики и стратегии достижения целей коммуникации» [11, с. 51] и, вероятно, именно поэтому не находят полных соответствий в русском языке.

Условные обозначения:

AUX: Neg – аналитическая отрицательная форма глагола; **ACC** – аккузатив (винительный падеж); **INSTR** – инструменталис (творительный падеж); **Fut** – будущее время; **Lat-Dat** –

латив-датов (направительно-дательный падеж); **Pl** – множественное число, **Past** – прошедшее время, **Pres** – настоящее время, **Poss** – лично-притяжательный аффикс имени; **PossInd** – косвенная принадлежность; **PossRefl** – возвратно-притяжательный суффикс имени; **PRTSL** – частица; **Sg** – ед. число: [=] – морфемный шов.

Список источников:

1. Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь: в 2 ч. Новосибирск, 2000. Ч. 1. 504 с.; Ч. 2. 484 с.
2. Архив Новиковой. Новикова К. А. Полевые записи, сделанные во время экспедиций на о. Сахалин в 1949–1950 гг., в 5 тетрадях, хранящиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН. г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
3. Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967. 156 с.
4. Озолина Л. В. Притяжательные конструкции в орокском языке // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 149–157.
5. Улитин А. Н. Материалы по Гольдскому (нанайскому) языку // Язык и мышление. 1933. № 1. С. 119–147.
6. Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. М. – Л., 1959. Т. I. 282 с.
7. Цинциус В. И. Очерк морфологии орокского языка // Уч. зап. ЛГУ. 1949. № 8. Серия: Востоков. науки. Вып. 1. С. 119–158.
8. Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. 168 с.
9. Романова А. В., Мыреева А. Н. Очерки учурского майского и тоттинского говоров. Л., 1964. 170 с.
10. Архив Озолины. Озолина Л. В. Полевые записи, сделанные во время экспедиций на о. Сахалин в 1989–2000 гг. в 7 тетрадях, хранящиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН. г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.
11. Седых А. П. Пропозиция, модус, диктум в национальных языках [Proposition, modus, dictum in national languages] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2008. № 15. С. 51–56. URL: <https://cyberltninka.article.pr> (дата обращения: 10.03.2024).

Озолина Лариса Викторовна.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 25 марта 2024 г.

L. V. Ozolinya

ON SOME STRATEGIES FOR EXPRESSING ATTRIBUTION IN THE OROK LANGUAGE

The article examines strategies for expressing attributive relations in languages of different typologies to implement national communicative behavior and reflect the semantic-syntactic features of Tungus-Manchu languages. In the Tungus-Manchu languages, where the class of adjectives is quite sparse, attributive semantics is realized by morphosyntactic means: proper attributives, possessive constructions, and possession constructions. In the Tungus-Manchu languages, non-possession constructions are used to express negative attributive meanings, forming possessive adjectives with the negative particle -ana, which semantically correspond to the Russian negative adjectives with the prefixes не- and без-.

The structure of an attributive construction traditionally consists of at least two components: a definition (an adjective as the main means of expressing attributive semantics) and a definitum (a name of nominative semantics, which in Russian, for example, indicates the categorial characteristics of a defining adjective: number, case, and gender). Neutral, for example Russian 'про солдатск=ую наград=у' or 'по старой железн=ой дорог=е'. In possessive constructions (noun + noun in possessive form), the relationships are realized at the level of word order: the first component – possessor – is a noun, the second substantively expressed component is definite, the connection between them is established by possessive suffixes that reflect the personal number of the possessor. In the Tungus-Manchu languages, there are different types of possessive constructions, substantival and pronominal, which differ in the grammatical affiliation of the possessor (the noun itself or a pronoun-noun). Possessive constructions are formalized by possessive adjectives and are represented in the Tungus-Manchu languages as one-component but semantically complex constructions that realize the semantics of the phrase ('to possess some-

thing denoted as a nominal base: to have something denoted as a base' – a noun) and as two-component constructions: The first component is a noun denoting a characteristic feature by quantity or quality, quite regularly in the instrumentalis form (a form without case indicators is acceptable) and a possessive adjective. Adjectives in this category exclusively fill a postposition in relation to the defined object.

Semantic criteria regulate the qualification of possessive constructions expressing attributive relationships: As equivalents of the definitions agreed upon in Russian, some components characterize the inalienable properties of a subject – a person or another living being (аси=лу 'женой обладающий = женатый', геда=ди путтэ=лу 'одним ребенком не обладающий = бездетный'). When denoting alienable properties, the semantics of the adjective possession corresponds to the inconsistent definitions of the Russian language (нари куче=лу 'человек, ножом обладающий = человек с ножом').

Keywords: *attribution, possessiveness, possessive construction, grammatical status of the possessor, constructions of possession and non-possession*

References:

1. Boldyrev B. V. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk: SB SAR Publ., 2000 (in Russian).
2. *Arhiv Novikovoy*. Novikova K. A. Polevye zapisi, sdelaynye vo vremya ekspeditsiy na o. Sahalin v 1949–1950 gg., v 5 tetradyakh, khranyashchiesya v Institute filologii Sibirskogo otdeleniya RAN. g. Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8 [Novikova archive. Novikova K. A. Field notes made during expeditions to the island. Sakhalin in 1949–1950, in 5 notebooks, stored at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, st. Nikolaeva, 8] (in Russian).
3. Petrova T. I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [Orok language (ulta)]. Leningrad: Nauka Publ., 1967. 156 p. (in Russian).
4. Ozolina L. V. Prityazhatel'nye konstrukcii v orokskom yazyke [Possessive constructions in the Orok language]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Philological Journal*, no. 3, 2007, pp. 149–157 (in Russian).
5. Ulitin A. N. Materialy po Gol'dskom (nanayskom) yazyku [Materials on the Gold (Nanai) language]. *Yazyk i myshlenie – Language and thinking*, 1933, no. 1, pp. 119–147 (in Russian).
6. Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Moscow – Leningrad: RAS Publ., 1959, vol. 1, 282 p. (in Russian).
7. Cincius V. I. *Ocherk morfologii orochskogo yazyka* [Essay on the morphology of the Oroch language]. *Uchenye zapiski LGU – Scientific Notes of LSU*, 1949, no. 8. Seriya vostokov. Nauk, vyp. 1, pp. 119–158 (in Russian).
8. Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1941, 168 p. (in Russian).
9. Romanova A. V., Myreeva A. N. *Ocherki uchurskogo mayskogo i tottinskogo govorov* [Essays on the Uchur May and Tottin dialects]. Leningrad: Nauka Publ., 1964, 170 p. (in Russian).
10. *Arkhir Ozolini*. Ozolina L. V. Polevye zapisi, sdelaynye vo vremya ekspeditsiy na o. Sahalin v 1989–2000 gg., v 7 tetradyakh, hranyashchiesya v Institute filologii Sibirskogo otdeleniya RAN. g. Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8 [Ozolini archive. Ozolina L. V. Field notes made during expeditions to the island. Sakhalin in 1989–2000 in 7 notebooks, stored at the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, st. Nikolaeva, 8] (in Russian).
11. Sedykh A. P. Propozitsiya, modus, diktum v nacional'nykh yazykakh [Proposition, modus, dictum in national languages]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities*, 2008, no. 15, pp. 51–56 (in Russian).

Larisa V. Ozolina.

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

И. Я. Селютина

**КОРРЕЛЯЦИЯ ВОКАЛЬНЫХ И КОНСОНАНТНЫХ КОМПОНЕНТОВ СЛОВОФОРМЫ
В ТЮРКСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ**

Рассматриваются алгоритмы корреляции вокальных и консонантных компонентов звуковой цепи мягкорядной словоформы на материале тюркских языков Южной Сибири и монгольских языков России и Монголии. По результатам аудитивного и инструментального анализа в тюркских и монгольских языках выявлены четыре модели реализации категории мягкости, выбор которых обусловлен наличием в консонантной системе либо класса фонем среднеязычного и средне-межзубноязычного артикуляторных рядов (1-я и 2-я корреляционные модели, реализуются во всех рассматриваемых тюркских языках, кроме хакасского, и в монгольском – калмыцком), либо класса палатализованных единиц различного фонематического статуса (3-я и 4-я модели, применяются в хакасском, хори-бурятском, халха-монгольском языках). 1-я модель, по которой среднеязычные и средне-межзубноязычные согласные могут сочетаться только с гласными переднего ряда, характеризуется акустическим эффектом сильной или умеренной мягкости консонанта. 2-я модель материализуется с акустическим эффектом слабой или сверхслабой палатализации: переднеязычные, межзубноязычные и заднеязычные согласные требуют после себя гласных центрального, центральнозаднего или смешанного рядов. 3-я модель реализуется в мягкорядных словоформах с гласными переднего артикуляционного ряда, оказывающими регрессивное ассимилирующее воздействие на предшествующий согласный и вызывающими его сильную или умеренную палатализацию. 4-я модель применяется в словоформах с непереднерядными гласными мягкого сингармонического ряда (центрально-, центральнозадне- и смешаннорядными), генерирующими лишь слабую палатализацию препозитивного согласного. Очевидное материальное и структурное сходство фонико-фонологических систем, единая типология принципов формирования фонетического облика словоформы в южносибирских тюркских и монгольских языках сложились в процессе длительных контактов этносов и их языков в различных ареалах их распространения и в различные периоды исторического развития.

Ключевые слова: южносибирские тюркские языки, монгольские языки, фонетика, вокализм, консонантизм, палатальность, палатализация, корреляционные модели

Введение

Цель исследования фонетической вариативности как показателя этнических и культурно-языковых взаимодействий на территории Сибири и сопредельных регионов – выявление алгоритмов корреляции вокальных и консонантных компонентов звуковой цепи словоформы.

Объект исследования – звучащая речь южносибирских тюрков и монголов Российской Федерации и Монголии.

Предмет изучения – правила комбинаторики, регламентирующие вероятностную модель синтагматического размещения гласных и согласных элементов в реализациях тюркской и монгольской словоформы.

Разрабатываемая тема примыкает к проблематике типологии фонотактических закономерностей в генетически и структурно различных языках, специфики аккомодационных и коартикуляционных явлений, аллофонического варьирования, в частности, выявления способов реализации категории мягкости в звуковых системах, разграничения понятий палатальности и палатализации, а в сингармонических языках – изучения комплекса вопросов об особенностях проявления мягкорядного сингармонизма.

Фонотактика – «правила, ограничивающие сочетаемость фонем в различных позициях в составе слова или морфемы» [1, с. 500], закономерности линейного порядка следования фонологических единиц. Специфика фонотактических ограничений, а также степень, в которой звуковая последовательность типична для слов в языке, влияет на его усвоение, обработку и вербальную кратковременную память [2].

В данном исследовании мы не ставим задачи выявления всех возможных комбинаций фонем в составе звуковой цепи южносибирской тюркской и монгольской словоформы, определения ареалообразующих закономерностей и типологических характеристик. В статье анализируются лишь некоторые алгоритмы формирования фонотактических структур, определяемых функционирующим в языке типом сингармонической системы.

Проблематика сингармонизма, несмотря на активный интерес со стороны лингвистов и большую литературу по истории вопроса, не только сохраняет свою актуальность, но и выдвигает новые дискуссионные моменты.

Разработка темы, связанной с выявлением алгоритмов взаимодействия вокальных и консонантных компонентов словоформы в современных алтае-саянских тюркских и монгольских языках, неизбежно выводит на заключение о регламентированности сингармонических моделей словоформ правилами сочетаемости в пределах слога гласных и согласных фондов, формирующих звуковые оболочки реализаций лексем.

Сингармонизм как «закон образования синтагматических цепочек из элементов системы» [3, с. 242; 4, с. 47–49], определяющий фонетический облик словоформы с помощью ограниченного набора имеющихся в данном языке сингармонических моделей, в тюркских языках, вписываясь в обобщенную гармоническую модель, восходящую к гипотетической идеальной, имеет в каждом из идиомов свои особенности, подчиняющиеся строгим системным связям сегментного и суперсегментного уровней. Обращение к проблематике сингармонизма в рамках данного исследования представляет собой попытку выявления причин, определяющих эту специфику.

В алтаистической литературе достаточно частотны замечания относительно так называемых нарушений сингармонизма. Лабиальная гармония упоминается в этом контексте значительно чаще, чем палатальная. Палатальный же сингармонизм принято считать более устойчивым. Но полевые материалы и экспериментально-фонетические данные показывают отсутствие единства в проявлении палатальной, прежде всего мягкорядной гармонии.

В данной статье рассматриваются некоторые результаты анализа вокальной и консонантной нёбной гармонии в ее мягкорядном варианте, которые позволяют выявить стратегии реализации категории мягкости в тюркских и монгольских языках.

Изучение алгоритмов сочетаемости гласных и согласных компонентов в пределах звуковой цепи мягкорядной словоформы выводит на анализ проблематики палатальности и палатализации. Отмечаемая в лингвистической литературе противоречивость в трактовке указанных фонетических явлений и терминологическая непоследовательность – следствие отсутствия системности, имеющее глубокие исторические корни в отечественном [1, 5] и зарубежном [6, р. 308] языкознании. В рамках данной статьи ограничимся лишь замечанием о необходимости четкого разграничения палатальности (среднеязычности, мягкости) как характеристики основной, базовой артикуляции согласных, с одной стороны, и палатализованности (смягченности) – с другой. Палатализованными могут быть согласные различных артикуляторных рядов, кроме среднеязычного – палатального по своей природе, и глубоко гуттуральных. В тюркских языках – языках сингармонического типа, в которых палатализация, коррелируя с мягкорядностью вокальной оси словоформы, носит обусловленный характер и зависит от фонетического контекста, противопоставление палатализованных и непалатализованных согласных по физиолого-акустическим параметрам реализуется далеко не столь контрастно и последовательно, как в языках с фонематическим статусом палатализации.

Материал и методы

Базой для исследования послужили лингвистические материалы по тюркским (алтайский, хакасский, тувинский, шорский и их диалекты) и монгольским языкам Российской Федерации (хори-бурятский, калмыцкий) и Монголии (халха-монгольский).

Инструментальные данные, используемые для анализа и обобщения в статье, получены сибирскими фонетистами с применением комплексной методики, включающей как собственно лингвистические, так и экспериментально-фонетические соматические методы и компьютерные программы создания и обработки звуковых файлов. Для передачи звучания словоформ применяется транскрипционная система В. М. Наделяева [7], дополненная и уточненная позднее его последователями.

Теоретические основы исследования

Выявление алгоритмов взаимодействия вокальных и консонантных компонентов мягкорядной словоформы в тюркских и монгольских языках гармонического типа предполагает необходимость четкого разграничения двух подходов при определении рядов гласных: следует отличать соматическую *артикуляторную* рядность гласных от функциональной *сингармонической*.

В соответствии с разработанной В. М. Наделяевым векторной классификацией гласных [8] в языках мира принято выделять пять *вокальных артикуляторных рядов* (табл. 1).

Таблица 1

Основные типы гласных в языках мира (по В. М. Наделяеву)

Ряды Ступени	переднерядные индекс-7		смешаннорядные индекс-59		центрально- заднерядные индекс-89		центрально- заднерядные индекс-9		заднерядные индекс-90
	и	у	Ы	У	й	ю	ш	у	
1	и	у	Ы	У	й	ю	ш	у	
2	і	ү	Пь	У	Ї	Ю	Ш	У	и
3	е	ө	э	о	ё	ё	ё	ё	о
4	э	æ	з	э	ä	ö	ä	ö	э
5	æ	æ	э	э	ä	ö	ä	ö	э
6	а	а	а	а	а	а	а	а	а

Для унификации и формализации фонетического описания при обозначении рядов гласных используются буквенные символы (и, й, ш, ы) и цифровые индексы (от 1 до 5):

1) и – передний, 2) й – центральный, 3) ш – центральнозадний, 4) ш – задний, 5) ы – смешанный. Гласные и их символика представлены в табл. 2.

Консонантные артикуляторные ряды – от губного до эпиглоттального и ларингального – обозначаются буквенными символами (b, d, ħ, g, q, ʕ, ʁ, ʕ, ʕ, ʕ) и цифровыми индексами

(от 1 до 11): 1) b – губной, 2) d – переднеязычный, 3) ɟ – среднеязычный, 4) ɣ – средне-меж-
точноязычный¹, 5) ɥ – межточноязычный, 6) ɣ – заднеязычный, 7) ʁ – велярно-увулярный,
8) ʕ – верхнефарингальный, 9) ʕ – нижнефарингальный, 10) ʕ – эпиглоттальный, 11) ʕ – ларин-
гальный (табл. 3).

В обобщенном виде все гласные обозначаются символом V, согласные – C. Порядковые
номера рядов гласных и согласных звуков обозначаются соответствующим числовым знаком
справа внизу от литеры V или C: V₁ – переднерядные гласные, V₂ – центральнорядные и т. д.;
C₁ – губные согласные, C₂ – переднеязычные и т. д.

Таблица 2

Артикуляторные ряды гласных в языках мира

V	ı	ü	ı̄	ı̄	ı̄
N _v	1	2	3	4	5

Таблица 3

Артикуляторные ряды согласных в языках мира

C	b	d	ɟ	ɣ	ɣ	ɣ	ʁ	ʕ	ʕ	ʕ	ʕ
N _c	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

С точки зрения *палатального сингармонизма* различаются два ряда: *твердый* и *мягкий*.
В тюркских языках алтае-саянского региона и в монгольских активно развивается также тре-
тий – *нейтральный* сингармонический ряд: на данном этапе он реализуется фактически
во всех тюркских языках Южной Сибири, а не только в хакасском, как принято считать тра-
диционно. Аффиксальный вокализм в словоформах твердого и мягкого палатальных рядов
унифицируется, реализуясь по преимуществу в гласных центрального, центральнозаднего или
смешанного артикуляторных рядов.

В соответствии со спецификой артикуляционно-акустической базы каждый идиом ха-
рактеризуется своей системой вокальных артикуляторных рядов, а каждому языку сингармо-
нического типа свойственна своя модель соотношения их с палатальными и лабиальными син-
гармоническими рядами.

Результаты и обсуждение

При выявлении алгоритмов взаимодействия вокальных и консонантных компонентов
мягкорядной словоформы в тюркских и монгольских языках установлено, что мягкий сингар-
монический ряд гласных может быть представлен в языках и диалектах четырьмя артикуля-
торными рядами: передним, центральным, центральнозадним и смешанным. По характеру ак-
комодирующего воздействия на препозитивные согласные, по особенностям комбинаторики
эти гласные следует разделить на две подсистемы: подсистему *переднерядных* (e, ı, ø, y) и под-
систему *непереднерядных* (центральнорядных ɤ, ɥ, ɤ̄, ɥ̄ ~ центральнозаднерядных ɤ̄, ɥ̄, ɤ̄̄, ɥ̄̄ ~
смешаннорядных ɤ̄̄, ɥ̄̄, ɤ̄̄̄, ɥ̄̄̄) звуков.

¹ Межточноязычные согласные образуются при активной работе межточной части спинки языка, которая опре-
деляется следующим образом: вся спинка делится на три части; первая, прилегающая к кончику языка, – перед-
няя; часть, оставшаяся после выделения передней части, снова делится на три: среднюю, межточную и заднюю.

Аппаратные исследования фонетики сибирских тюркских языков позволили выявить четыре типа консонантных систем: 1) с оппозицией по напряженности, 2) по звонкости/глухости, 3) по работе гортани и 4) квантитативно ориентированные [9, с. 60–64].

Инструментальные данные свидетельствуют о древних культурно-языковых и этнических взаимодействиях на территории Южной Сибири. В языках байкало-саянского региона – тувинском и тофском – консонантизм уйгуро-огузского типа с тройной противопоставленностью единиц по степени напряженности [10] сформировался на базе нетюркского субстрата с несвойственной для его артикуляционно-акустической базы сильной напряженностью; скорее, в языке функционировали краткие и долгие консонанты [11, 12]. Системы согласных, ориентированные на противопоставление фонем по квантитету, также указывают на нетюркский субстрат угро-самодийского типа с неприемлемой для него сильной артикуляцией. Системы, основанные на оппозиции по положению гортани, могут быть квалифицированы как наследие кетского субстрата [13, 14] либо как отражение палеосибирского состояния.

Поскольку детальный анализ принципов системно-структурной организации консонантных систем в тюркских языках не является объектом данного исследования, мы выделили лишь два значимых в рамках рассматриваемой темы момента: 1) наличие/отсутствие в системе ряда среднеязычных единиц и 2) наличие/отсутствие фонематического противопоставления палатализованных/непалатализованных согласных.

В фонологических системах тюркских языков Южной Сибири выделяется от 16 до 19 согласных фонем (кроме шорского). Среднеязычные шумные и малошумные согласные представлены почти во всех рассматриваемых языках: в алтайском языке это шумные фонемы [h], [ħç:] и малошумные [j], [ɲ]; в кумандинском [ħç:], [j], [ɲ]; в чалканском [h], [j], [ɲ]; в тубинском [ħç:], [j]; в шорском языке шумные – статичная [h̥'] и эйективная ['ħç:] и малошумные – статичная [j] и эйективные ['j], ['ɲ]. В хакасском же языке консонантная система включает лишь малошумную среднеязычную фонему [j], универсальную для языков мира.

Что касается релевантности противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных, то в южносибирских тюркских языках палатализация не имеет фонематического характера, выбор говорящим смягченного или несмягченного варианта фонемы обусловлен фонетическим контекстом – мягкорядностью или твердорядностью словоформы, реже – наличием препозитивного среднеязычного согласного или сильнопалатализованного согласного [ʃ'', ʒ''] (в хакасском, чалканском, тубинском) либо причинами нефонетического характера – сложностью слова, его происхождением (фонетически неосвоенное заимствование, синтезированные аналитические конструкции).

Определенная специфика отмечается в современных хакасском, шорском и тубинском языках. В хакасском в течение нескольких последних десятилетий сформировалась сильнопалатализованная щелевая звонкая фонема ɟ [ʒ''], функционирующая как самостоятельная единица в литературном языке, в ниже-тейском говоре сагайского диалекта и в кызыльском диалекте [15, с. 176–177; 16, с. 150–152]. В кызыльском, кроме того, выявлены две сильнопалатализованные щелевые глухие фонемы типа ш: краткая [ʃ''], реализующаяся в глухом «[ʃ'']» и звонком «[ʒ'']» вариантах, и долгая [ʃ:] – всегда глухая. Хотя палатализация щелевых шипящих согласных в языке лингвистически релевантна, фонемы [ʃ''], [ʃ:] и [ʒ''] не имеют непалатализованных соответствий, коррелятивные пары по твердости-мягкости (точнее, по несмягченности-смягченности), как в русском, в хакасском языке не сформировались. Аналогичная ситуация сложилась и в шорском консонантизме, где зафиксирована умереннопалатализованная шумная щелевая статичная фонема [ʃ'], не имеющая палатализованной пары.

В языке туба-кижи по данным дистрибутивного анализа выделены три переднеязычные шипящие фонемы, различающиеся по степени палатализации: [ʃ], [ʃ'], [ʃ'']. Примеры реализаций слабопалатализованной фонемы [ʃ]: *шоқ* «ʃoq» ‘нарочно’, *қыш* «qʃ» ‘зима’, *түйше* «tʃʃkʲe» ‘дню’; умереннопалатализованной [ʃ']: *щытқыт* «ʃ'itkʲyt» ‘затылок’, *паш* «pʃʃ» ‘голова’, *ашта* «aʃ'ta» ‘проголодаться’; сильнопалатализованной [ʃ'']: *шақ* «ʃ''æq» ‘сила’, *щықшырт* «ʃ''ikʃ''irt» ‘висок’, *палащ* «pʃ'laʃ''» ‘грязь, болото’. При этом отмечается наибольшая продуктивность умереннопалатализованных артикуляций и возможность факультативного замещения слабопалатализованных «ʃ» и «з» и сильнопалатализованных «ʃ''» и «з''» умереннопалатализованными реализациями «ʃ'» и «з'», что свидетельствует «о тенденции к унификации трех функционирующих в языке фонем в одной – умереннопалатализованной фонеме [ʃ']» [17, с. 107–108]. Непалатализованного коррелята фонеме [ʃ'] в тубинском языке нет.

Сам факт формирования выраженной палатализации именно в классе шумных шипящих согласных обусловлен тем, что в тюркских языках согласные типа *ш* «ʃ» и *ж* «з» по природе своей изначально являются слабосмягченными. Сильно- и умереннопалатализованные шипящие в современных идиомах являются, по-видимому, рефlekсами древнетюркской палатальной (среднеязычной) аффрикаты [ʃʃ], постепенно трансформировавшейся в современных языках в переднеязычные. Данное предположение подтверждается примерами факультативного использования переднеязычных и (передне)среднеязычных реализаций щелевых шипящих фонем [13, с. 174–176; 14, с. 77–79; 15, с. 98–103; 16, с. 75–80; 17, с. 138–143] в южно-сибирских тюркских словоформах.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что южносибирские тюркские гласные переднего ряда детерминируют в пределах монотематических мягкорядных словоформ сильную и умеренную палатализацию препозитивного консонанта, сопоставимую субстанционально с палатализацией согласных в русском языке; гласные же центрального, центральнозаднего и смешанного рядов обуславливают слабое и даже сверхслабое смягчение предшествующего согласного.

Единицы двух мягкорядных субсистем гласных – переднерядных и непереднерядных – различаются не только по характеру аккомодации, но и по особенностям комбинаторики. После переднеязычных согласных «t, d, ʃ, z, n» не могут употребляться переднерядные гласные, в то время как после среднеязычных «h, ʃ, ʃʃ, hʃ, n» не реализуются центрально-рядные (~ центральнозаднерядные ~ смешанно-рядные) гласные. Гуттуральные согласные различного качества в пределах мягкорядных монотематических словоформ сочетаются препозитивно как с передне-, так и с непереднерядными гласными, подчиняясь при этом четким позиционно-комбинаторным условиям. В препозиции к переднерядным гласным гуттуральные согласные реализуются как среднеязычно-межуточноязычные с акустическим эффектом сильной или умеренной палатализации: кум. *кебе* «kʲeβ'ʲe» ‘лодка’, *бугүн* «βuɣʲyn» ‘сегодня’, *көл* «kʲøl'ʲ» ‘озеро’. В препозиции же к мягкорядным непереднерядным (центрально-, центральнозадне- и смешанно-рядным) гласным гуттуральные консонанты артикулируются как междуточноязычные или междуточно-заднеязычные с акустическим эффектом слабой палатализации: кум. *кижи* «kʲiʃʃ'ʲ» ‘человек’, *күс* «kʲüs'ʲ» ‘глаз’, *көк* «kʲök'ʲ» ‘синий’; шор. *кер* «k'z-r'» ‘гнедой (о коне)’, *какүгыбыс* «k/kʲ:l:k:ö:gʲβ'ʲs'» ‘кукушка=наша’.

Исключение составляет хакасский язык, в котором функционирование мягкорядного гласного не обусловлено позиционно-комбинаторными условиями. В языке, не имеющем, как показано выше, среднеязычных согласных, любой консонант может сочетаться с постпозитивным мягкорядным гласным любого качества, при этом согласные будут различаться лишь степенью палатализации, например: сагайское, качинское *тин* «t'in'» ‘опьянеть’, но *тін* «t'ɪn'» ‘уздечка» [18, с. 119], сагайское *тип* «t'ip'» ‘пни’, но *тік* «t'ɪk'» ‘шей’, *тиинге* «t'i:n'g'e» ‘белке (дат. п.)’, *түлгү* «t'ül'gü» ‘лиса’, *килкім* «k'ilk'ɪm'» ‘большой» [15]. Выявленная фонотактическая

специфика хакасского языка указывает на формирование двух фонологических рядов функционально мягкорядных гласных: наряду с противопоставляемыми в хакасоведении фонемами [и] и [i], выявляется, на наш взгляд, тенденция к различению парных фонем типов [e], [ÿ] и [ö].

Таким образом, в большинстве южносибирских тюркских языков (кроме хакасского) в составе звуковой цепи мягкорядной словоформы функционируют две модели комбинаторики вокальных и консонантных компонентов.

1-я модель: среднеязычные (C_3) и средне-межзубочные (C_4) согласные могут сочетаться только с гласными переднего артикуляторного ряда (V_1), но не допускают в постпозиции к себе непереднерядных гласных, т. е. гласных центрального (V_2), центральнозаднего (V_3) или смешанного (V_5) артикуляторных рядов, также функционирующих в рамках мягкого сингармонического ряда. В обобщенном виде данную закономерность можно выразить в виде формулы: $C_3, C_4 + V_1$. Эта модель реализуется с акустическим эффектом сильной или умеренной палатализации консонанта, перцептивно сопоставимой с палатализацией в русском языке.

2-я модель: переднеязычные (C_2), а также гуттуральные – межзубочные (C_5) и заднеязычные (C_6) согласные, напротив, требуют после себя непереднерядных гласных центрального (V_2), центральнозаднего (V_3) или смешанного (V_5) артикуляторных рядов, также входящих в состав мягкого сингармонического ряда. При этом переднеязычные согласные (C_2) не могут сочетаться препозитивно с гласными переднерядными (V_1). Обобщающая формула для корреляционного алгоритма рассматриваемого типа: $C_2, C_5, C_6 + V_2, V_3, V_5$. В данной модели реализуется акустический эффект слабой или сверхслабой палатализации.

Обобщенно выявленный комплекс моделей можно представить в виде формул: $C_3, C_4 + V_1$; $C_2, C_5, C_6 + V_2, V_3, V_5$. Эти модели работают почти во всех южносибирских тюркских языках.

Исключение составляет хакасский язык, в консонантной системе которого нет среднеязычных и средне-межзубочных согласных [15, 16]. Там работают иные корреляционные и аккомодационные закономерности.

3-я модель – в мягкорядных хакасских словоформах гласные переднего ряда, оказывая регрессивное ассимилирующее воздействие на предшествующий согласный, вызывают его умеренную палатализацию: $C' + V_1$.

4-я модель – непереднерядные гласные мягкого сингармонического ряда (центрально-, центральнозадне- и смешаннорядные) генерируют лишь слабую палатализацию препозитивного согласного: $C' + V_2, V_3, V_5$.

Таким образом, в хакасской стратегии реализации категории мягкости ниша, занимаемая в других южносибирских тюркских языках среднеязычными согласными, заполнена палатализованными согласными, не имеющими, однако, фонологического статуса: $C' + V_1$; $C' + V_2, V_3, V_5$.

Монгольские языки

В монгольских языках – халха-монгольском (Монголия), бурятском и калмыцком (Россия) – в звуковых оболочках мягкорядных словоформ также реализуются четыре типа корреляционных моделей, но со своей спецификой.

Анализ консонантных систем монгольских языков позволяет дать им различную типологическую трактовку. Если калмыцкий и халха-монгольский консонантизм с трихотомической оппозицией по напряженности сближается с байкало-саянскими тюркскими языками (тувинским и тофским), то хори-бурятская консонантная система с бинарной оппозицией слабых и сверхслабых согласных фонем входит в один кластер с тюркскими языками (алтайским, хакасским) алтае-саянской ветви циркумбайкальского языкового союза, сформировавшимися на угро-самодийском субстрате [19, с. 65].

В соответствии с задачами нашего исследования приведем данные о наличии или отсутствии в системах согласных фонем ряда среднеязычных единиц и о функциональном статусе палатализации консонантов.

В халха-монгольском ряд среднеязычных ограничивается лишь малошумной фонемой /j/, но широко представлена оппозиция по палатализации: гоморганные согласные образуют 14 коррелятивных пар фонем, противопоставленных по признаку умеренной палатализации: непалатализованные – палатализованные единицы (в традиционных терминах – мягкие и твердые согласные): [p]-[p'], [b]-[b'], [m]-[m'], [t]-[t'], [d]-[d'], [s]-[s'], [ts]-[tʃ], [dz]-[dʒ], [l]-[l'], [r]-[r'], [n]-[n'], [g]-[g'], [x]-[x'], [ŋ]-[ŋ'] [20, 21].

В хори-бурятском, как и в халха-монгольском, выделяется лишь одна среднеязычная фонема /j/, а категория смягченности, как и в халхасском, является системообразующей – в языке выделяются 10 коррелятивных пар палатализованных/непалатализованных единиц: [p]-[p'], [b]-[b'], [m]-[m'], [t]-[t'], [d]-[d'], [l]-[l'], [r]-[r'], [n]-[n'], [x]-[x'], [g]-[g'] [22, с. 116–118, 126].

Специфику калмыцкого консонантизма, структурируемого, как и халха-монгольский, противопоставлением сильных/слабых/сверхслабых фонем, составляет наличие развернутого фонологического ряда (передне-)среднеязычных единиц, включающего семь фонем: [h], [h̥], [h̥s], [h̥z], [ɲ], [ɭ], [j], и, соответственно, отсутствие оппозиции согласных по палатализованности/непалатализованности, в отличие от халхасского и бурятского языков [23, с. 30].

Что касается моделей корреляции вокальных и консонантных компонентов слога, то в калмыцком они ожидаемо совпадают, в принципе, с большинством южносибирских тюркских языков (кроме хакасского), консонантные системы которых так же, как и калмыцкая, включают артикуляторный ряд среднеязычных согласных и не имеют фонологического противопоставления единиц по палатализации: калм. *теңер* «tʃɛŋɛr» ‘небо’, *эртэр* «ɛrtʃɛr» ‘рано’, *үмси* «ymʃiʃɛn» ‘зола’, *зэтиг* «zʃɛtiŋ» ‘мускатный орех’, *тиньгр* «tɛŋgɛr» ‘ровный’, *ээжэ* «ɛ:ʃɛʃɛn» ‘бабушка’, *оньдин* «ɔŋɛɲɛn» ‘всегда’. Обобщенно рассматриваемые корреляционные модели можно выразить формульно: C₃, C₄ + V₁; C₂, C₅, C₆ + V₂, V₃, V₅.

В монгольском и бурятском языках твердые (непалатализованные) согласные, употребляясь и в твердорядных, и в мягкорядных словоформах, в последних подвергаются слабой палатализации комбинаторного характера, сочетаясь с гласными центрального, центральнозаднего и смешанного (типа сингармонически нейтрального *и*) рядов: бурятск. *эрдэм* «ɛrdʃɛm» ‘знание’, *нидхэ* «nʃɛdʃɛxʃɛ» ‘брови’, *нүхэдүүд* «nʃɛxʃɛdʃɛdʃɛ» ‘друзья’, *тиимэ* «tʃi:mʃɛ» ‘такой’, *амтигар* «amʃɛtiqar» ‘беззубый’, *тоти* «totʃi» ‘попугай»; монг. *сүрэг* «sʃɛrʃɛg» ‘стадо’, *мянга* «mʃɛŋgɛ» ‘тысяча’, *хэрэгтэй* «xʃɛrʃɛtʃɛ» ‘нужно’.

Алгоритмы корреляции гласных и согласных в слоге формально те же, что в хакасском языке: C' + V₁; C' + V₂, V₃, V₅, но функционально монгольские модели отличает фонематический статус палатализации согласных.

Таким образом, закономерности взаимодействия звуковых составляющих тюркского и монгольского фонетического слова находятся в четком соответствии с использованием в языке среднеязычных либо палатализованных согласных.

Заключение

Исследование алгоритмов взаимодействия вокальных и консонантных компонентов звуковых оболочек словоформ в тюркских языках Южной Сибири и в монгольских языках РФ и Монголии свидетельствует об общих закономерностях организации фонетического облика слова.

В тюркских и монгольских языках реализуются *четыре основные модели* проявления категории мягкости, выбор которых обусловлен наличием в консонантной фонологической

системе либо класса согласных фонем среднеязычного и средне-межучноязычного артикуляторных рядов, либо класса палатализованных фонем.

Существует корреляционная зависимость между среднеязычными и категорией палатализации согласных: фонематическая оппозиция по палатализованности/непалатализованности формируется лишь в языках, в которых отсутствуют среднеязычные согласные фонемы.

В южносибирских *тюркских* языках и диалектах (алтайском, тувинском, шорском, барабинско-татарском и др., кроме хакасского) и в одном из монгольских – калмыцком, консонантные системы которых включают класс среднеязычных фонем, формирование звуковой цепи мягкорядных словоформ осуществляется в соответствии с двумя моделями комбинаторики вокальных и консонантных компонентов.

1-я модель – среднеязычные и средне-межучноязычные согласные могут сочетаться только с гласными переднего артикуляторного ряда: $C_3, C_4 + V_1$; реализуется с акустическим эффектом сильной или умеренной мягкости консонанта.

2-я модель – переднеязычные, межучноязычные и заднеязычные согласные требуют после себя гласных центрального, центральнозаднего или смешанного артикуляторных рядов: $C_2, C_5, C_6 + V_2, V_3, V_5$; реализуется с акустическим эффектом слабой или сверхслабой палатализации.

В *хакасском* же языке, а также в халха-монгольском и хори-бурятском, в консонантных системах которых, в отличие от большинства южносибирских *тюркских* языков и калмыцкого, нет среднеязычных и средне-межучноязычных согласных (кроме *j*), действуют иные корреляционные и аккомодационные закономерности.

3-я модель реализуется в мягкорядных лексемах с переднерядными гласными, оказывающими регрессивное ассимилирующее воздействие на предшествующий согласный и вызывающими его сильную или умеренную палатализацию: $C' + V_1$.

4-я модель материализуется в словоформах с гласными центрального, центральнозаднего и смешанного рядов, генерирующими лишь слабую палатализацию препозитивного согласного: $C' + V_2, V_3, V_5$.

В обобщенном виде структура корреляционных моделей в *тюркских* языках Южной Сибири и в монгольских представлена в табл. 4.

Таблица 4

Типология корреляционных моделей в монгольских и южносибирских тюркских языках

Комплекс моделей	Язык
1-я модель: $C_3, C_4 + V_1$	Южносибирские тюркские (кроме хакасского), калмыцкий
2-я модель: $C_2, C_5, C_6 + V_2, V_3, V_5$	
3-я модель: $C' + V_1$	Хакасский, хори-бурятский, халха-монгольский
4-я модель: $C' + V_2, V_3, V_5$	

Таким образом, в тюрко-монгольском фонетическом ландшафте типология алгоритмов сочетаемости вокальных и консонантных компонентов мягкорядной словоформы коррелирует со стратегией реализации категории мягкости в языке и определяется функционированием в системе среднеязычных либо палатализованных согласных фонем.

Список источников:

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
2. Fernández E. M., Cairns H. S. *Fundamentals of Psycholinguistics*. Oxford, 2011. 336 p.
3. Мельников Г. П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003. 395 с.

4. Кравец Т. В., Булатова Н. Я., Морозова О. Н., Андросова С. В. Явление сингармонизма в восточном наречии эвенкийского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. 3 (4). С. 45–65.
5. Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.
6. Ladefoged P., Johnson K. A Course in Phonetics. Boston: Wadsworth, 2011. 339 p.
7. Надеяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.
8. Надеяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
9. Фононации в современном языковом и дидактическом пространстве: опыт, проблемы, перспективы / Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева, К. Н. Бурнакова и др. М.: Языки народов мира, 2024. 324 с.
10. Надеяев В. М. Особенности звуковой системы языка тофов // Этногенез народов Северной Азии: материалы конференции. Новосибирск, 1969. С. 235–236.
11. Надеяев В. М. У истоков тувинского языка // Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С. 53–63.
12. Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: Сова, 2006. 362 с.
13. Уртегешев Н. С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2002. 304 с.
14. Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Новосибирск, 2005. 269 с.
15. Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск: Сова, 2006. 244 с.
16. Субракова В. В. Консонантизм кызыльского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Абакан: Бригантина, 2017. 172 с.
17. Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 242 с.
18. Кыштымova Г. В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 152 с.
19. Селютин И. Я. Тюрко-монгольские языковые контакты: фонетический аспект // Сравнительно-типологические исследования на материале монгольских и тюркских языков. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2021. С. 49–69.
20. Надеяев В. М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 3–24.
21. Кузьменков Е. А. Фонологическая система современного монгольского языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 212 с.
22. Соктоева С. П. Консонантизм хоринского диалекта бурятского языка. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 165 с.
23. Биткеев П. Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка (на материале экспериментальных исследований). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1965. 68 с.

Селютин Ираида Яковлевна.

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: siya_irina@mail.ru

Материал поступил в редакцию 4 июня 2024 г.

I. Ya. Selyutina

CORRELATION OF VOCAL AND CONSONANT COMPONENTS OF WORD FORM IN TURKIC AND MONGOLIAN LANGUAGES

The algorithms for the correlation of vocal and consonant components of the sound structure of a soft-order word form are investigated using material from the Turkic languages of Southern Siberia and the Mongolian languages of Russia and Mongolia. According to the results of the auditory and instrumental analysis, four models of the implementation of the category of softness were identified in the Turkic and Mongolian languages,

the selection of which is based on the presence of either a class of phonemes of the mediolingual and medio-interlingual articulatory series in the consonant system (the 1st and 2nd correlation model are implemented in all Turkic languages considered except Khakass and Mongolian–Kalmyk) or a class of palatalized units with different phonemic status (3rd and 4th model in Khakass, Khor-Buryat, Khalkha-Mongolian). The 1st model is characterized by the acoustic effect of a strong or moderate softness of the consonant: mediolingual and medio-interlingual consonants can only be combined with vowels of the front row. The 2nd model is realized with the acoustic effect of a weak or super-weak palatalization: frontlingual, interlingual, and backlingual consonants require vowels of the central, central-back, or mixed articulatory series after them. The 3rd model is used in soft-order word forms with vowels of the front articulatory series that have a regressive assimilative effect on the preceding consonant and cause its strong or moderate palatalization. The 4th model is used in word forms with non-frontal vowels of a soft synharmonic series (central, central-back, and mixed-row) that cause only a weak palatalization of a prepositive consonant. The obvious material and structural similarity of phonico-phonological systems, a unified typology of the principles of formation of the phonetic appearance of the word form in the South Siberian Turkic and Mongolian languages have developed in the process of long-term contacts of ethnic groups and their languages in different areas of their distribution and in different periods of historical development.

Keywords: *South Siberian Turkic languages, Mongolian languages, phonetics, vocalism, consonantism, palatalization, correlation models*

References:

1. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: KomKniga Publ., 2007. 576 p. (in Russian).
2. Fernández E. M., Cairns H. S. *Fundamentals of Psycholinguistics*. Oxford, 2011. 336 p. (in English)
3. Mel'nikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov* [The system typology of languages]. Moscow: Nauka Publ., 2003. 395 p. (in Russian).
4. Kravets T. V., Bulatova N. Ya., Morozova O. N., Androsova S. V. Yavlenie singarmonizma v vostochnom narechii evenkiyskogo yazyka [The phenomenon of synharmonism in the Eastern dialect of the Evenk language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and applied linguistics*, 2017, no. 3 (4), pp. 45–65 (in Russian).
5. Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian Phonetics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1967. 440 p. (in Russian)
6. Ladefoged P., Johnson K. *A Course in Phonetics*. Boston: Wadsworth, 2011. 339 p. (in English)
7. Nadelyaev V. M. Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT) [The Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]. Moskva; Leningrad, 1960. 68 p. (in Russian).
8. Nadelyaev V. M. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulatory classification of vowels]. In: Nadelyaev V. M. (ed.) *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic studies in Siberian languages]. Novosibirsk, 1980. pp. 3–91 (in Russian).
9. Vikulova L. G., Tareva E. G., Burnakova K. N. et al. (eds) *Fononovatsii v sovremennom yazykovom i didakticheskom prostranstve: opyt, problemy, perspektivy* [Fononovations in the modern linguistic and didactic space: experience, problems, prospects]. Moscow: Yazyki Narodov Mira Publ., 2024. 324 p. (in Russian)
10. Nadelyaev V. M. Osobennosti zvukovoy sistemy yazyka tofov [Features of the Toph language sound system]. *Materialy konferencii «Etnogenez narodov Severnoy Azii»* [Proceedings of the conference "Ethnogenesis of the peoples of North Asia"]. Novosibirsk, 1969. pp. 235–236 (in Russian).
11. Nadelyaev V. M. U istokov tuvinskogo yazyka [At the origins of the Tuvan language]. In: Mongush D. A. (ed.) *Issledovaniya po tuvinskoy filologii* [Research on Tuvan philology]. Kyzyl: TNNIIALI Publ., 1986. pp. 53–63 (in Russian).
12. Kechil-ool S. V. *Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sut-khol'skogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka* [Typological specificity of the consonantism of the Sut-Hol dialect in the system of dialects and subdialects of the Tuvan language]. Novosibirsk: Sova Publ., 2006. 362 p. (in Russian).
13. Urtegeshev N. S. *Shumnyy konsonantizm shorskogo yazyka (na materiale mrasskogo dialekta)* [Noisy consonantism of the Shor language (based on the material of the Mrass dialect)]. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2002. 304 p. (in Russian).
14. Ryzhikova T. R. *Konsonantizm yazyka barabinskikh tatar: sopostavitel'no-tipologicheskiiy aspekt* [Consonantism of the language of the Baraba Tatars: comparative and typological aspect]. Novosibirsk: RAS Publ., 2005. 269 p. (in Russian).
15. Subrakova V. V. *Sistema soglasnykh sagayskogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspekt* [The consonant system of the Sagai dialect of the Khakass language: a comparative aspect]. Novosibirsk: Sova Publ., 2006. 244 p. (in Russian).

16. Subrakova V. V. *Konsonantizm kyzyl'skogo dialekta khakasskogo yazyka: sopostavitel'nyy aspect* [Consonantism of the Kyzyl dialect of the Khakass language: a comparative aspect]. Abakan: Brigantina Publ., 2017. 172 p. (in Russian).
17. Sarbasheva S. B. *Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altayskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte)* [Phonological system of the tuba dialect of the Altai language (in a comparative aspect)]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2004. 242 p. (in Russian).
18. Kyshtymova G. V. *Sostav i sistemy glasnykh fonem sagayskogo i kachinskogo dialektov khakasskogo yazyka. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [The composition and systems of vowel phonemes of the Sagai and Kachin dialects of the Khakass language. Experimental phonetic research]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 2001. 152 p. (in Russian).
19. Selyutina I. Ya. Tyurko-mongol'skie yazykovye kontakty: foneticheskiy aspekt [Turkic-Mongolian language contacts: phonetic aspect]. In: Mushaev V. N. et al. (eds) *Sravnitel'no-tipologicheskie issledovaniya na materiale mongol'skikh i tyurkskikh yazykov* [Comparative typological studies based on the material of the Mongolian and Turkic languages]. Elista: Kalmyk University Publ., 2021. pp. 49–69 (in Russian).
20. Nadelyaev V. M. *Sostav fonem v zvukovoy sisteme sovremennogo mongol'skogo yazyka* [The composition of phonemes in the sound system of the modern Mongolian language]. In: Nadelyaev V. M. *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetics of Siberian languages]. Novosibirsk: AN SSSR Publ., 1985. pp. 3–24 (in Russian).
21. Kuz'menkov E. A. *Fonologicheskaya sistema sovremennogo mongol'skogo yazyka* [The phonological system of the modern Mongolian language]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ., 2004. 212 p. (in Russian).
22. Soktoeva S. P. *Konsonantizm khorinskogo dialekta buryatskogo yazyka. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie* [Consonantism of the Khory dialect of the Buryat language. Experimental phonetic research]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1988. 165 p. (in Russian).
23. Bitkeev P. Ts. *Soglasnye fonemy kalmytskogo yazyka (na materiale eksperimental'nykh issledovaniy)* [Consonant phonemes of the Kalmyk language (based on experimental research)]. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoe izd-vo, 1965. 68 p. (in Russian).

Iraida Ya. Selyutina.

Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Laboratory
of Experimental Phonetic Researches of the Siberian Languages.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: siya_irina@mail.ru

Э. В. Хилханова, Г. А. Дырхеева**ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ
И РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ: НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА¹**

Основная идея и цель данной статьи – проверка гипотезы о том, что результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. в сравнении с переписью 2010 г. показали статистически значимое увеличение коэффициента эмотивности, т. е. количества людей, назвавших этнический язык родным, но не владеющих им. Бурятский был назван в числе языков, показавших, наоборот, низкий коэффициент эмотивности, что может свидетельствовать о понижении его символической ценности между 2010 и 2020 гг. Для проверки гипотезы в отношении бурятского языка авторами статьи было предпринято сопоставление данных большой статистики (переписей населения) с малой статистикой – материалами региональных исследований по Республике Бурятия. Сопоставление выявило ряд различий между ними. Если перепись 2020 г. показала рост числа владеющих бурятским языком, использующих его в повседневной жизни и считающих его родным, то региональное обследование 2020 г., наоборот, свидетельствует о резком падении показателей родного языка наряду с не менее резким ростом количества людей с двойной этноязыковой идентичностью. Разница, по мнению авторов, может быть отнесена на счет отсутствия в итоговых данных ВПН-2020 сведений о двух и более родных языках, хотя именно эти сведения наряду с большим количеством «нацотказников» и новыми гибридными этнонимами являются показателями новых трендов. Анализ региональной статистики также показал сходство современной языковой компетенции бурят с той, которая была на исходе советского периода, а также механизм языкового сдвига, заключающийся в перераспределении языковых компетенций внутри самого понятия владения языком: постепенный рост пассивных навыков, уменьшение активных и варьирование навыков грамотности в зависимости от вектора языковой политики в образовании. Авторы делают вывод о подтверждении гипотезы об отсутствии повышения коэффициента эмотивности у бурятского языка; наоборот, за постсоветский период связка «язык – этничность» постепенно разрывается в обыденном сознании, отражая в данном случае самооценку бурятами их реальной языковой компетенции в этническом языке.

Ключевые слова: язык, этническая идентичность, символическая ценность языка, коэффициент эмотивности, родной язык, бурятский язык, языковая компетенция (владение языком), перепись населения, региональная статистика

Введение

По теме языка и этнической идентичности существует необъятное количество работ, так что еще одно обращение к ней кажется избыточным. Однако эта традиционная проблематика приобретает сегодня новое звучание в свете изменений современного общества, в том числе и российского. Россия постсоветского периода проходит через ряд крутых поворотов в национально-языковой сфере: «парад суверенитетов» и национально-культурное возрождение 1990-х гг. сменились укреплением «вертикали власти», поддержкой государственного русского языка и ослаблением позиций других «родных языков» в сфере образования, особенно в школе. Другой значимой тенденцией в России и во всем мире является, с одной стороны, ускорение темпов сокращения языкового разнообразия, с другой – рост языкового активизма и диверсификация языковой политики и на практике, и в теории [1, 2].

Все эти явления отражаются и на характере связи языка и этнической идентичности в современной России. Несмотря на традиционно высокий интерес к данной теме, в ее изучении существует довольно много проблемных зон. Одной из них является то, что еще в 2002 г. известным социолингвистом Дж. Фишманом было названо «вызовом эмпиризма». В статье,

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

посвященной «вечной» дискуссии между примордиалистами и конструктивистами, он подвергал критике аргументацию обеих сторон: «с точки зрения конструктивистов, отсутствие эмпирических подтверждений всех вышеперечисленных (примордиалистских. – Э. Х., Г. Д.) утверждений указывает на то, что языковая обусловленность этнокультурных особенностей контрфактична. <...> Также весьма далека от эмпирического подтверждения и уверенность конструктивистов в том, что новые вызовы требуют новых ресурсов, идей, идеалов и вдохновения. Короче говоря, примордиалисты стремятся взять *desiderata* (ресурсы, идеи, идеалы, вдохновение) у древних святынь, а конструктивисты надеются получить его, отказавшись от них» (цит. по: [3, с. 135]²).

Проблема наличия достоверных эмпирических данных тесно связана с проблемой *методов* их получения. Традиционно тема языка и этнической идентичности изучается с помощью качественных этнографических методов, что, безусловно, определяется субъективным, трудноуловимым характером самой темы. Однако известным ограничением качественных методов является субъективизм исследователей и немассовый характер полученных данных. Как правило, такие ограничения в какой-то степени разрешаются применением триангуляционного подхода, когда качественные методы сочетаются с количественными [4].

Сегодня, однако, есть возможность применить современные компьютерные программы к такому сугубо антропологическому объекту. В этом контексте, на наш взгляд, заслуживает внимания исследование А. Ф. Хановой, где связь языка и этнической идентичности, во-первых, исчисляется статистически на максимально обширном материале – данных Всероссийских переписей населения. Во-вторых, это исследование проведено на основе программы R, которая широко используется как статистическое программное обеспечение для анализа данных и фактически стало стандартом для статистических программ [5]. В-третьих, в исследовании А. Ф. Хановой задействованы данные новейшей переписи 2020 г., по результатам которой пока не так много публикаций.

Результаты статистического сравнения данных по языкам, взятые из переписей населения 2010 и 2020 гг., отражены в [6], а также представлены автором на двух конференциях в 2023 г. [7, 8]. В каждой переписи выявлялась разница между количеством людей, указавших этнический язык в качестве родного, и количеством людей, указавших владение им. Эта разница названа автором *коэффициентом эмотивности*.

Всего в итоговый анализ было включено 74 языка, по которым было проведено сравнение динамики этого коэффициента в промежутке между переписями. Исследование выявило существенные различия между ВПН-2010 и ВПН-2020³ по вышеуказанным параметрам. Ряд языков показал статистически значимое повышение коэффициента эмотивности (то есть увеличение количества людей, назвавших язык родным, но не владеющих им). Особенно высокий коэффициент эмотивности показали, к примеру, такие языки, как татарский, башкирский, даргинский, аварский, чувашский, кабардино-черкесский, чеченский, лезгинский, якутский. Бурятский относится к языкам, обнаружившим низкий коэффициент эмотивности⁴.

А. Ф. Ханова делает вывод о том, что политические и социальные факторы сильно повлияли на символическую ценность родных языков между 2010 и 2020 гг. в сторону их увеличения [6]. Под политическими и социальными факторами имеются в виду в первую очередь

² Оригинальная статья на английском языке была опубликована в 2002 г., в русском переводе вышла в 2005 г.

³ Мы будем следовать официальному названию Всероссийской переписи населения 2020 г., хотя фактически она была проведена в 2021 г.

⁴ В вышеупомянутой статье [6] авторы приводят лишь несколько языков в качестве примера, т.к. предполагают, что данных двух переписей недостаточно для статистики. Мы приводим чуть более расширенный список языков, основанный на данных, любезно предоставленных А. Ф. Хановой. Заметим, что наше исследование как раз направлено на углубленную и перекрестную проверку одного из языков – бурятского.

поправки в ФЗ «Об образовании» 2018 г., предшествовавшие им бурные обсуждения, нередко носившие конфликтный характер, и ситуация, сложившаяся с изучением родных языков в школах после принятия данных поправок. Возможно, люди – носители данных языков – расценили ситуацию с родными языками до и после поправок как угрозу этническим языкам, возможно, дискуссии тех лет просто актуализировали языковой вопрос в сознании людей. В любом случае данные переписей, согласно докладу А. Ф. Хановой, свидетельствуют о некотором повышении символической ценности этнических языков в стране между 2010 и 2020 гг.

Ценность исследования Хановой заключается, во-первых, в статистически подтвержденном изменении отношения к этническим языкам (при условии корректности результатов ВПН-2020), вычисленного на максимально обширном материале, ведь более всеобъемлющих данных, чем Всероссийская перепись населения, у ученых нет. Получается, что, несмотря на *увеличение «ножниц» между реальным владением этническим языком и номинальной квалификацией его как родного, для ряда языков во главе с татарским символическая связь языка и этничности, наоборот, стала еще крепче*. Во-вторых, если повышение коэффициента эмотивности действительно имело место, это подтверждает актуализацию «символической этничности» в массовом сознании (и приверженность российских этнических сообществ примордиалистским представлениям). И наконец, ценным является и само введенное А. Ф. Хановой понятие «коэффициент эмотивности».

В целом подход, примененный Хановой, можно считать одним из удачных способов формализации гуманитарного знания, а сделанные автором выводы – слишком серьезными (особенно для языков, показавших статистически значимое повышение коэффициента эмотивности), чтобы полагаться только на одно исследование. К тому же известно, что корректность проведения ВПН-2020 – первой в истории России переписи гибридного формата – многими ставится под сомнение (см., например, [9, 10]). Тем не менее эти цифры нельзя не учитывать (как уже говорилось, более всеобъемлющих сведений у нас нет), а достоверность данных можно проверить перекрестными социологическими и социолингвистическими исследованиями.

Именно в этом заключается *идея и цель* нашей работы – в более детальном и сфокусированном взгляде на один из языков, показавших низкий коэффициент эмотивности, – бурятский язык. То есть данные большой статистики (переписей населения) будут сопоставляться с малой статистикой – материалами региональных исследований по Республике Бурятия (РБ). Тем самым будет еще раз проверено, действительно ли коэффициент эмотивности бурятского языка по данным ВПН-2020 *ниже* коэффициента эмотивности по результатам ВПН-2010, т. е. произошло уменьшение «вилки» между символической ценностью языка и уровнем языковой компетенции. Подход «вглубь» (где берется только один язык) в отличие от подхода «вширь» (на материале многих языков) позволяет посмотреть на этот язык более пристально, поэтому динамика символической ценности бурятского языка будет прослежена на более длительном временном промежутке – начиная с переписи 1989 г. Это позволит увидеть долговременные тенденции и оценить, насколько вписываются в них результаты ВПН-2020.

Соответственно, материалами в данной работе послужили:

- данные большой статистики – переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.;
- данные малой статистики – серии обследований 1989, 2009 и 2020 гг., проведенных в РБ социолингвистами и социологами Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБиТ СО РАН). По времени они почти совпадают с годами переписей, что делает их весьма удобными для сопоставления. Исследование 2020 г. является самым свежим масштабным опросом населения РБ (подробнее о нем см. в разделе «Бурятский язык в зеркале малой статистики»);
- материалы мониторингового социологического опроса учащихся-бурят 2021 г. Всего в опросе участвовали 1 385 учащихся средних и старших классов (возраст от 10 до 16 лет) средних общеобразовательных школ 16 районов республики и г. Улан-Удэ.

Бурятский язык в зеркале большой статистики

Для целей нашего исследования в данных переписей населения нас интересуют три параметра: численность бурятской этнической группы, владение этническим языком и указание этнического языка как родного (рис. 1). Поэтому нами учитывается только количество бурят, указавших родным языком бурятский, хотя он оказался родным и для представителей многих других национальностей. К примеру, в ВПН-2020 было 1 536 русских (полагаем, что проживающих в Бурятии), 232 татарина, 26 якутов и (по убывающей) других национальностей, которые назвали бурятский язык в качестве родного.

Известно, что концепции переписей менялись: в 1989 г., в последней советской переписи, есть статистика по владению русским языком, а владение нерусскими языками попадало в категорию «других языков», из которой невозможно вычленить владение отдельными языками [11], поэтому данных по владению бурятским языком у нас нет. В ВПН-2002 не собирались сведения о родном языке, что в то время вызвало общественное возмущение, воплотившееся наиболее ярко в вызвавшей большой резонанс статье М. Н. Губогло «Кто отнял родной язык?». Поэтому на рис. 1 по этим двум переписям соответствующие столбики отсутствуют: в 1989 г. – о владении бурятским языком, в 2002 г. – о родном языке.

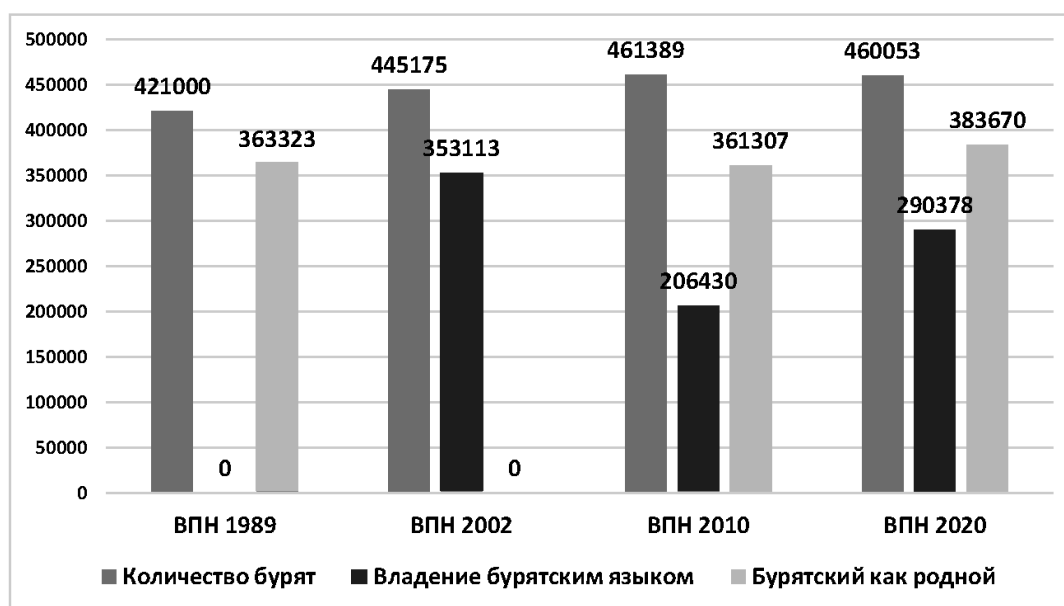

Рис. 1. Буряты и бурятский язык в зеркале переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2020 гг.⁵

Мы видим, что владение бурятским языком имело тенденцию к резкому снижению между 2002 и 2010 гг., но к 2021 г. (год фактического проведения переписи) вдруг заметно поднялось – до 290 378 человек, хотя и не достигло уровня 2002 г. (353 113). Получается, что между 2010 и 2021 г. произошло нечто, из-за чего владение бурятами этническим языком резко улучшилось. В абсолютных цифрах это 83 948 человек, которые вдруг овладели бурятским языком за 10 лет. В теории это возможно, но для этого нужны серьезные подвижки в языковой политике, например широкое введение преподавания языка в школе. Такого как в федеральной,

⁵ По данным всех переписей мы исходили из количества указавших национальность, владение языком и родной язык. Количество не указавших эти параметры в расчет не берется, равно как и общие цифры по владению бурятским языком представителями других национальностей по всей России.

так и в региональной языковой политике не было, и неожиданное увеличение количества говорящих противоречит как исследованиям социолингвистов, так и мнениям обычных жителей этнической Бурятии о ситуации с бурятским языком. Скорее всего, в целом это следует отнести на счет низкого качества как переписи населения 2021 г., так и переписи 2010 г., особенно по показателю владения языком.

Для более точного и наглядного представления наличия или отсутствия «ножниц» между владением бурятским языком и квалификацией его как родного, т. е. проверки тезиса о коэффициенте эмотивности, необходимо представить эти параметры в динамике и в процентном соотношении от общего количества бурят в стране на момент соответствующих переписей (рис. 2).

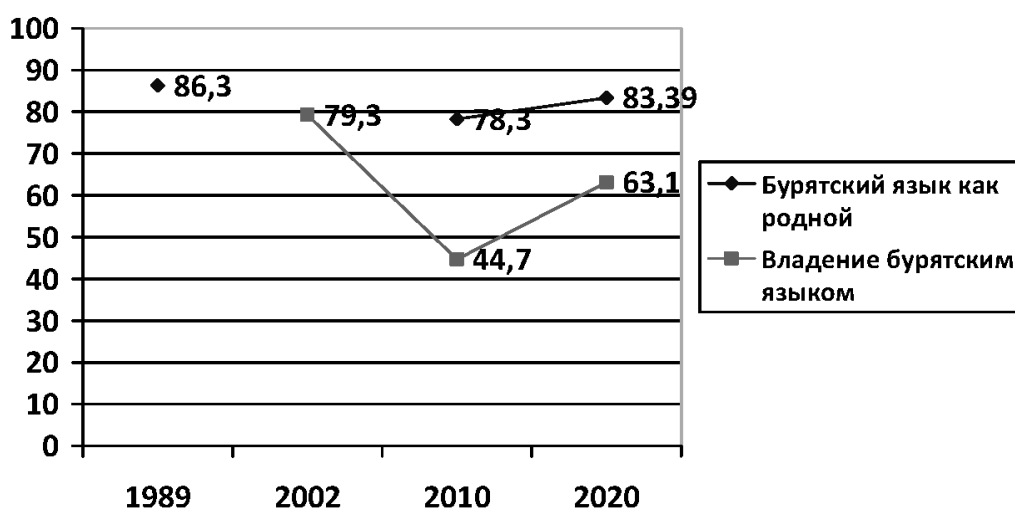

Рис. 2. Сведения о бурятском языке как родном и владении бурятским языком по РФ, %

На рис. 2 хорошо видна разница в динамике обоих параметров: динамика признания бурятского языка родным более плавная⁶, а цифровые показатели выше, чем показатели владения языком. Динамика же владения бурятским языком показывает, как уже было описано выше, резкое падение в 2010 г. и довольно резкий взлет в 2020 г.

Таким образом, подтверждаются ли в случае с бурятским языком выводы А. Ф. Хановой, т. е. наблюдаем ли мы здесь статистически значимое уменьшение количества людей, назвавших язык родным, но не владеющих им? Если брать две последние переписи, как в исследовании Хановой, то **да**, подтверждаются: в 2010 г. было больше людей, не владеющих бурятским языком, но указавших его в качестве родного, т. е. коэффициент эмотивности был максимальным в 2010 г., а не в 2020 г.

Далее, если проследить динамику ответов по владению бурятским языком и квалификации его как родного на протяжении четырех переписей, то данные ВПН-2020 выбиваются из общей картины результатов переписей и показывают трудно объяснимые тенденции. В случае с бурятским языком в постсоветский период шло неуклонное падение уровня владения им, также уменьшалось количество людей, считавших его родным. Так, в 2010 г. было наименьшее количество бурят, владеющих этническим языком (44,74%) и указавших его в качестве родного (78,3%). Однако затем, при переписи 2020 г., этот тренд нарушился: пошли на увеличение цифры как владения языком, так и квалификации его как родного. Более того,

⁶ На рис. 2 не прочерчена линия между показателями по родному языку между 1989 и 2010 гг. ввиду отсутствия данных по родным языкам в ВПН-2002, но динамика тем не менее видна по цифровым показателям.

данные ВПН-2020 показали не только существенный рост числа владеющих бурятским языком в последнее десятилетие, но и значительное количество *использующих его в повседневной жизни* – таких в 2020 г. оказалось 93,1% от общего количества указавших владение бурятским языком по РФ⁷ (заметим, что параметр «использование языка в повседневной жизни» появился только в ВПН-2020).

Рост в последней переписи всех показателей – и родного языка, и владения языком, и использования его – мог произойти: а) в силу некорректно собранных данных либо при ВПН-2010, либо при ВПН-2020, либо в обеих сразу; б) потому, что в 2020 г. действительно увеличилось количество людей, которые думают или хотят думать, что они владеют хоть в какой-то степени бурятским языком, определяют его как родной, а также пользуются им в повседневной жизни. В контексте нашего исследования интересным представляется именно это. Если иметь в виду, что пиковое значение по показателю родного языка мы наблюдали в 1989 г., то можно сделать вывод о том, что и на закате Советского Союза и сейчас имеет место некая актуализация этнического самосознания. Поэтому, как уже говорилось, для проверки данных большой статистики будут привлечены данные малой статистики – региональных обследований.

Бурятский язык в зеркале малой статистики

Согласно цели данной статьи, из полученных сведений по всем трем исследованиям по Республике Бурятия, где опрашивались представители разной этнической принадлежности, были вычленены данные только по бурятам. В 1989 г. в выборке было 2 710 бурят, в 2009 г. – 368, в 2020 г. – 479. Опросы 1989 и 2009 гг. уже анализировались (см.: [13, 14]), поэтому здесь мы приводим параметры исследования 2020 г., на которое мы в основном опираемся⁸.

Опрос 2020 г. был проведен социологами ИМБИТ СО РАН в рамках государственной программы «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2014–2020 гг.». Опрос охватил 1 289 человек: 37,16% (479 человек) составили буряты, 58,73% – русские, 3,8% – представители других национальностей. Были опрошены представители разных социальных групп, сфер деятельности, проживающие в г. Улан-Удэ (56,86%) и пяти сельских районах: Тарбагатайском (7,76%), Кабанском (7,45%), Кижингинском (8,22%), Закаменском (8,22%) и Иволгинском (8,22%). Последние три района представляют собой своеобразный оплот дальнейшего существования бурятского языка, так как в них относительно компактно проживают его носители. Так, бурятский язык указали как родной 55,66% всех (бурят и русских) опрошенных в Кижингинском районе, 41,51% – в Закаменском районе и 30,19% – в пригородном Иволгинском районе.

Сводные данные по языковой компетенции бурят РБ с 1989 по 2020 г. представлены в таблице.

В отличие от данных переписей республиканские опросы собирали более нюансированные сведения о владении языками, так что здесь мы видим, что именно респонденты понимали под владением языками. Динамика языковых навыков за исследованный период обнаруживает ряд социолингвистических тенденций, наиболее крупными и показательными из которых, на наш взгляд, являются следующие.

⁷ Данные Росстата по *использованию* языков в повседневной жизни приведены безотносительно к национальности/этничности [12], поэтому процентное соотношение подсчитано от количества всех владеющих бурятским языком по РФ. Однако цифра в 93,1% характеризует использование языка почти исключительно бурятами, так как буряты составляют 94,6% от общего количества владеющих бурятским языком в РФ.

⁸ Материалы этого исследования были частично использованы при публикации, посвященной другой теме – функционированию и востребованности бурятского языка в полиэтничной Бурятии [15].

Языковая компетенция и родной язык бурят по результатам опросов 1989, 2009 и 2020 гг.

	Формы и степень владения бурятским языком					Бурятский язык как родной	Бурятский и русский языки как родные
Год опроса, количество человек	Очень хорошо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Не владеют		
1989, 2 710	Понимают					87,6%	—
	39,9	42,0	11,0	3,2	1,5		
	Говорят						
	31,2	40,8	14,9	6,5	4,6		
	Читают						
	21,9	25,3	15,0	14,8	20,6		
	Пишут						
19,8	22,4	12,6	14,6	28,1			
2009, 368	Понимают					88,01%	2,99%
	48,3	41,6	6,6	2,4	1,1		
	Говорят						
	35,1	43,6	15,0	4,1	2,2		
	Читают						
	32,2	34,5	19,6	8,8	4,9		
	Пишут						
28,6	32,4	15,5	13,7	9,7			
2020, 479	Понимают					57,62%	29,02%
	40,29	28,1	16,49	7,1	5,64		
	Говорят						
	33,61	26,72	15,45	11,69	10,65		
	Читают						
	23,17	25,68	20,88	11,9	14,2		
	Пишут						
17,54	27,71	21,09	14,82	20,46			

Во-первых, вот уже три десятилетия, начиная с 1989 г., как на селе, так и в городе стабильно лидирует пассивный навык владения бурятским языком («понимаю»).

Во-вторых, в динамике «проседает» активный коммуникативный навык – говорение: к 2020 г. на 11,67% уменьшилось количество «очень хорошо» и «хорошо» говорящих на бурятском языке, а количество «не владеющих» и «плохо владеющих» увеличилось с 4,6% в 1989 г. до 10,65% в 2020 г.

В-третьих, заметно влияние школы, что видно в первую очередь по навыкам чтения и письма. Для их формирования, в отличие от стихийно приобретаемых навыков понимания и говорения, нужно специальное обучение. Отметим, что 85,59% бурят, опрошенных в 2020 г., изучали бурятский язык в школе (в обследовании 2009 г. этот вопрос не задавался). Думается, что именно этим можно объяснить некоторое увеличение к 2020 г. количества людей, которые «удовлетворительно» читают, пишут на бурятском и понимают его. Например, динамика «удовлетворительного» навыка понимания между 1989, 2009 и 2020 гг. выглядит так: 15% → 19,6% → 20,88%, а навыка письма – 12,6% → 15,5% → 21,09%.

На то, что хоть и слабое, но увеличение знания бурятского языка бурятским населением РБ за постсоветский период произошло именно благодаря системе образования (что, в свою очередь, является следствием принятых в 1990-х гг. законов о языках в национальных респуб-

ликах), указывают следующие моменты: а) то, что российская система обучения языкам традиционно делает упор на формирование именно навыков понимания, чтения и письма; б) «удовлетворительно» является адекватной самооценкой степени их сформированности, так как при 1–2 часах в неделю применения лексико-грамматического, а не коммуникативного метода и других проблемах обучения «родным языкам» (см. об этом, например: [16]) невозможно освоить язык на более высоком уровне и сформировать устойчивый навык говорения.

Таким образом, анализ динамики языковой компетенции бурят Республики Бурятия за постсоветский период показал, что под «владением (миноритарным) языком» люди понимают даже минимальное владение, на практике выливающееся в первую очередь в пассивный навык – понимание. Также обследования за указанный период показали важность института образования и языковой политики, подрывая тем самым аргументы тех, кто считает, что сохранение (миноритарного) языка зависит в первую очередь от семьи.

Однако сами по себе сведения о владении языками и динамике языковой компетенции в бурятском и русском языках мало что говорят о взаимосвязи языка и этнической идентичности. Более информативным является анализ наличия или отсутствия *мотиваций* к изучению бурятского языка и их характера. Этот анализ будет сделан в целом по массиву данных, а не только по бурятам, так как сравнение мотиваций представителей разных этносов имеет значение.

Среди опрошенных в 2020 г. изучали бурятский язык 85,59% бурят, 45,18% русских и 26,53% людей других национальностей. Выясняется, что большинство из них, в среднем 27,23%, изучали бурятский по той причине, что «его преподавали в школе». Сейчас, когда решение о преподавании титульных языков в школах осуществляется по желанию и заявлениям родителей, только мотивация идентичности и некоторое осознание своего проживания на территории Бурятии пока еще сохраняет эти языки в школах. Мотивация этнической идентичности является основной для бурят, а для русских это территориальный фактор: 10,83% русских выбрали ответ «потому что я живу в Бурятии» (для них это второй по частотности ответ после «его преподавали в школе»). Вообще школа стала для многих русских единственным местом, где они познакомились с бурятским языком. Если до школы почти все опрошенные русские (94,45%) говорили только на русском, то в школе 35,01% из них добавили к своему лингвистическому репертуару бурятский язык. Несмотря на поверхностное знакомство с языком в рамках школьной программы, 20,48% сообщили о том, что стали знать его лучше в той или иной степени. Остальные причины являются гораздо менее значительными, так как не превышают планку в 10%. Так, изучали или изучают бурятский язык, поскольку он «помогает в общении с друзьями, родственниками», 9,31% опрошенных, хотят «слушать и петь песни на бурятском языке» 6,05%, 4,50% респондентов ответили, что знание языка «позволяет знакомиться с достижениями бурятской национальной культуры».

Известно, что мотивы выбора языка в условиях языкового неравенства носят прагматичный характер и «работают» не в пользу миноритарных языков. Данные нашего исследования подтверждают эту закономерность: больше трети опрошенных по всему массиву (37,78%) не хотят изучать бурятский язык, так как им достаточно знания русского языка. Таким образом, в отличие от ситуации в 1990-х – начале 2000-х гг., когда после принятия Закона о языках РБ бурятский язык изучали и русские, и бурятские дети, и дети других национальностей, сегодня, за редким исключением, изучают его только буряты.

И наконец, необходимо вернуться к вопросу непосредственно о связи языка и этнической идентичности сквозь призму малой статистики.

Как мы видим по данным таблицы, динамика признания родным бурятского языка, бывшая относительно стабильным показателем по данным двух первых обследований, резко падает к 2020 г. до 57,62%, т. е. сегодня почти половина бурят не считает родным только бурятский язык. Зато, соответственно, растут цифры признания родными двух языков: бурятско-

го и русского, – между 2009 и 2020 г. этот рост составил 26%. Эти данные хорошо коррелируют с не очень высоким уровнем языковой компетенции еще с поздних советских времен (ни в одном из речевых навыков уровень владения не превышает 50% за все годы опросов). Слабо знающие бурятский язык буряты перестают признавать его родным, но совсем отказываться от этнического языка не хотят, что отражается в растущих цифрах двойной этноязыковой идентификации. Именно об этом говорят данные региональных обследований.

Наконец, настало время сравнить эти данные с данными переписей. При сопоставлении мы отдаем себе отчет в разнице охвата населения – республиканского в первом случае и все-российского – во втором. Однако при процентных показателях это не является помехой для сравнения. В плане языковой компетенции можно предположить, что уровень владения бурятским языком в РБ должен быть, наоборот, выше, чем в целом по стране, так как, несмотря на миграцию жителей Бурятии в центральные города, в Краснодарский край, за границу и т. д., Бурятия остается местом компактного проживания наибольшей части этнической группы (64,1% всех бурят РФ, по данным ВПН-2020) и единственной территорией, где бурятский язык имеет статус государственного с вытекающими из этого статуса мерами государственной поддержки⁹.

Сравнение данных малой и большой статистики позволяет сделать ряд выводов.

1. Если при ВПН показатели бурятского как родного языка меняются плавно от переписи к переписи (см. рис. 2), то республиканское обследование показало их резкое обрушение к 2020 г. (см. таблицу).

2. В республиканских обследованиях с 2009 г. появляется когорта людей с двойной этноязыковой идентификацией с тенденцией к резкому росту, так что в 2020 г. их количество составляет почти 1/3 опрошенных в республике бурят. Во всероссийских переписях населения данных о двух и более родных языках граждан нет; так, в «Методологических пояснениях» к ВПН-2020 относительно категории «родной язык» говорится «В таблицах 6 и 7 приведено распределение населения по *единственному или первому из указанных родному языку*» (курсив наш. – Э. Х., Г. Д.) [18]. При этом, согласно методике проведения переписи, люди могли указать несколько языков, но в финальные таблицы эти сведения не вошли.

3. Владение бурятским языком в РБ показывает гораздо более низкие цифры, чем при ВПН (ниже примерно в 2–3 раза в зависимости от конкретного навыка и уровня владения). Динамика владения языком не обнаруживает столь драматичных колебаний, как при определении родного языка, однако, по данным трех опросов (1989, 2009 и 2020 гг.), самый высокий уровень владения бурятским языком был все же в 2009 г. Получается, что языковая компетенция бурят РБ на исходе советского периода и сейчас примерно одинаково невысока, и никакого подъема владения языком к 2020 г., как показывали результаты ВПН-2020, в республиканском опросе не наблюдается.

Другим показателем новых трендов является то, что по результатам переписей увеличивается число лиц, не пожелавших указать свою этническую принадлежность. Количество таких людей (названных в СМИ наотказниками [19]) выросло в Бурятии с 1,75% от переписанного населения в 2010 г. до более чем 7% в 2020 г. Это характерно не только для Бурятии; как известно, при ВПН-2020 произошло резкое увеличение числа людей, которые не ответили на вопрос о национальной принадлежности, – с 5,7 млн в 2010 г. до 16,6 млн в 2020 г. Такое же число людей – 16,6 млн человек – не указали свой родной язык [20, 21]. Среди возможных причин называются снижение ценности этнической идентичности, нежелание людей делиться частной информацией, ассимиляционные процессы, цифровой формат переписи и т. д. [20]. То, что эти причины актуальны и для Бурятии, подтверждается вышеописанными тенденциями

⁹ См., например, Государственную программу Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы» [17].

к увеличению людей с двойной этноязыковой идентичностью и уменьшению показателей признания родным только бурятского языка. Появление среди граждан республики еще при ВПН-2010 новых этнонимов типа *метис* или *россиянин* также сигнализирует об этих процессах¹⁰.

В качестве штриха, завершающего этот раздел, нам кажется уместным привести данные об оценочных характеристиках бурятского и русского языков, полученные в ходе опроса учащихся РБ в 2021–2022 гг. Для выяснения этого в анкету были включены два вопроса: «Какими словами Вы охарактеризовали бы бурятский язык? Какими словами Вы охарактеризовали бы русский язык?». Результаты представлены на рис. 3 и 4.

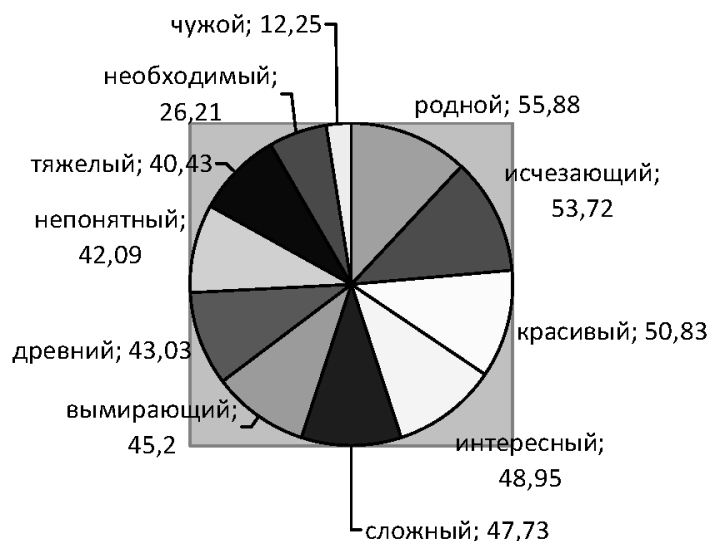

Рис. 3. Оценочные характеристики бурятского языка детьми, %

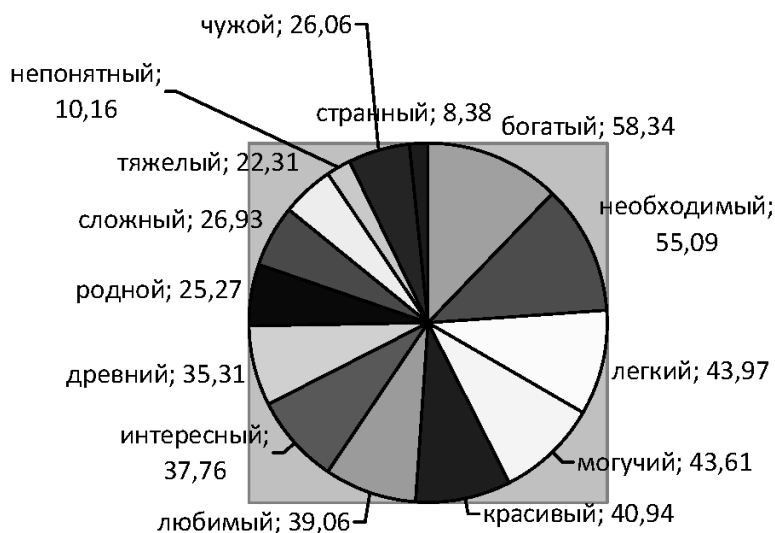

Рис. 4. Оценочные характеристики русского языка детьми, %

Доля охарактеризовавших бурятский язык как «родной» (55,88%) пока самая большая, и она почти совпала с долей детей, признавших его родным (55,23%). Поразительно, что сразу

¹⁰ Численность метисов в республике по ВПН-2010 составила 313 человек, а россиян – 16 человек. Также в ходе переписи населения граждане республики ответили, что являются «сибиряками» (41 человек), «поморами» (52 человека), «русскими поморами» (6 человек), «семейскими» (26 человек) и «гуранами» (5 респондентов) [22].

же следует характеристика «исчезающий». В целом положительные характеристики (интересный, красивый и т. п.) перемежаются с такими оценками, как «сложный», «непонятный» и «тяжелый». Только 26,21% ответили, что он «необходимый», а для 12,25% он «чужой». В сумме же *доля положительных реакций (342,38 %) превышает долю негативных реакций (273,72%)*.

Отношение к русскому языку выглядит следующим образом (рис. 4).

В первую очередь русский язык «богатый» и «необходимый», а для достаточно большой части опрошенных уже «родной» (25,27%). Вероятно, «сложным», «тяжелым» и «непонятным» он является в плане его усвоения. Негативные реакции («чужой», «странный») оказались в конце списка. *В отличие от показателей по бурятскому языку доля положительных оценок (379,35%) существенно превышает долю отрицательных (100,07%)*.

В общем оценки учащихся отражают целый ряд социальных, этнокультурных и других условий бытования обоих языков. Это и высокая оценка русского языка, и квалификация бурятского языка как «исчезающего», и сохраняющаяся при этом тесная связь (бурятского) языка и этнической идентичности.

Заключение

Сравнительный анализ данных большой и малой статистики выявил ряд различий и несоответствий между ними. Во-первых, это разница в самих процентах, во-вторых, то, что малая статистика, хотя ее масштаб несопоставим с большой статистикой, располагает более нюансированными сведениями, которые лучше согласуются друг с другом.

Так, Всероссийская перепись 2020 г. показала *рост* числа владеющих бурятским языком, использующих его в повседневной жизни и считающих его родным. Региональное же обследование 2020 г., наоборот, показало резкое *падение* показателей родного языка наряду с не менее резким ростом количества людей с двойной этноязыковой идентичностью, т. е. признающих родным и бурятский, и русский язык. Показатели владения языком несколько упали по сравнению с 2009 г., но в длительной динамике остаются на уровне 1/3 и 1/4 всего бурятского населения РБ.

Такая разница, безусловно, нуждается в комментариях.

Владение языком. Как мы уже упоминали, овладение языком – длительный процесс, и данные региональных опросов, начиная с 1989 г., показывают неоднозначную картину. С одной стороны, налицо доминирование пассивного владения языком (понимания) и ухудшение активного коммуникативного навыка – говорения. С другой стороны, благодаря кратковременному периоду обязательного изучения бурятского языка в школе люди, учившиеся в тот период, стали знать его лучше в той или иной степени. Однако в целом для роста языковой компетенции в республике (да и в стране в целом, см., например: [16]) за последнее десятилетие не было предпосылок, скорее, наоборот – переход на добровольность при выборе родного языка после 2018 г. уменьшил, а не увеличил количество изучающих титульные языки в школе. Об этом свидетельствует и падение мотивации к изучению бурятского языка в опросе 2020 г., и то, что сегодня, за редким исключением, изучают его только буряты. Динамика языковой компетенции по республиканским обследованиям показывает, скорее, сходство сегодняшней языковой компетенции бурят с той, которая была на исходе советского периода. Это представляется более достоверным, чем ее рост, как показывает ВПН-2020 (см. рис. 2).

Анализ также показал сложность самого понятия владения языком и его измерения. Проблема того, что люди говорят о своем владении (миноритарным) языком исходя из соображений символической этничности, известна давно, и введение графы про использование языка в повседневной жизни в ВПН-2020 являлось попыткой ее решения. По крайней мере в отношении бурятского языка эта попытка оказалась не совсем удачной – ничто не помешало

респондентам ответить на вопрос об использовании языка почти так же, как и на вопрос о владении языком. Более интересным представляется другой результат региональных обследований, показывающий *механизм языкового сдвига*: при относительной стабильности владения языком в целом с 1989 г. *происходит перераспределение языковых компетенций внутри самого понятия владения языком*: постепенно растут пассивные навыки, уменьшаются активные, в зависимости от языковой политики в образовании варьируют навыки грамотности. Это мера приспособления и реакции языка (его носителей) на внешние факторы, на языковую политику в первую очередь.

Бурятский язык как родной. Именно по этому параметру наблюдается самый большой разрыв между большой и малой статистикой – 83,39 и 57,62% соответственно. Мы предполагаем, что эта разница может быть объяснена тем, что в данных Росстата приведено распределение населения по единственному или первому из указанных родному языку. Тем самым в итоговых данных ВПН-2020 автоматически отсечены случаи двойной этноязыковой идентификации, хотя именно эти 29,02% бурят с двумя родными языками кажутся объяснением разницы между ВПН-2020 и региональным опросом 2020 г. Именно эти цифры неоднозначной этноязыковой идентичности являются показателями новых трендов (наряду с «нацотказниками» и новыми гибридными этнонимами).

Соответственно, если опираться на данные «малой» статистики, мы также не можем говорить о повышении коэффициента эмотивности у бурятского языка. Наоборот, можно утверждать, что за постсоветский период связка «язык – этничность» постепенно разрывается в обыденном сознании, отражая, по-видимому, самооценку бурятами их реальной языковой компетенции в этническом языке. Также прямая этноязыковая идентичность уступает место гибридным, более сложным формам идентичности. За счет этого, а также перераспределения языковых компетенций внутри самого понятия владения языком «ножницы» между владением бурятским языком и квалификацией его как родного не увеличиваются. Перспективные же тренды довольно явно просматриваются в ответах школьников, отражающих высокую оценку русского языка, негативные оценки будущего бурятского языка, но ценность его для этнической идентичности.

В заключение заметим, что как само понятие коэффициента эмотивности, так и примененный к его исчислению инструментарий, безусловно, полезны; весь вопрос в том, какими исходными данными будет оперировать исследователь.

Список источников:

1. Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 756–815. DOI: 10.30842/alp2306573716324
2. Хилханов Д. Л. Социальная и культурная дистанция: теоретические аспекты // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 3 (42). С. 154–157.
3. Фишман Д. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (49). С. 132–140.
4. Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. Субъективные данные в социолингвистике и методы их исследования в ракурсе прогнозирования // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 8–25. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-8-25
5. Задорожный С. С. Статистическая обработка данных на языке R. М.: Физический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. 104 с.
6. Ханова А. Ф., Большина Т. А., Драгой О. В. Коэффициент эмотивности «родной язык» в контексте измерения символической мощности миноритарных языков Российской Федерации (на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 2 (44). С. 58–69. DOI: 10.23951/2307-6119-2024-2-58-69.
7. Hanova A. Emotively significant status of the native language: based on Russian census 2020 // Report at the V International Conference “Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education”. Высшая школа экономики, 6–8 апреля, 2023.

8. Ханова А. Ф. К вопросу измерения символической мощности национальных языков РФ (на материале Всероссийской переписи населения 2020) // Доклад на Международной конференции «Тенденции языкового развития многонациональных стран: от прогнозирования к языковому планированию». Институт языкознания РАН, 6–7 декабря 2023.
9. Независимая газета. Всероссийская перепись населения показала неоднозначный результат. 24 декабря 2021 года. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0927/perep04.php> (дата обращения: 04.09.2023).
10. Саримова Л. Владимир Зорин: «Считать образцовой перепись-2020 было бы необъективным» // Татар-информ. 28 января 2023 г. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/vladimir-zorin-scitat-obrazcovoi-perepis-2020-bylo-by-ne-obektivnym-5894262?ysclid=lst8px69hl601241408> (дата обращения: 19.02.2023).
11. Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 45 с.
12. Итоги ВПН-2020. Т. 5, табл. 4. Владение языками и использование языков населением. URL: Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx (live.com) (дата обращения: 01.11.2023).
13. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект) / Г. А. Дырхеева, Б. Ж. Будаев, Т. П. Бажеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 143 с.
14. Дырхеева Г. А. Языковая ситуация в Бурятии: двадцать лет спустя // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. № 2. Улан-Удэ, 2011. С. 132–138.
15. Дырхеева Г. А., Бадараев Д. Д., Хилханова Э. В. Бурятский язык в полиэтничной Бурятии: функциональная дистрибуция, языковая компетенция, мотивации // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 116–135. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135
16. Хилханова Э. В. Татарский язык в сфере образования Республики Татарстан после 2018 г. в зеркале общественного мнения // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 90–107. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107
17. Государственная программа Республики Бурятия «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия на 2021–2030 годы». URL: [Сохранение-и-развитие-бурятского-языка-в-Республике-Бурятия-на-2021-2030-годы.pdf](#) (nbrb.ru) (дата обращения: 11.11.2023).
18. Методологические пояснения. URL: [Tom5_met_VPN-2020.pdf](#) (rosstat.gov.ru) (дата обращения: 24.02.2024).
19. Санжиев П. В Бурятии стало меньше русских // Номер один. 19 января 2023. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/118643/?sphrase_id=15377231 (дата обращения: 30.01.2023).
20. Гурьянов С. Все свои: почему 16 млн россиян не заполнили графу «национальность» // Известия. 20 февраля 2023. URL: [Все свои: почему 16 млн россиян не заполнили графу «национальность» | Статьи | Известия \(iz.ru\)](#) (дата обращения: 19.02.2023).
21. Горячева М. А. Динамика владения русским языком в Российской Федерации по данным переписей населения 1989–2020 годов // Социолингвистика. 2023. № 1 (13). С. 30–48. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-30-48
22. Бурятстат. В Бурятии в перечне национальностей появились «метисы» и «россияне» // Байкал daily. 13.11.2012. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/56757/> (дата обращения: 25.02.2024).

Хилханова Эржен Владимировна.

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Институт языкознания Российской академии наук.

Пер. Б. Кисловский, 1/1, к. 28, Москва, 125009.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Дырхеева Галина Александровна.

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047.

E-mail: an5dag1@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29 февраля 2024 г.

E. V. Khilkhanova, G. A. Dyrkheeva

LANGUAGE AND ETHNIC IDENTITY AS REFLECTED IN CENSUSES AND REGIONAL SURVEYS: THE CASE OF BURYATIA

The main idea and purpose of this article is to test the hypothesis that the results of the 2020 All-Russian census compared to the 2010 census show a statistically significant increase in the emotivity coefficient, i.e.,

the number of people who claim an ethnic language as their mother tongue but do not actually know it. Buryat was named among the languages that, on the contrary, showed low emotivity coefficient, which might indicate a decrease in its symbolic value between 2010 and 2020. To test the hypothesis regarding the Buryat language, the authors of the article compared the data from the 'big' statistics (censuses) with the 'small' statistics – materials from regional studies on the Republic of Buryatia. The comparison revealed several differences between them. The 2020 census showed that the number of people who know the Buryat language, use it in everyday life, and consider it their mother tongue has increased. The 2020 regional survey, on the other hand, showed a sharp decline in the number of people who consider Buryat to be their mother tongue and an equally sharp increase in the number of people with a dual ethnolinguistic identity. According to the authors, this difference can be attributed to the lack of information on two or more mother tongues in the final 2020 census data. However, this information indicates new trends, hybrid ethnonyms, and an increased number of people who have not declared their ethnicity. The analysis of regional statistics also showed the similarity of today's Buryat linguistic competence with that at the end of the Soviet era and the mechanism of language shift. This mechanism consists of the redistribution of language skills within the concept of language competence itself: the gradual increase in passive skills, the decrease in active skills, and the variation in literacy skills depending on the vector of language policy in education. The research confirmed the decreased emotivity coefficient of the Buryat language; on the contrary, during the post-Soviet period, the "language-ethnicity" link is gradually being torn apart in everyday consciousness reflecting the Buryats' self-assessment of their real linguistic competence in the ethnic language.

Keywords: *language, ethnic identity, symbolic value of language, emotivity coefficient, mother tongue, Buryat language, linguistic competence, censuses, regional statistics*

References:

1. Khilkhanova E. V. Lyudi v yazykovoy politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoy Evropy) [People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, vol. 16.3, pp. 756–815. DOI: 10.30842/alp2306573716324 (in Russian).
2. Khilkhanov D. L. Sotsial'naya i kul'turnaya distantsiya: teoreticheskie aspekty [Social and cultural distance: theoretical aspects]. *Vestnik VSGUTU – Bulletin of East Siberian State University of Technologies and Management*, 2013, no. 3(42), pp. 154–157 (in Russian).
3. Fishman D. Segodnyashnie spory mezhdu primordialistami i konstruktivistami: svyaz' mezhdu yazykom i etnichnost'yu s tochki zreniya uchenykh i povsednevnoy zhizni [Today's debate between the Primordialists and Constructivists: the relationship between language and ethnicity from the point of view of scientists and everyday life]. *Logos*, 2005, no. 4(49), pp. 132–140 (in Russian).
4. Khilkhanova E. V., Khilkhanov D. L. Sub'ektivnye dannye v sociolingvistike i metody ikh issledovaniya v rakurse prognozirovaniya [Subjective data in sociolinguistics and their research methods from the prognostic perspective]. *Sociolinguistics*, 2023, no. 4(16), pp. 35–52. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-35-52 (in Russian).
5. Zadorozhniy S. S. *Statisticheskaya obrabotka dannykh na yazyke R* [Statistical data processing in R language]. Moscow: Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University Publ., 2023. 104 p. (in Russian)
6. Khanova A. F., Bolgina T. A., Dragoy O. V. Koefficient emotivnosti «rodnoy yazyk» v kontekste izmereniya simvolicheskoy moshhnosti minoritarnykh yazykov Rossiyskoy Federatsii (na materiale Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 i 2020) [The coefficient of emotiveness of "mother tongue" in the context of measuring the symbolic power of minority languages in the Russian Federation (based on the Russian Census data from 2010 to 2020)]. *Tomskiy zhurnal lingvistiki i antropologii – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2024, no. 2 (44), pp. 58–69 (in Russian). DOI:10.23951/2307-6119-2024-2-58-69.
7. Khanova A. *Emotively significant status of the native language: based on Russian census 2020*. Report at the V International Conference "Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education". Moscow: Higher School of Economics, 6–8 April, 2023 (in English).
8. Khanova A. F. K voprosu izmereniya simvolicheskoy moshhnosti nacional'nykh yazykov RF (na materiale Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020): Doklad na Mezhdunarodnoy konferentsii «Tendentsii yazykovogo razvitiya mnogonacional'nykh stran: ot prognozirovaniya k yazykovomu planirovaniyu» [On the issue of measuring the symbolic power of national languages of the Russian Federation (based on the material of All-Russian Population Census 2020): Report at the International Conference "Trends in the linguistic development of multinational countries: from linguistic prognosis to language planning"]. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, December 6–7, 2023.

9. *Nezavisimaya gazeta. Vserossiyskaya perepis' naseleniya pokazala neodnoznachnyi rezul'tat* [The All-Russian population census showed an uncertain result]. 24 December 2021. URL: <https://demoscope.ru/weekly/2021/0927/perep04.php> (accessed: 04.09.2023) (in Russian).
10. Sarimova L. Vladimir Zorin: "Schitat' obrazcovyeperepis'-2020 bylo by neob'ektivnym" [Vladimir Zorin: "It would be biased to consider the 2020 census as an exemplary one"]. *Tatar-inform*. 28 January 2023. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/vladimir-zorin-schitat-obrazcovoi-perepis-2020-bylo-by-ne-obektivnym-5894262> (accessed: 19.02.2023) (in Russian).
11. Goskomstat SSSR. *Naselenie SSSR: Po dannym Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 g.* [The population of the USSR: according to the All-Union population census of 1989]. Moscow: Finansy i statistika, 1990. 45 p. (in Russian)
12. *Itogi VPN-2020*. Tom 5, tablica 4. *Vladienie jazykami i ispol'zovanie jazykov naseleniem* [The results of the All-Russian Population Census-2020. Volume 5, Table 4. Linguistic competence and use of languages by the population]. URL: [Tom5_tab4_VPN-2020.xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/depobaza/itogi_vpn_2020/tom5/tab4_VPN-2020.xlsx) (live.com) (accessed: 01.11.2023) (in Russian).
13. Dyrkheeva G. A., Budaev B. Zh., Bazheeva T. P. *Buryatskiy yazyk: sovremennoe sostoyanie (sociolingvisticheskiy aspekt)* [The Buryat language: the current state (sociolinguistic aspect)]. Ulan-Ude: BNC SO RAN Publ., 1999. 143 p. (in Russian)
14. Dyrkheeva G. A. *Yazykovaya situaciya v Buryatii: dvadtsat' let spustya* [The linguistic situation in Buryatia: twenty years later]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN – Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS*, 2011, no. 2, pp. 132–138 (in Russian).
15. Dyrkheeva G. A., Badaraev D. D., Khilkhanova E. V. *Buryatskiy yazyk v poliyetnichnoy Buryatii: funktsional'naya distribuciya, yazykovaya kompetenciya, motivacii* [Buryat Language in Multi-Ethnic Buryatia: Functional Distribution, Language Competence, Motivations]. *Nauchniy dialog – Scientific dialogue*, 2022, no. 11(5), pp. 116–135. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-116-135 (in Russian).
16. Khilkhanova E. V. *Tatarskiy yazyk v sfere obrazovaniya Respubliki Tatarstan posle 2018 g. v zerkale obshchestvennogo mneniya* [The Tatar language in the field of education of the Republic of Tatarstan after 2018 in the mirror of public opinion]. *Sociolinguistics*, 2022, no. 4 (12), pp. 90–107. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107 (in Russian).
17. *Gosudarstvennaya programma Respubliki Buryatii «Sokhranenie i razvitie buryatskogo yazyka v Respublike Buryatiya na 2021–2030 gody»* [The State program of the Republic of Buryatia "Preservation and development of the Buryat language in the Republic of Buryatia for 2021-2030"]. URL: [Сохранение-и-развитие-бурятского-языка-в-Республике-Бурятия-на-2021-2030-годы.pdf](https://nrb.ru/ru/nauchnyy-dialog/sohraneniye-i-razvitiye-buryatskogo-yazyka-v-respublike-buryatii-na-2021-2030-gody.pdf) (nrb.ru). (accessed: 11.11.2023) (in Russian).
18. *Metodologicheskie poiasneniya* [Methodological explanations]. URL: [Tom5_met_VPN-2020.pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/depobaza/metodologicheskie_poyasneniya/Tom5_met_VPN-2020.pdf) (rosstat.gov.ru) (accessed: 24.02.2024) (in Russian).
19. Sanzhiev P. V. *Buryatii stalo men'she russkikh* [Sanzhiev P. There are fewer Russians in Buryatia]. *Number one*. 19 January 2023. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/118643/?sphrase_id=15377231 (accessed: 30.01.2023) (in Russian).
20. Gur'yanov S. *Vse svoi: pochemu 16 mln. rossiyan ne zapolnili grafu «nacional'nost'»* [All their own: why 16 million Russians did not fill in the column "nationality"]. *Izvestiya – News*. 20 February 2023. URL: <https://iz.ru/1471862/sergei-gurianov/vse-svoi-pochemu-16-mln-rossiyan-ne-zapolnili-grafu-natsionalnost> (accessed: 19.02.2023) (in Russian).
21. Goryacheva M. A. *Dinamika vladeniya russkim yazykom v Rossiyskoy Federacii po dannym perepisey naseleniya 1989–2020 godov* [Dynamics of Russian language proficiency in the Russian Federation based on data of the 1989–2020 population censuses]. *Sociolinguistics*, 2023, no. 1(13), pp. 30–48. DOI: 10.37892/2713-2951-1-13-30-48 (in Russian).
22. *Buryatstat. V Buryatii v perechne nacional'nostey pojavilis' «metisyy» i «rossijane»* [In Buryatia, "mestizos" and "rossijane" appeared in the list of nationalities]. *Baikal daily*. 13.11.2012. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/56757/?ysclid=lt1e1jay8860989174> (accessed: 25.02.2024) (in Russian).

Erzhen V. Khilkhanova.

Doctor of philology sciences, associate professor, leading research fellow.

Institute of Linguistics RAS.

Bolshoy Kislovskiy lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru

Galina A. Dyrkheeva.

Doctor of philology sciences, chief researcher

Institute for Mongolian and Buddhist Studies RAS.

Sakhyanova str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: an5dag1@mail.ru

АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39, 81, 902, 903

В. В. Напольских

ПРАЕНИСЕЙСКИЙ «МАМОНТ» И ОКУНЕВСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ

В статье рассматриваются представления народов Сибири о мамонте, среди которых выделяется образ мамонта-рогатой рыбы, известный кетам, селькупам, обским уграм и эвенкам. Надежно реконструируется праенисейское **čer* ‘мамонт-рыба’, заимствованное из енисейских языков в языки тюрков юга Сибири и в эвенкийский, и его более глубокая этимология на прасино-кавказском уровне в связи с названиями червя, ящерицы, улитки и др. Кроме того, в мифологии отдаленно родственных енисейцам по языку народов сино-кавказского круга (китайцы, бурушаски и их соседи и др.) присутствует мифологема о превращении животного класса рыбы-ящерицы-змеи в драконоподобное существо. На основании этих данных реконструируется возникновение образа мамонта-рыбы в среде носителей енисейского праязыка после их проникновения в Сибирь на базе более древних сино-кавказских мифологических представлений. В иконографии окуневской культуры обнаруживаются изображения ихтиоморфов, которые структурно, композиционно и в деталях сходны с изображениями мамонта-рыбы у народов Сибири и представляют собой параллели к указанной мифологеме и эволюции образа мамонта-рыбы в духовной культуре носителей праенисейского языка. Кроме того, общая композиция окуневских стел обнаруживает разительное структурное сходство с композицией кетской сакральной иконографии, в том числе с образами ящерицы, надгробными сооружениями и шаманской символикой. Указанные параллели не имеют аналогов в культуре других народов Сибири и должны объясняться в контексте эволюции праенисейской и доенисейской мифологии. Имеются некоторые иконографические параллели в кетской традиции и в искусстве других близких к окуневской культур Сибири (прежде всего самусьской). В связи с этим есть основания предполагать, что в генезисе окуневской культуры принимали участие носители раннего енисейского праязыка. Последний тезис находит подтверждение в данных физической антропологии и генетики.

Ключевые слова: этническая история, этимология, сравнительно-историческое языкознание, мифология, иконография, енисейские языки, сино-кавказские языки, кеты, народы Сибири, окуневская культура, мамонт

Для енисейского праязыка реконструируется слово **čer* (по С. А. Старостину) / **tèkár* (по Г. Вернеру) ‘мамонт’ [1, с. 216; 2, с. 136] (далее для краткости я использую реконструкцию С. А. Старостина). Первоначально эта реконструкция основывалась на кетско-югской параллели: кет. *¹tēl* (Pl. *¹tēkŋ / tetn / tēlʌŋ*) ~ юг. *¹čel* (Pl. *¹čekŋ / čélŋ*) ‘мамонт’. Для понимания значения слова следует иметь в виду, что у кетов *тэль* – мифическое существо, гигантская рогатая рыба, которую кеты по-русски называют *мамонтом* и связывают с реальными останками мамонтов, находимыми в размывах речных берегов. *Тэль* упоминается в нескольких мифологических преданиях, где фигурирует наряду с другими монструозными существами (например, гигантская птица *даго*, которая находится с *тэль* в оппозиционных отношениях, это два супергиганта, ни один из которых не может победить другого). Причем роль *тэль* по отношению к герою (resp. к людям) можно определить как нейтральную или амбивалентную, но не враждебную (например, ее врагами выступают крайне злые и опасные для людей духи *литысь* [2, с. 44], у которых отнимает ее рог герой) [3, с. 218–220].

Праенисейская этимология получает поддержку в мертвом пумпокольском языке (или шире – аринско-пумпокольской группе). Надежно восстанавливается пумп. **k^her* ‘чудовище, гигантская рыба’, которое, хотя и не зафиксировано в известных списках пумпокольских слов, было заимствовано в саяно-алтайские тюркские языки, где употребляется в названиях разных монструозных мифологических гигантов: алт. *ker balyq*, хакас. *kir palyx* ‘кер-рыба’, алт. *ker jutpa* ‘кер-глот’, алт. *ker buqa*, хакас. *kir puqa* ‘кер-бык’, алт. *ker jylan*, хакас. *kir čilan* ‘кер-змей’ и т. п. Слово **ker* не имеет параллелей в тюркских языках и однозначно должно рассматриваться как заимствование [4].

Пумп. **k^her* точно соответствует кетско-югскому названию мамонта-рыбы (кет. **t-* ~ юг. **č-* ~ пумп. **k^h-* < ПЕН **č-*; кет., юг. *-l* ~ пумп. *-r* < ПЕН **-r* [5, с. 148–151, 156–157]) и, во-первых, позволяет уточнить облик праенисейского слова (кет.-юг. **-l'* может соответствовать ПЕН **-l* и **-r*, но пумп. **-r* однозначно указывает на ПЕН **-r* [5, с. 148–149]). Во-вторых, хакасские, алтайские и телеутские данные предоставляют дополнительную информацию об облике и функциях енисейского мамонта-рыбы¹: слово *ker* чаще всего используется здесь для обозначения гигантской рыбы (*кер-балык* или *кер-ютпа* ‘кер-глот’), способной проглотить героев и чуть ли не весь мир². *Кер-балык* (в хакасском еще и *кир-сортан* ‘кер-щука’), кроме того, играет важную роль в шаманизме: перед камланием шаман призывает *кер-балык* и трижды опоясывается ею или превращается в нее для путешествия в водном (нижнем) мире [6, с. 111, 120–121; 7; 8, с. 181–182; 9, с. 31–32]. Благодаря включению этого образа в шаманскую традицию у нас есть и изображения *кер-балык* на шаманских бубнах (см. рис. 1: 2).

Помимо саяно-алтайских тюрков, енисейского ‘мамонта-рыбу’ заимствовали эвенки: эвенк. *selī* (диал. *helī*) ‘мамонт’ (часто – особенно в шаманских представлениях – ‘мамонт-рыба’, см. ниже). Данное слово не имеет параллелей в других тунгусо-маньчжурских языках, и даже в эвенкийском его распространение, видимо, ограничено [10 (2), с. 140], что однозначно

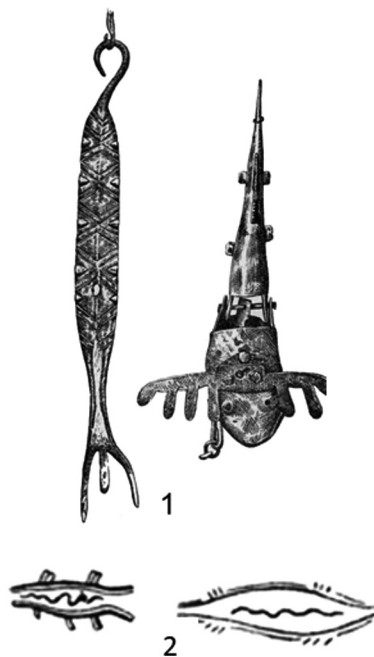

Рис. 1. Изображения, отражающие иконографию енисейского мамонта-рыбы у народов Сибири: 1 – подвески шаманского костюма эвенков, изображающие мамонта *сэли* [12, с. 141, табл. 1]; 2 – изображения *кер-балык* на телеутских шаманских бубнах (персонаж помещался в нижней, подземной части композиции; срединная линия внутри тела рисуется красным и изображает внутренности *кер-балык*, которыми опоясывается шаман) [6, с. 111, рис. 9]

¹ Поскольку ни образ *кер-балык*, ни слово **ker* не имеют внятных параллелей у тюрков за пределами саяно-алтайского региона, где их следует возводить к енисейскому (аринско-пумпокольскому) субстрату, основания для транспонирования характеристик этого образа на енисейскую традицию представляются достаточными.

² Вероятно, *чудо-юдо рыба кит* в «Коньке-Горбунке» – образ, не имеющий прямых параллелей в русском фольклоре, – тоже заимствован уроженцем Западной Сибири П. П. Ершовым из фольклора сибирских народов (библейская история Ионы далека от данного сказочного сюжета, да и роль *рыбы кита* в сюжете «Конька-Горбунка» полностью совпадает с ролью *кер-ютпа/кер-балык* алтайских эпических сказаний [4, с. 69]).

указывает на его заимствованное происхождение³. Конкретный енисейский язык-источник здесь установить сложнее, чем случае с пумп. **k^her*: следует предполагать взаимодействие эвенкийского с неизвестным нам енисейским языком с развитием **čer > *seĭ / *šeĭ* (ПЕН **č-* > *š-/s-*, как в аринском или в раннем коттском, а **-r* > *-ĭ*, как в кетском) [9, с. 35–36]. Поскольку мамонт *сэли* играет важную роль в шаманизме ряда эвенкийских групп как один из духов-помощников шамана, известно довольно много его изображений [12] (см. рис. 1: 1); соответственно, и здесь у нас есть иконографические источники⁴. Для дальнейшего изложения интересно, что, например, у верхнеамурских эвенков-орочонон *сэли* объединяется с лягушкой и змеей в числе благожелательных духов-помощников шамана в нижнем мире (мамонт и змея боролись в эпоху сотворения мира, создали неровности земного рельефа и оказались в конце концов под землей) [14, с. 20–21].

Тот факт, что дериваты ПЕН **čer* были как минимум дважды заимствованы в языки соседей енисейцев, свидетельствует, что именно енисейские народы были по крайней мере одним из источников распространения образа мамонта-рыбы в Сибири. Вообще мамонт известен по всей Сибири: люди находили (и находят) бивни в земле, в речных размывах и т. д. и используют этот ценный материал для изготовления разных изделий. Объяснением появления огромных «рогов» (манс. **māŋ ānt* ‘земляной рог’, откуда происходит и рус. *мамонт* [15, с. 353]) или «зубов» в земле служат представления о гигантском существе, которое живет под землей, а когда оно шевелится, происходят колебания земли. О происхождении этого существа и его облике в Сибири существуют три версии [12]: а) подземный бык; б) невероятно долго живущая огромная рыба (обычно щука), обросшая рогами, в) «мамонт как таковой» – более или менее аутентичное представление о мамонте, сложившееся в Восточной Сибири благодаря находкам целых туш животного в вечной мерзлоте (не исключено и знакомство предков юкагиров и чукчей с реликтовыми мамонтами, популяция которых сохранялась на о. Врангеля, возможно, еще 3–5 тыс. лет назад) [4, с. 67] (см. рис. 2). Как видим, представления о мамонте-рыбе (если элиминировать заимствованного эвенкийского *сэли*) известны народам довольно ограниченного ареала: обским уграм (манс. *wit-kaś*; хант. *wes*), селькупам (*kośar*) и кетам (*tēl*), причем обским уграм и селькупам известен и мамонт-бык, и только для кетско-югского названия мамонта у нас есть надежная этимология.

Истоки обско-угорских и селькупского мамонта-рыбы пока не ясны (следует, однако, заметить, что селькупская традиция в этом, как и во многих других аспектах, очень близка к кетской), но каких-либо более древних корней (прауральских, например) у них не видно. В противоположность этому ПЕН **čer* ‘мамонт-рыба’ имеет, видимо, достаточно древние, доенисейские истоки. Этимология этого слова, скорее всего, восходит к сино-кавказскому корню **čHirV[ʁ]V* ‘улитка, гусеница, ящерица; линия’ [16]. Развитие значения объясняется тем, что в традициях носителей сино-кавказских языков и их соседей (буриши, соседствующие с ними народы Гиндукуша, китайцы и т. д.), по-видимому, с глубокой древности существовала мифологема о превращении долго живущей рыбы или змеи (значения, которые можно предполагать для сино-кавказского **čHirV[ʁ]V*⁵) в драконоподобное существо (*hargin* у буришей; карп,

³ Впервые предположение о енисейском происхождении эвенкийского названия мамонта с оговорками высказано К. Менгесом [11, с. 176–177] (благодарю Е. Н. Дувакина за указание на эту работу).

⁴ Большую ценность представляет сводка возможных археологических изображений мамонта в разных его ипостасях и этнографических изображений в статье А. Л. Заики [13], в которой, помимо прочего, выдвинуто предположение о связи окуневских ихтиоморфов (см. ниже) с мамонтом-рыбой в кетской и других сибирских традициях. К сожалению, я познакомился с этой интереснейшей работой только в процессе написания данной статьи благодаря указанию Е. Н. Дувакина.

⁵ Совершенно очевидно, что **čHirV[ʁ]V* не следует однозначно соотносить с определенным классом животных в нашей современной классификации. Речь идет об иной классификационной системе, в которой улитка, гусеница, червь, змея, ящерица, рыба объединяются как близкие по форме и образу жизни хтонические существа – необязательно враждебные человеку, но имеющие отношение к водному, нижнему, подземному миру (см. также ниже).

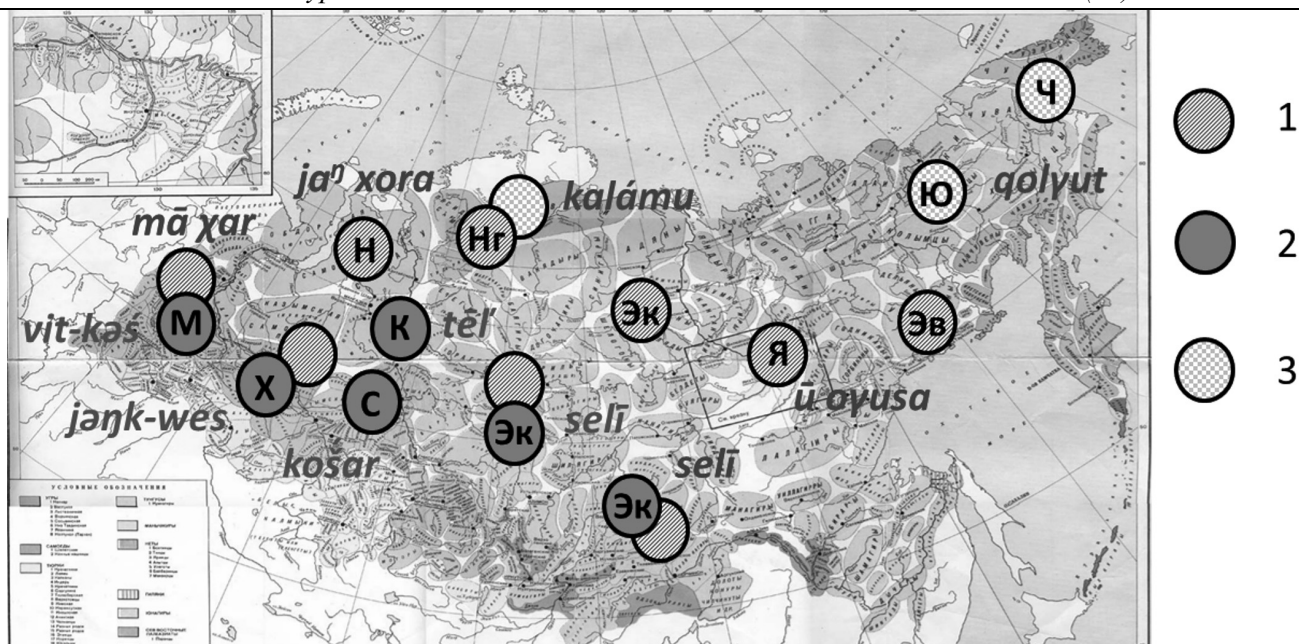

Рис. 2. Варианты образа мамонта у народов Сибири (по [12]): 1 – мамонт-подземный бык; 2 – мамонт-рыба; 3 – «мамонт как таковой». Народы: К – кеты, М – манси, С – селькупы, Н – ненцы, Нг – нганасаны, Х – ханты, Ч – чукчи, ЭК – эвенки, ЭВ – эвены, Ю – юкагиры, Я – якуты

проходящий «Драконьи ворота» на Хуанхэ у китайцев и др.). После проникновения сино-кавказских предков енисейцев в Сибирь и знакомства с останками мамонтов именно в их среде на базе таких старых представлений, очевидно, произошло формирование образа мамонта-рыбы, затем широко распространившегося под их влиянием в Сибири [9].

Таким образом, у нас есть все основания предполагать глубокую древность образа мамонта-рыбы в культуре носителей енисейских языков и связывать его генезис в Сибири именно с енисейцами. Такая привязка специфического и яркого мифологического образа к древнейшим носителям енисейских языков дает возможности для поиска иконографических параллелей в памятниках древних культур и в случае обнаружения таковых – для постановки вопроса о принадлежности языка создателей этих культур к енисейской семье или к близкой к ней другой сино-кавказской группе. Проблема в том, что изображения мамонта-рыбы у кетов неизвестны. Естественно, это не означает, что у других енисейцев или у кетов в древности таких изображений не было: следует иметь в виду, что кетская (и югская) культура представляет собой крайнюю северную периферию енисейского мира и, очевидно, пережила известную трансформацию при продвижении ее носителей на север, к Полярному кругу.

Однако образ мамонта-рыбы, заимствованный на юге у енисейцев эвенками (*сэли*) и алтае-саянскими тюрками Сибири (*кер-балык*), хорошо вписан в систему шаманских представлений этих народов (что естественно, поскольку шаманизм охотно адаптирует заимствования). Благодаря этому имеются и изображения, которые, вероятно, так или иначе отражают представления об облике этого существа, изначально характерные для енисейских народов (см. рис. 1). Имея в виду описанные выше доенисейские истоки образа, можно предполагать, что более древние варианты таких изображений могли быть связаны с мотивом превращения рыбы/змеи в мифическое существо.

Полагаю, что искомые параллели можно найти среди изображений на древних каменных изваяниях окуневской культуры XXVI–XVIII вв. до н.э. (три из них сравнивал с мамонто-рыбой А. Л. Заика [13, с. 97–98, 103]). Сразу необходимо сделать две оговорки. Во-первых, на сегодняшний день проблема культурной принадлежности стел с личинами из Минусинских

котловин может, видимо, считаться снятой. Если несколько десятилетий назад их связь с погребальными/поминальными памятниками окуневской культуры еще можно было ставить под сомнение, хотя никаких позитивных аргументов в пользу отнесения их к иной культуре и раньше не было, то сегодня, после обнаружения в окуневском могильнике Итколь II [17, с. 119–123] предметов мелкой пластики, которые стилистически точно соответствуют каменным стелам с личинами, привязку каменных изваяний Минусинских котловин именно к окуневцам можно считать несомненной. Вторая проблема – источниковедческая: поскольку у нас практически нет или чрезвычайно мало сколько-нибудь сопоставимых с окуневскими памятников искусства, принадлежащих другим древним археологическим культурам Сибири (единственное, наверное, исключение – самусьская культура, о ней будет упомянуто ниже), нельзя быть уверенным, что интересующие нас сюжеты не были известны носителям других традиций и, соответственно, что наши языковые привязки относятся исключительно к окуневскому населению. Однако позитивный результат нижеследующих сопоставлений остается в силе: связь окуневского искусства и отраженных в нем образов с праенисейскими мифологическими представлениями выглядит весьма вероятной⁶.

Первое интересующее нас изображение – странное существо, напоминающее рыбу (типа сома или налима) или червя (далее называем его ихтиоморф) на стеле с правого берега р. Бюра («бюрский баран» [18, с. 54, 142, табл. LI/III], см. рис. 3: 1). Интересно, что Э. Б. Вадецкая в своем обзоре окуневских изваяний об этом изображении, по сути, ничего не говорит, помещая стелу среди изображений баранов и ограничиваясь странным описанием: «на более узкой грани стелы высечены две нереалистические сложные личины» [18, с. 54], видимо, под одной из этих «личин» и кроется наш ихтиоморф. Между тем эта фигура не единична: имеется еще окуневское изваяние из поминальника таштыкской культуры на левом берегу р. Белый Июс [19, с. 222, рис. 288] (рис. 3: 2). И здесь в публикации, специально посвященной анализу окуневских изображений, находим странную аттестацию ихтиоморфа: «в наголовье <личины> – изображение Мирового столпа» [19, с. 102]. Впрочем, данное определение вполне согласуется с предлагаемой авторами интерпретацией всех окуневских изображений в духе «пространственно-временной модели мира», «трехчастного деления Вселенной» и (куда ж без него) «мирового столпа». Обсуждать эти размышления не имеет смысла. Важно, что оба ихтиоморфа помещены в одном месте, над личиной, мордой вниз, явно играют одну и ту же роль в композиции и достаточно близки друг другу в деталях – вплоть до совпадения количества выступов по бокам туловища: три с одной стороны и два с другой. Интересно, что такое же количество плавников имеют изображения *кер-балык* на телеутских бубнах, что соответствует реальной анатомии рыб (спинной и жировой плавники на спине и грудной, брюшной и анальный на брюхе). Не исключено, что и у окуневских ихтиоморфов так показаны плавники.

Видимо, третье изображение ихтиоморфа – на изваянии Хыс-тас с оз. Черного (рис. 3: 3). Здесь ихтиоморф уже не имеет морды и глаз, как на предыдущих, и вообще слабо узнаваем, но обращает на себя внимание сходство нижней его части с усами или щупальцами второго ихтиоморфа. Эти «щупальца» дают основания видеть в ихтиоморфах не обязательно рыбу, а, возможно, более сложное фантастическое существо, соединяющее в себе рыбу и червя или

⁶ Сразу следует сделать еще одну методологическую оговорку. Я предполагаю сравнивать (или, по крайней мере, исходить из сравнения) материал однотипных источников – иконографию в ее конкретно-образном и функционально-структурном аспектах. К сожалению, обычно в интерпретации окуневских изображений (да и не только их) применяется некорректный, на мой взгляд, подход, когда для объяснения иконографии используются вербальные источники, что предполагает претензию на первоначальное «прочтение» древних изображений. Такое прочтение, как правило, сводится к приписыванию этим изображениям однообразных «космических кодов», а круг привлекаемых текстов бывает максимально широк, причем включает в себя никак не связанные с изучаемой территорией и анахронистичные источники (особенно почему-то популярны Ригведа, формировавшаяся у предков индо-ариев на северо-западных пределах Южной Азии в середине – второй половине II тыс. до н. э., Махабхарата, созданная в Индии ближе к рубежу эр, и даже Калевала, написанная Элиасом Леннрутом в начале XIX в.).

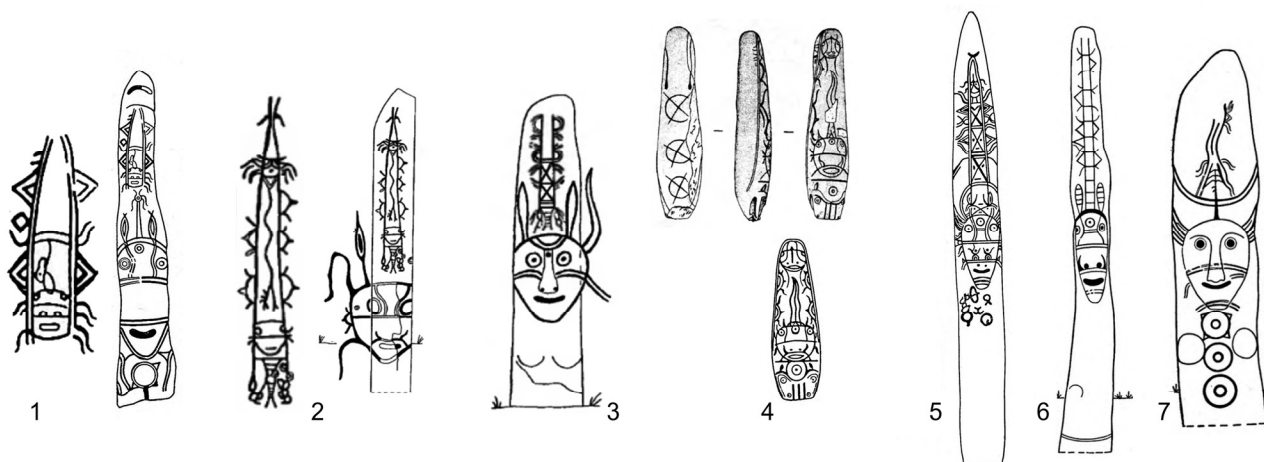

Рис. 3. Ихтиоморф и его эволюция на окуневских стелах: 1 – изваяние с правого берега р. Бюря («личина барана и две личины человека») [18, с. 142, табл. LI/III], слева – увеличенное изображение ихтиоморфа; 2 – изваяние из поминальника таштыкской к-ры на левом берегу р. Белый Июс [19, с. 222, рис. 288], слева – увеличенное изображение ихтиоморфа; 3 – «изваяние Хыс-тас» с оз. Черного (Ширинский р-н, Республика Хакасия) [19, с. 119, рис. 36], изображение ихтиоморфа над личиной более схематично, но близко к номеру 2; 4 – «личина на небольшом камне» (случайная находка у оз. Ши́ра) [18, с. 142, табл. LV/143; 19, с. 158, рис. 143]; 5 – стела «Кеме-тас» с левого берега р. Белый Июс [18, с. 142, табл. LI/110]; 6 – изваяние с чаатаса на левом берегу р. Ташеба [18, с. 137, табл. XLVI/86]; 7 – изваяние с левого берега р. Бюря близ ст. Ербинской [18, с. 129, табл. XXXVIII/47]

членистоногое, и это наблюдение согласуется с сино-кавказской этимологией енисейского **šer*, которая указывает на происхождение этого слова от обозначения хтонического существа класса «гусеница-змея-ящерица-рыба» (см. выше и ниже). Следующее изображение на случайной находке у оз. Ши́ра (рис. 3: 4) интересно тем, что в нем можно видеть уже соединенного с личиной ихтиоморфа, а форма артефакта напоминает рыбу.

Обращает на себя внимание и еще одно сходство рассмотренных изображений с телеутскими бубнами: заканчивающаяся пастью продольная линия внутри второго ихтиоморфа, напоминающая змею (рис. 3: 2), и срединная линия на изображениях *кер-балык* (рис. 1: 2). Эту линию, обозначавшую внутренности рыбы, на бубнах рисовали красным, и она имела особое значение, символизируя роль *кер-балык* как пояса, который надевает на себя шаман [6, с. 120–121] (об этом мотиве см. еще [9, с. 31–33]). Линия-змея на окуневских стелах встречается в сочетании с личинами примерно в той же композиции, что и ихтиоморфы, или самостоятельно, нередко завершаясь хорошо проработанной головой змеи или дракона с открытой пастью (иногда трудно установить подробности в силу плохой сохранности памятника) – см. [19, с. 125, 135, 164, 188, рис. 54, 77, 165, 208] и др. Причем в ряде композиций она превращается в волнистую линию с развилкой, которая сливается с личиной (см. рис. 4). Аналогичным образом в ряде изображений можно видеть слияние ихтиоморфа, точнее, условного изображения, повторяющего некоторые его черты, с личиной, в результате чего образуется так называемый высокий головной убор. Например, на стеле с левого берега р. Белый Июс (рис. 3: 5) еще видны плавники и даже точно обозначенные глаза и рот ихтиоморфа, а на изваянии с чаатаса на левом берегу р. Ташеба (рис. 3: 6), как и на многих других, от ихтиоморфа осталась только полоса с орнаментальным рядом треугольников, трактуемая как «головной убор». Интересно, что

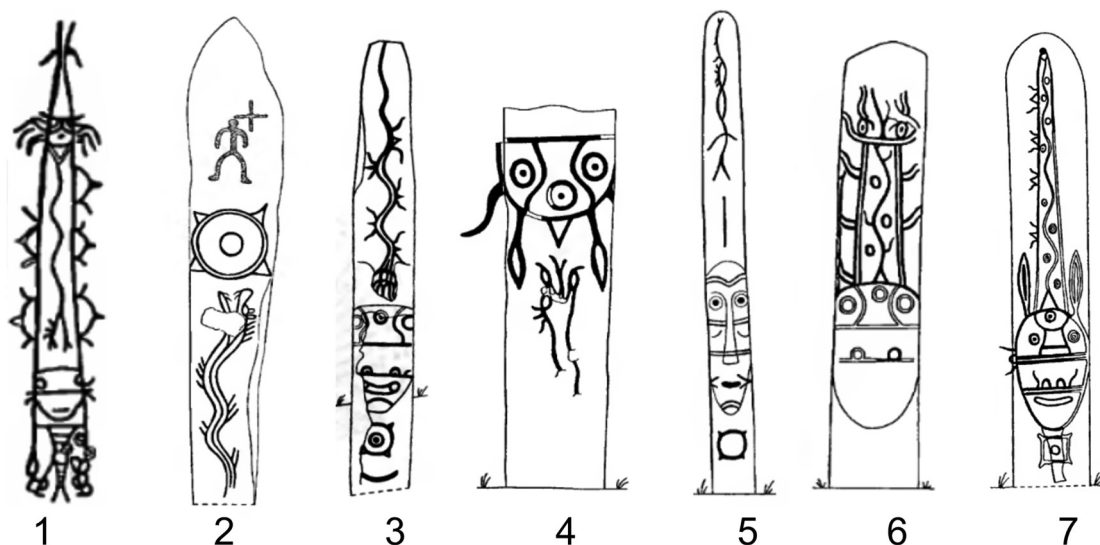

Рис. 4. Срединная линия-змея на окуневских изваяниях: 1 – ихтиоморф со стелы из поминальника таштыкской к-ры на левом берегу р. Белый Июс (рис. 3: 2) [19, с. 222, рис. 288]; 2 – изваяние из улуса Кызлас (Аскизский р-н, Республика Хакасия) [19, с. 188, рис. 208]; 3 – второе изваяние кызылкульского чаатаса (Абаканский р-н, Республика Хакасия) [19, с. 167, рис. 172]; 4 – изваяние с кургана на левом берегу р. Уйбат [19, с. 164, рис. 165]; 5 – изваяние у с. Усть-Есь (Аскизский р-н, Республика Хакасия) [19, с. 145, рис. 108]; 6 – изваяние с кургана в устье ручья Тибик, правого притока р. Уйбат [19, с. 125, рис. 55]; 7 – изваяние с кургана в урочище Кюрген-Тигей (Алтайский р-н, Республика Хакасия) [19, с. 127, рис. 58]

никаких следов высоких головных уборов в окуневских могилах, кажется, не обнаружено, но имеются изображения антропоморфных фигур в таком головном уборе (рис. 5)⁷. Вероятно, это обстоятельство указывает на то, что либо «высокий головной убор» представлял собой специфическую деталь ритуального⁸ костюма (ср. одежду персонажа на рис. 5: 1), которая не попадала в погребения⁹, либо персонаж в «высоком головном уборе» был сугубо фантастической фигурой, мифологическим персонажем. Второе предположение кажется не менее вероятным, чем первое, поскольку на стелах личина, над которой возвышается головной убор (если ее вообще следует связывать с человеком), как правило, представляет собой совершенно фантастическое изображение, результат художественной деконструкции антропоморфного образа, возможный разве что в модернизме XX в.¹⁰. Для бронзового века здесь следует пред-

⁷ Следует, однако, заметить, что на этих изображениях головные уборы не имеют никаких выступов, соответствующих треугольникам-плавникам, имеющимся на стелах. По-видимому, эти выступы на стелах появились не вследствие попытки изобразить реальный головной убор, а имели символическое значение, отражая тот мифологический образ, который стоит за данным изображением.

⁸ Здесь можно было бы написать, как это часто делают, слово «шаманского». Я, однако, предпочитаю воздерживаться от такой формулировки, поскольку, во-первых, полагаю, что шаманизм представляет собой вполне определенное и специфическое явление, и не хочу употреблять этот термин расширительно, а во-вторых, не считаю обоснованным распространенное представление об исключительной древности сибирского шаманизма.

⁹ В этом случае, по-видимому, сильно уменьшаются шансы того, чтобы считать стелы изображениями «вождей» или «старейшин», как это иногда предполагалось.

¹⁰ Большинство личин имеют третий глаз, странные выросты на голове, множественные обозначения носа и рта (см. рис. 3: 1, 2, 4-6; 6:1, 2). Это особенно показательно, поскольку есть случаи, когда изображение носит явно антропоморфный характер, и все эти элементы на нем выражены гораздо слабее или отсутствуют (см. рис. 3: 7). Аналогичные наблюдения можно сделать и в отношении ихтиоморфов: здесь перед нами тоже мифологическое существо, поскольку реальные животные на окуневских стелах (быки, бараны, хищники) изображаются вполне

полагать скорее мифическое существо (или, что, собственно говоря, то же самое, человека в маске мифического существа). В пользу того, что персонаж в «высоком головном уборе» – персонаж мифологии, свидетельствует и помещение его рядом с «солнцеголовым» персонажем (рис. 5: 1), которого уже гораздо сложнее рассматривать как обычного человека¹¹.

Рис. 5. Длинноголовый персонаж в окуневской иконографии: 1 – изображения, нанесенные охрой в устье р. Кантегир [19, с. 18, рис. 5]; 2 – фрагменты стелы из кургана Тас-хазаа (Бейский р-н, Республика Хакасия) [19, с. 195, рис. 220]

Пытаться дать какую-либо развернутую интерпретацию всей стандартной композиции на окуневских стелах с ихтиоморфами или их реликтами не имеет смысла: вряд ли мы когда-либо сможем раскрыть ее. Гораздо интереснее попытаться рассмотреть эту композицию как целое и сопоставить с примерами этнографической иконографии. Такое обобщение представлено на рис. 6: 4: фантастическая личина, как правило, оформляется «высоким головным убором» в виде прямого, обычно орнаментированного элемента, поднимающегося над головой (структурно на некоторых изображениях ему соответствует наш ихтиоморф), изогнутыми «рогами» или «ушами» по бокам от него и линией с опускающимися концами, пересекающей личину посередине. Сбоку от личины могут присутствовать солярные знаки (иногда такой знак есть и внизу – рис. 6: 1) и фигуры животных (быков или лошадей). Не пытаюсь интерпретировать эту схему в духе спекулятивных конструкций вроде «картины мира», «мирового древа» или «шаманского ритуала», нельзя не заметить, что вся композиция поразительно близка известным нам образцам кетской сакральной иконографии. На рис. 7: 2, 3, 5 показаны типичные изображения на спинках нарт и на «наддверных досочках» над входом в каюты

реалистически и узнаваемо (ср. хотя бы голову барана на стеле с первым ихтиоморфом – рис. 3:1, даже саму эту стелу Э. Ю. Вадецкая аттестует как «личину барана» или «бюрьского барана» [18, с. 54, 82, 142].

¹¹ Солнцеголовый персонаж (для него имеются еще хорошие параллели в самусьской культуре) очень похож на изображения шаманов на кетских бубнах [20, с. 157–159]. Если и в окуневской иконографии это изображение какого-то исполнителя магического или религиозного действия, то антропоморф в высоком головном уборе тем более должен интерпретироваться как подобный персонаж, но выполняющий другую функцию, или опять-таки как мифологическое существо.

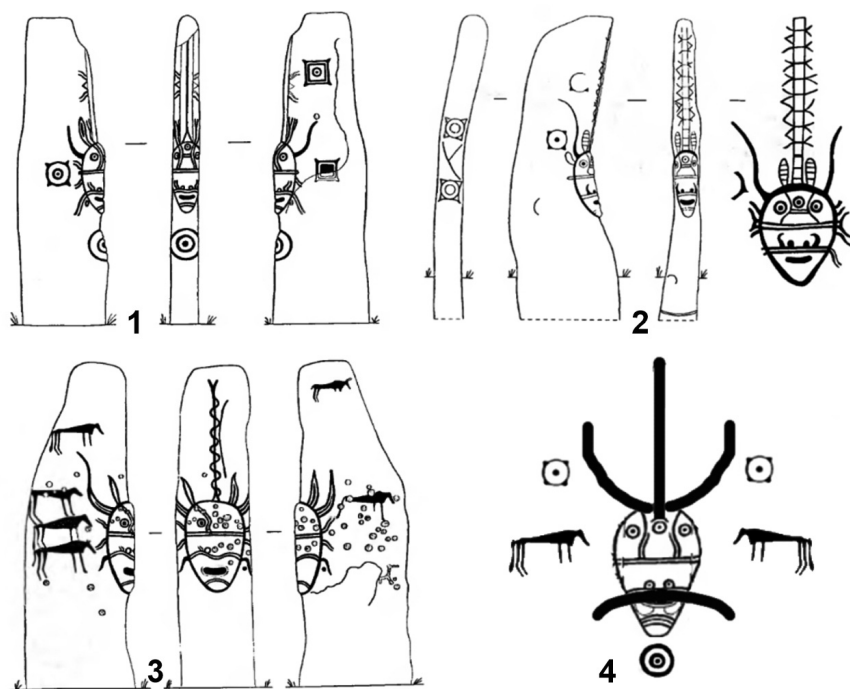

Рис. 6. Общая схема окуневской композиции с личиной: 1 – первое изваяние Ташебинского чаатаса (г. Абакан) [19, с. 132, рис. 69]; 2 – изваяние с оз. Черного (Ширинский р-н, Республика Хакасия) [19, с. 137, рис. 84]; 3 – третье изваяние Ташебинского чаатаса (г. Абакан) [19, с. 138, рис. 86]; 4 – общая структура окуневской стелы с личиной

в жилых лодках кетов. В центре располагается символическая фигура, структурно абсолютно схожая с окуневской композицией. В ряде случаев эта фигура аттестуется самими кетами как шаман или специально первый шаман *Doh*. Подобное изображение летящего шамана имеется и на шаманских плащах (рис. 7: 7), а вся схема повторяется в шаманских жезлах, служивших также знаменами-флюгерами на жилых лодках (рис. 7: 6) [21, с. 61–64]. Однако как минимум в одном из нескольких известных мне случаев этот образ назван «ящерицей» (рис. 7: 3), и эта аттестация подтверждается наличием у кетов орнамента с устоявшимся названием «ящерица», который в точности повторяет рисунок нашей схемы (рис. 7: 4); кроме того, металлическое изображение ящерицы помещается на всех шаманских колотушках на границе черной (земля) и красной (небо) ее половин: ящерица является полезным, благожелательным по отношению к людям существом [21, с. 17, 34, 64]¹². Как было показано выше, сино-кавказский прообраз енисейского мамонта мог представлять собой не обязательно рыбу, но существо класса «гусеница-змея-ящерица-рыба»¹³, и соотнесение рассматриваемой схемы с ящерицей укладывается в рамки нашей гипотезы о связи окуневских ихтиоморфов с кетским мамонтом.

¹² Такая трактовка образа ящерицы не очень типична для народов Сибири: чаще она наряду с другими хладнокровными животными рассматривается как опасное существо. К сожалению, на рисунке в статье Анучина [21, с. 34, рис. 1] фигурка ящерицы дана очень мелко, и реальный ее облик трудно себе представить. Возможно, в музейных коллекциях удастся обнаружить эти изображения, и они смогут дополнить наши наблюдения.

¹³ Кет. *tu/n⁵* (Pl. *tu/nəŋ⁵*) ~ юг. *tu/ŋ⁵* (Pl. *tu/ŋ⁵lin⁵*) 'ящерица' С. А. Старостин возводит к ПЕН **cVrV* / **ʒVrV*, включая в это этимологическое гнездо и котт. *d'era* (Pl. *d'etn*, *d'erān*), *d'ira* (pl. *d'itn*) 'ящерица' с комментарием: «сближение возможно, только если допустить нерегулярное колебание **c-/ʒ-* в анлауте ПЕН» [1, с. 215]. Г. Вернер реконструирует на основе кетского и югского слов ПЕН **tu/ŋ⁵əl* / **tu/ŋ⁵ələn* 'ящерица', а котт. *d'era* 'ящерица' скорее склонен сравнивать с кет. *ʔlʔl'* (Pl. *ltn*); юг. *ʔlʔl'* (Pl. *ltn* / *llin*); арин. *kere* 'лягушка' < ПЕН **əʔl* *(*k*)ələ / *(*d*)ələ [2, с. 142] (у Старостина [1, с. 295] кет. *ʔlʔl'*, юг. *ʔlʔl'*, арин. *kere* 'лягушка' не сравнивается с котт. *d'era* и возводится к ПЕН

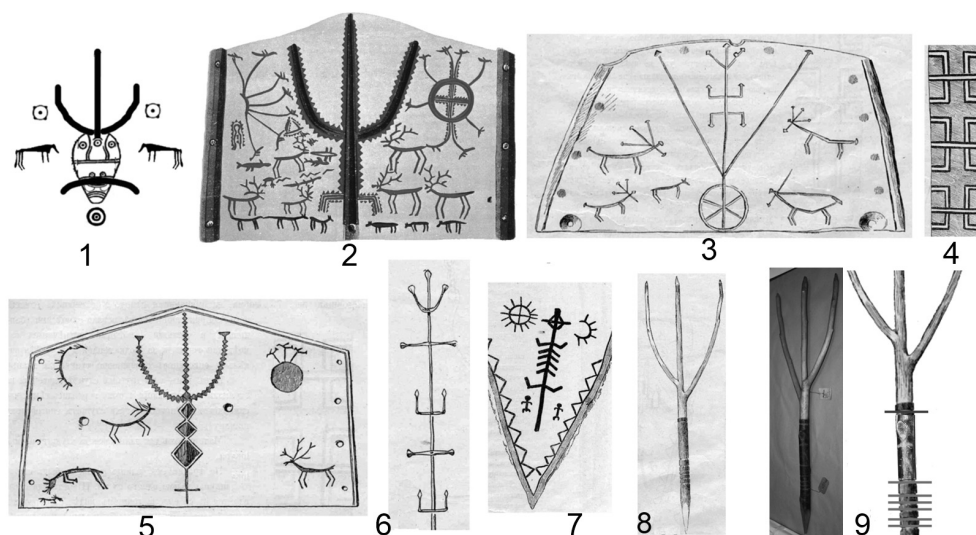

Рис. 7. Кетские изобразительные артефакты с параллелями в окуневской иконографии: 1 – общая структура окуневской стелы с личиной (см. рис. 6); 2 – спинка кетской нарты «с изображением Вселенной» из Красноярского краевого краеведческого музея [28], хорошо известна, поскольку неоднократно использовалась в оформлении обложек книг (например [3]); 3 – наддверная досочка каюты на илимке кетов с изображением «ящерицы» [21, с. 69, рис. 70]; 4 – кетский орнамент «ящерица» [21, с. 70, рис. 71]; 5 – наддверная досочка каюты на илимке кетов [21, с. 69, рис. 69]; 6 – кетский шаманский жезл [21, с. 61, рис. 59]; 7 – рисунок на спине кетского шаманского «плаща», трактуемый как изображение шамана [21, с. 73, рис. 74]; 8 – традиционное кетское надгробие, деревянная развилка-трезубец, устанавливаемая над могилой умершего от эпидемической болезни [21, с. 71, рис. 72]; 9 – современное фото того же кетского надгробия из Кунсткамеры (МАЭ 1048-16; предоставлено Е. Н. Дувакиным) и его увеличенная средняя часть с антропоморфным изображением, линии подчеркивают кольцевые надрезы коры, символизирующие семь миров; очевидно структурное сходство со схемой 1 (рис. 6: 4)

Особый интерес представляет собой описанный В. И. Анучиным кетский надгробный знак в виде деревянного трезубца, который втыкали над могилами умерших от эпидемий. Приведенный им рисунок (рис. 7: 8) дает неполное представление об этом знаке. Согласно описанию В. И. Анучина [21, с. 67], на основном стволе ниже развилки оставляли кору, на которой вырезали шесть колец, символизирующих подземные и земной миры, выше их – седьмое, символизирующее небо, а между шестым (земным) и седьмым (небесным) вырезали «человекоподобное изображение». Е. Н. Дувакин любезно предоставил мне фотографию описанного В. И. Анучиным трезубца, сохранившегося в коллекциях Кунсткамеры (МАЭ 1048-16), на которой видна эта антропоморфная фигура (см. рис. 7: 9). Если на месте этой фигуры представить личину, то сходство кетского надгробного трезубца с композицией окуневских стел станет разительным. Это сходство важно для нас, во-первых, потому что сами окуневские стелы могут интерпретироваться как надмогильные сооружения и, во-вторых, потому что подобных надгробных знаков, кажется, не знали никакие другие народы Сибири, кроме кетов.

*xəʔr 'лягушка', трактуемому как оноματοпозитическая основа с параллелями в ПСК *q̄wVr̄qV̄ 'лягушка' (авар. q̄:werq̄: и др.), др.-лит. *kwr̄ēk 'лягушка'). Как видим, фонетические соответствия этих корней нетривиальны, и здесь, безусловно, имеет место какая-то путаница. Судя по формам множественного числа, можно предположить, что 'ящерица' (кет. *tułn̄s*, Pl. *tułn̄əŋs*) и 'мамонт' (кет. *ʔtēl*, Pl. *ʔtēkŋ / tētn / tēlan*) могут представлять собой суффиксированные образования от одной основы, которой обозначалось существо класса «гусеница-змея-ящерица-рыба». В этом плане особенно интересно арин. *kere* 'лягушка', которое может прямо соответствовать пумп. *kʰer 'мамонт-рыба' и включаться, таким образом, в этимологическое гнездо 'мамонт', отражая изначальную семантику корня.

В целом приведенный материал свидетельствует, на мой взгляд, о достаточно показательном сходстве изображений мамонта-рыбы у сибирских народов и образов окуневской иконографии, а также о специфических параллелях в композиции окуневских стел и в кетской иконографии (как в отдельных образах, так и в общей структуре и функциях). Конечно, предлагаемые здесь трактовки, как и любые интерпретации такого рода, остаются достаточно гипотетическими, но во всяком случае они выглядят предпочтительнее выдвигавшихся прежде туманных предположений об изображениях на окуневских изваяниях «шаманов» или «вождей» в фантастических «головных уборах» или с «мировым столпом» на макушке.

Образ мамонта-рыбы и термины, его обозначающие, имеют в интересующих нас случаях енисейское происхождение, и именно с носителями енисейского праязыка можно связывать сложение этого образа и распространение его в Сибири. Только в кетской традиции (несмотря на сильную трансформацию, которую она пережила при переселении вниз по Енисею предков кетов, представляющих собой северную периферию древнего енисейского культурного мира) обнаруживаются системные параллели с окуневской иконографией. Эти выводы дают серьезные основания предполагать, что создатели окуневской культуры (или, по крайней мере, одна из групп, внесших вклад в формирование феномена окуневского искусства, см. [17, с. 119–127]) имели отношение к носителям енисейского праязыка на ранней стадии его существования (отделение праенисейского от бурушаски по глоттохрологии – VII тыс. до н. э., а распад праенисейского – 2-я четверть I тыс. до н. э. [22]). Думаю, что эти выводы согласуются и с другими параллелями в кетской и окуневской иконографии, на которые указывали коллеги. В частности, уже упомянутые выше антропоморфные изображения с лучами на голове на кетских шаманских бубнах [20, с. 157–159] имеют яркие аналоги среди окуневских личин (см. [18, с. 123, 126, табл. XXXII, XXXV]), а также, что особенно интересно в свете сделанной в начале статьи оговорки об ограниченности иконографических источников по другим древним культурам Сибири, – в искусстве самусьской и каракольской культур [17, с. 130].

Особую остроту в свете этих параллелей представляет дискуссия о происхождении окуневского населения и об оставленных им ярких памятников. С одной стороны, нельзя не прислушаться к выводам археологов о том, что «не было никаких неолитических племен, долгое время осваивающих скотоводство и металлургию, а был приход в Минусинские котловины новых коллективов, несущих во многом отличную культуру. Причем по характеру своего хозяйства они были такими же скотоводами, как и афанасьевцы, и не могли занимать иную экологическую нишу», а памятники окуневского искусства (личины, солнцеголовые персонажи, сложные стелы) «никаким образом не могут быть развитием неолитического искусства. Все эти признаки доказывают сложение окуневской культуры в результате очередного миграционного импульса» [17, с. 83]. С точки зрения изложенной выше гипотезы доенисейских сино-кавказских истоков образа рыбы-мамонта **čer* эти выводы можно было бы интерпретировать как свидетельство прихода в Сибирь носителей предкового по отношению к праенисейскому сино-кавказского языкового элемента (истоки этой миграции можно связывать с регионами Центральной Азии, где сохранился ближайший к енисейским язык бурушаски), носителей скотоводческой культуры бронзового века, принесших новую своеобразную мифологию и иконографическую традицию. Этот импульс должен был дать начало не только окуневской, но и близким к ней другим культурным традициям этого же времени (самусьской, каракольской, чемурчекской) [17, с. 128–130, 314–316], памятники которых, пусть не столь яркие, тоже демонстрируют определенные параллели с кетскими материалами. Дальнейшую историю языковых предков енисейцев можно было бы связывать с участием постокуневского населения в сложении карасукской культурной традиции (см. историографический обзор и современный анализ проблемы в [17, с. 244 pass.]), в которой давно было предложено видеть позднюю праенисейскую общность [23] (об этой гипотезе с точки зрения лингвистики и дискуссии по этому поводу см. [24, с. 72 pass.]).

С другой стороны, поскольку второе направление связей енисейских языков уводит нас далеко на северо-восток – к языкам семьи на-дене (оценку новейших попыток сблизить эти семьи внутри дене-кавказской общности см. в [25]), нельзя оставить без внимания очевидные факты интереснейших схождений между окуневцами и североамериканскими индейцами по данным физической антропологии и генетики (Y-хромосомная гаплогруппа Q и «древнесеверноевразийский» (ANE) аутосомный компонент), причем, по крайней мере по генетическим показателям, с этими популяциями сближаются также кеты («америндская» гаплогруппа Q в Евразии представлена прежде всего у кетов и селькупов) и карасукцы, а древнейшим известным носителем ANE являются субъекты со стоянок Мальта (на р. Белой, левом притоке Ангара, около 24 тыс. лет назад) и Афонтова гора (на верхнем Енисее, около 17 тыс. лет назад, – на Афонтовой горе зафиксирована и гаплогруппа Q) [26, 27]. Суть возражений против наблюдений и выводов А. Г. Козинцева [17, с. 132–135] сводится к указанию на ограниченность палеоантропологических материалов по неолиту верхнего Енисея, и вызваны они прежде всего тем, что археологические данные достаточно решительно указывают на сложение окуневской культуры в результате миграционного импульса. Однако и оппоненты А. Г. Козинцева признают, что гаплогруппа Q присутствует даже у части (позднего) афанасьевского населения, а у окуневцев становится господствующей [17, с. 51–52, 135]. Таким образом, генетика и палеоантропология противоречат однозначному решению о миграционном генезисе окуневского феномена, и не менее вероятной следует считать возможность происхождения рассмотренных в этой статье образов из культуры древнего аборигенного населения енисейского региона. Отсутствие иконографических свидетельств более раннего (неолитического) времени в этом случае следует объяснять культурным взрывом, произошедшим в начале окуневской эпохи в связи с миграцией с запада, в ходе которого местные мифологические образы актуализировались и впервые получили материальное воплощение.

Возможно, обе эти точки зрения имеют право на существование, и генезис образов окуневской иконографии и, соответственно, енисейского праязыка может объясняться процессами взаимодействия как пришедших с запада, так и местных групп, принадлежавших к единому сино-кавказскому (дене-кавказскому) культурно-языковому ареалу, сохранявшему свое единство на юге Сибири, в Центральной Азии и, возможно, в восточной части евразийских степей до эпохи активных индоевропейских (прежде всего арийских) миграций II тыс. до н. э. Вероятно, дальнейшие поиски помогут сформулировать более конкретную и содержательную версию этих событий, но уже сегодня, опираясь на данные языка, генетики, палеоантропологии, археологии и приведенный здесь анализ иконографии, можно говорить о связи создателей окуневской (а также и близких к ней, прежде всего самусьской) культуры с носителями енисейского праязыка на ранней стадии его развития с последующим соотношением праенисейцев с одним из компонентов в сложении карасукской общности.

Список сокращений:

авар. – аварский, алт. – алтайский, арин. – аринский, др.-кит. – древнекитайский, кет. – кетский, котт. – коттский, манс. – мансийский, ПЕн – праенисейский, ПСК – прасевернокавказский, пумп. – пумпоколький, хакас. – хакасский, эвенк. – эвенкийский, юг. – югский.

Список источников:

1. Старостин С. А. Сравнительный словарь енисейских языков // Кетский сборник. Лингвистика / ред. Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, Б. А. Успенский. М.: Наука, 1995. С. 176–315.
2. Werner H. Die Welt der Jenissejer im Lichte des Wortschatzes. Zur Rekonstruktion der jensejischen Protokultur / Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, 69. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 200 S.

3. Мифы, предания, сказки кетов / сост., предисл. и примеч. Е. А. Алексеенко. М.: Восточная литература, 2001. 343 с.
4. Напольских В. В. Хакасско-алтайский мифоним *ker* и праенисейское название мамонта. I // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 3. С. 65–82.
5. Старостин С. А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика / отв. ред. Е. А. Алексеенко. Л.: Наука, 1982. С. 144–237.
6. Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству у телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 10 / отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 108–190.
7. Новиков А. И. Некоторые аналогии к мамонту из области алтайской этнографии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11 / отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 160–161.
8. Бурнаков В. А. Шука в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология». 2019. Т. 18, № 7: Археология и этнография. С. 177–186.
9. Напольских В. В. Хакасско-алтайский мифоним *ker* и праенисейское название мамонта. II // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 1. С. 29–42.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. / сост. В. И. Цинциус и др. Л.: Наука, 1975.
11. Menges K. H. Drei Schannanengesänge der Ewenki-Tungusen Nord-Sibiriens / Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 89. Opladen, 1993. 340 S.
12. Иванов С. В. Мамонт в искусстве народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 11 / отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л., 1949. С. 133–154.
13. Заика А. Л. Образ мамонта в искусстве древних и традиционных культур Северной Азии // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 2 (2). 2014. С. 95–103.
14. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
15. Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000.
16. Старостин С. А. Сино-кавказская этимология = Starostin S. A. Sino-Caucasian etymology // Старостин С. А., Старостин Г. С. Вавилонская башня: проект этимологической базы данных = The Tower of Babel. Etymological database project. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\sinocauc\scet&root=config&morpho=0> (дата обращения: 16.01.2023).
17. Поляков А. В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.
18. Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 37–87.
19. Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 236 с.
20. Дувакин Е. Н. Кетские шаманские бубны из собраний Кунсткамеры и Этнографического музея Казанского университета // Сибирские исторические исследования. 2019. № 1. С. 144–173.
21. Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков / Сборник Музея антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Т. II, 2. СПб., 1914. 90 с.
22. Касьян А. С., Старостин Г. С. Автоматическое сравнение енисейско-буришской базисной лексики и вероятностная оценка сходжений // XII традиционные чтения памяти С. А. Старостина. Москва, 2017. URL: <https://starlingdb.org/confer/Kassian-2017.pdf> (дата обращения: 24.02.2024).
23. Членова Н. Л. Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 143–146.
24. Напольских В. В. Названия соли в уральских языках. СПб.: Маматов, 1922. 143 с.
25. Starostin G. S. Dene-Yeniseian: a critical assessment // Journal of Language Relationship. 2012. № 8. P. 117–138.
26. Козинцев А. Г. Происхождение окуневского населения Южной Сибири по данным физической антропологии и генетики // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 4. С. 135–145.
27. Козинцев А. Г. Дене-кавказская макросемья: лексикостатистическая классификация и прародина // Этнография. 2023. № 3 (21). С. 45–67.
28. Красноярский краевой краеведческий музей. Коллекции музея: этнография коренных народов Сибири. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/kollekcii/kollekcii-muzeia/etnografiya-bytovye-predmety/etnografiya-severnyh-narodov> (дата обращения: 12.06.2024).

Напольских Владимир Владимирович.

Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, научный сотрудник.

Институт истории и археологии УрО РАН.

Ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Пр. Вернадского, 82, Москва, 119606.

E-mail: vovia.nap@ya.ru

Материал поступил в редакцию 18 августа 2024 г.

V. V. Napol'skikh

THE PROTO-YENISSEIAN «MAMMOTH» AND THE ICONOGRAPHY OF OKUNEVO

The article examines the ideas of the mammoth in the traditions of the Siberian peoples, with special attention to the image of the mammoth-horned fish known to the Kets, Selkups, Ob-Ugrians, and Evenkis. The word for 'mammoth fish' has been reliably reconstructed for the Yeniseian proto-language (*čer), and the Yeniseian name of this mythological being has been borrowed into the Turkic languages of Southern Siberia and the Evenks. This root has a deeper Proto-Sino-Caucasian etymology with parallels in the meaning 'worm,' 'lizard,' 'snail,' etc. In the mythology of the Sino-Caucasian peoples who are linguistically distantly related to Yeniseian (Chinese, Burish, and their neighbors, etc.), a mythologeme is known about the transformation of an animal from the fish-lizard-snake class into a dragon-like creature. These data are used to reconstruct the appearance of the mammoth-fish image among the speakers of the Proto-Yeniseian language after their advance into Siberia on the basis of older Sino-Caucasian mythological traditions. In the iconography of the Okunev archeological culture, there are images of ichthyomorphs that are structurally, compositionally, and in detail similar to the images of the mammoth fish among the peoples of Siberia, which shows parallels with the above-mentioned mythologems and the development of the image of the mammoth fish in the spiritual culture of the speakers of the Proto-Yeniseian language. In addition, the overall composition of Okunev's stelae shows striking structural similarities with the composition of the sacred iconography of Ket, including images of lizards, grave signs, and shamanistic symbols. These parallels have no equivalent in the culture of other peoples of Siberia and should be explained in the context of the development of the Proto-Yeniseian language and mythology. Some iconographic parallels exist in the Ket tradition and in the art of other Siberian cultures in the Okunevo region (especially the Samuś culture). In this respect, there is reason to believe that speakers of the early Proto-Yeniseian language were involved in the formation of the Okunevo culture. The data from physical anthropology and genetics confirm the latter thesis.

Keywords: *ethnic history, etymology, comparative linguistics, mythology, iconography, Yeniseian languages, Sino-Caucasian languages, Kets, Siberian peoples, archeological culture of Okunevo, mammoth*

References:

1. Starostin S. A. *Sravnitel'nyi slovar' eniseyskikh yazykov* [A comparative dictionary of the Yeniseian languages]. In: Ivanov V.V., Toporov V. N., Uspenskiy B. A. (eds) *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [Ket collection. Linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1995.
2. Werner H. *Die Welt der Jenissejer im Lichte des Wortschatzes. Zur Rekonstruktion der jenseijschen Protokultur / Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*, 69. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. 200 p.
3. Alekseenko E. A. (ed.) *Mify, predaniya, skazki ketov* [Myths, legends, fairy-tales of the Kets]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2001.
4. Napol'skikh V. V. *Hakassko-altayskiy mifonim ker i praeniseyskoe nazvanie mamonta. I* [The Khakas-Altai mythonym ker and the Proto-Yeniseian name for mammoth. I]. *Voprosy onomastiki – Onomastic questions*, 2022, vol. 19, no. 3.
5. Starostin S. A. *Praeniseyskaya rekonstrukciya i vneshnie svyazi eniseyskikh yazykov* [Proto-Yeniseian reconstruction and the external connections of the Yeniseian languages]. In: Alekseenko E. A. (ed.) *Ketskiy sbornik. Antropologiya, yetnografiya, mifologiya, lingvistika* [Ket collection. Anthropology, ethnography, mythology, linguistics]. Leningrad: Nauka Publ., 1982.
6. Dyrenkova N. P. *Materialy po shamanstvu u teleutov* [Materials on the Teleut shamanism]. In: Tolstov S. P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow–Leningrad: AN SSSR Publ., 1949. Vol. 10, pp. 108–190.

7. Novikov A. I. Nekotorye analogii k mamontu iz oblasti altajskoj etnografii [Some analogies to the mammoth from Altaian ethnography] In: Tolstov S. P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow–Leningrad: AN SSSR Publ., 1949. Vol. 10, pp. 160–161.
8. Burnakov V. A. Shhuka v verovaniyah i fol'klore khakasov (konets 19 – seredina 20 veka) [Pike in the beliefs and folklore of the Khakas (late 19th – mid 20th century)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. «Istorija, filologija» – Bulletin of Novosibirsk State University. Series "History, Philology"*, 2019, vol. 18, no. 7. pp. 177–186 (in Russian).
9. Napol'skikh V. V. Hakassko-altayskiy mifonim ker i praeniseyskoe nazvanie mamonta. II [The Khakas-Altai mythonym ker and the Proto-Yenisseian name for mammoth. II]. *Voprosy onomastiki – Onomastic questions*, 2023, vol. 20, no. 1, pp. 29–42 (in Russian).
10. Cincius V. I. (ed.) *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: v 2 t.* [A comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: in 2 vols]. Leningrad: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
11. Menges K. H. Drei Schannanengesänge der Ewenki-Tungusen Nord-Sibiriens / *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 89. Opladen, 1993. 340 p.
12. Ivanov S. V. Mamont v iskusstve narodov Sibiri [Mammoth in the art of Siberian peoples]. In: Tolstov S. P. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow – Leningrad, 1949. Vol. 11.
13. Zaika A. L. Obraz mamonta v iskusstve drevnih i tradicionnykh kul'tur Severnoj Azii [The image of mammoth in the art of ancient and traditional cultures of Northern Asia]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» – Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"*, 2014, no. 2 (2), pp. 95–103 (in Russian).
14. Mazin A. I. *Tradicionnye verovaniya i obrjady evenkov-orochonov (konets XIX – nachalo XX v.)* [Traditional beliefs and rites of the Orochon-Evenkis (late 19th – early 20th century)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1984. 201 p. (in Russian)
15. Helimskiy E. A. *Komparativistika, uralistika: lekci i stat'i* [Comparativistics, uralistics: lectures and articles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ, 2000.
16. Starostin S. A. Sino-kavkazskaya etimologiya [Sino-Caucasian etymology]. In: Starostin S. A., Starostin G. S. (eds) *Vavilonskaya bashnya: proyekt etimologicheskoy bazy dannykh* [The Tower of Babel. Etymological database project]. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\sinocauc\scet&root=config&morpho=0> (accessed: 16.01.2023).
17. Pol'akov A. V. *Khronologiya i kul'turogenez pamyatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlov* [Chronology and culturogenesis of the monuments of old metal age from the Minusinsk depression]. Saint Petersburg: IIMK RAN Publ., 2022. 364 p. (in Russian)
18. Vadeckaya Ye. B. Izvayaniya okunevskoy kul'tury [Sculptures of the Okunevo culture]. In: Vadeckaya Ye. B., Leont'ev N. V., Maksimenkov G. A. (eds) *Pamyatniki okunevskoy kul'tury* [Monuments of Okunev culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. pp. 37–87 (in Russian).
19. Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F., Esin Ju. N. *Izvayaniya i stely okunevskoy kul'tury* [Sculptures and stelae of the Okunevo culture]. Abakan: Khakasskoye knizhnoye izd-vo, 2006. 236 p. (in Russian)
20. Duvakin E. N. Ketskie shamanskije bubny iz sobraniy Kunstkamery i Etnograficheskogo muzeya Kazanskogo universiteta [The Ket shamanic drums from the collections of Kunstkamera and the Ethnographic museum of the Kazan university]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*, 2019, no. 1, pp. 144–173 (in Russian).
21. Anuchin V. I. Ocherk shamanstva u eniseyskikh ostyakov [An essay on the Yenissei Ostyaks' shamanism]. In: Bogoraz V. G. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i yetnografii pri Imp. Akademii nauk* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg: Imp. Acad. nauk Publ., 1914. Vol. 2(2).
22. Kas'yan A. S., Starostin G. S. *Avtomaticheskoe sravnenie eniseysko-burishskoy bazisnoy leksiki i veroyatnostnaya otsenka shozhdeniy* [Automatic comparison of the Yenisseian-Burushaski lexicon and the probabilistic estimation of parsallels]. URL: <https://starlingdb.org/confer/Kassian-2017.pdf> (accessed: 24.02.2024)
23. Chlenova N. L. Sootnoshenie kul'tur karasukskogo tipa i ketskikh toponimov na territorii Sibiri [The correlation of the cultures of Karasuk type and the Ket toponyms in Siberia]. *Proishozhdenie aborigenov Sibiri i ikh yazykov* [The origin of the aborigines of Siberia and their languages]. Tomsk, 1969.
24. Napol'skikh V. V. *Nazvaniya soli v ural'skikh yazykakh* [Names for salt in the Uralic languages]. Saint Petersburg: Mamatov Publ., 1922.
25. Starostin G. S. Dene-Yeniseian: a critical assessment. *Journal of Language Relationship*, 2012, no. 8.
26. Kozincev A. G. Proishozhdenie okunevskogo naseleniya Yuzhnoj Sibiri po dannym fizicheskoy antropologii i genetiki [The origin of the Okunevo population of Southern Siberia by the data of anthropology ang genetics]. *Arheologiya, etnografija i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2020, vol. 48, no. 4, pp. 135–145 (in Russian).

27. Kozincev A. G. Dene-kavkazskaya makrosem'ya: leksikostatisticheskaya klassifikaciya i prarodina [Dene-Caucasian macrofamily: lexicostatistical classification and the original home]. *Etnografija – Ethnography*, 2023, no. 3 (21), pp. 45–67 (in Russian).
28. Krasnoyarskiy kraevoy kraevedcheskiy muzey. Kollekcii muzeya: etnografiya korennykh narodov Sibiri [Krasnoyarsk State Museum. Collections: ethnography of the Siberian aborigenes]. URL: <https://www.kkkm.ru/o-muzee/kollekcii/kollekcii-muzeia/etnografiya-bytovye-predmety/etnografiya-severnyh-narodov> (accessed: 12.06.2024)

Vladimir V. Naposkikh.

Doctor of history, Correspondent member of the Russian Academy of Sciences, Head researcher.

Institute for History and Archaeology, Uralic Branch of the Russian Academy of Sciences.

Sof'i Kovalevskoy str., 16, Yekatrinnburg, Russia, 620108.

Leading Research Fellow, School of Contemporary Humanities Studies,

Russian Academy of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation.

Vernadsky Ave., 82, Moscow, Russia, 119606.

E-mail: vovia.nap@ya.ru

К. А. Сагалаев

ВИЗУАЛЬНАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА: ОТ ВИДЕОФИКСАЦИИ К КОМПЛЕКСНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ

Статья посвящена методологическим проблемам визуальной фольклористики. Обосновывается необходимость ее выделения в субдисциплину визуальной антропологии и классической фольклористики. По мнению автора, именно язык кино является той семиотической системой, которая способна максимально полно, адекватно и точно зафиксировать такое сложное культурное явление, как фольклорное произведение. Подчеркивается важность невербальных и немзыкальных аспектов исполнения, теряющихся при аудио- либо текстовой записи. Статья основана на полевых материалах автора, полученных в ходе фольклорно-этнографических экспедиций в различные районы Сибири. Приводятся примеры видеофиксаций таких сложных обрядов, как медвежий праздник и почитание семейных духов-покровителей у хантов, шаманское посвящение у бурят и календарный праздник алтайцев Жажыл бӯр ('Зеленая листва'). Даются практические рекомендации по выбору той или иной методики съемки в различных ситуациях, обосновывается актуальность съемки обрядов с использованием двух камер и методики сплошной съемки. Отдельно рассматривается проблема последующей обработки отснятого материала – различных вариантов монтажа в зависимости от задач и предполагаемой аудитории и анализа имеющихся видеоматериалов с позиций различных научных дисциплин (этнографии, лингвистики, фольклористики, музыковедения, хореографии). Автор считает, что совместный с информантами просмотр видеоматериалов по фольклору может послужить катализатором творческой активности исполнителей и может с этой целью использоваться в полевых исследованиях. В качестве готового результата работы визуального фольклориста может выступать как фольклорный фильм, так и мультимедийный диск, и база данных в интернете, и иллюстрации к статьям и научным докладом, и учебный материал для школьников и студентов. Отдельной проблемой является вопрос авторских прав на видеоматериал, который должен решаться как минимум устной договоренностью с информантом с соблюдением всех его пожеланий по поводу конфиденциальной информации. Автор делает вывод, что именно комплексная цифровая видео- и аудиозапись способна обеспечить необходимый уровень полноты и адекватности фиксации такого многомерного явления, как фольклор, и что визуальная фольклористика уже накопила свои собственные задачи и методологию их решения, перейдя с уровня собственно записи исполнения фольклорного произведения на уровень его комплексного междисциплинарного исследования.

Ключевые слова: *визуальная антропология, визуальная фольклористика, обрядовый фольклор, видеофиксация, методология, видеомонтаж, аутентичность*

Прошло уже более века с того момента, как с развитием технологий этнографы, фольклористы, антропологи получили в распоряжение инструменты, а с ними и методики работы, позволившие взглянуть на предмет исследования с другой, недоступной ранее стороны и переосмыслить саму суть исследуемого феномена. Речь идет о кино-, а после и видеосъемке живого бытования того или иного культурного явления. Именно язык кино оказался в состоянии наиболее точно и адекватно запечатлеть все стороны жизни наблюдаемого сообщества, прежде доступные лишь для текстового описания.

Немецкий социолог Н. Луман, рассуждая о языке как основе для коммуникации, отмечал, что «посредником распространения может выступать не только письмо, но и другие формы фиксации информации» [1]. Из всего разнообразия семиотических систем кино представляется нам наиболее адекватным средством, способным комплексно отразить культурное явление – в нашем случае исполнение фольклорного произведения. Набор образов и символов, используемый кинематографом, создает иное, свое пространство, вмещающее в себя все недоступные для текстового описания нюансы бытования и исполнения фольклора. Используя язык кинематографа (как и любой другой язык), исследователь создает кинодокумент, который по своей сути является текстом и подчиняется тем же законам, каким подчиняются любые другие виды текста.

В отличие от аудиозаписи и тем более текстового описания, правильно организованная кино- или видеосъемка способна, помимо собственно текста, зафиксировать еще и контекст, в котором это произведение существует и в данный момент исполняется. Без понимания среды, в которой бытует то или иное культурное явление, понять его целиком представляется вряд ли возможным: «дефиниция феномена невозможна без выявления и неявного в нем, требующего для своего выявления особого подхода, ибо для науки невидимое означает еще не увиденное» [2, с. 205]. Такие (казалось бы, не совсем относящиеся к делу) невербальные и внемузыкальные факторы, как интонация, артистизм и эмоциональное состояние исполнителей, их движения, мимика и жесты, которыми они сопровождают исполнение, реакция зрителей на происходящее (обмен репликами, смех) и их возможное в нем участие, незначительные детали обстановки, костюмов и т. д., способны получить наиболее полное отражение именно в случае визуальной фиксации. Согласимся с мнением А. Ю. Брициной, что «в любом типе контекста реализуется его интерпретационная (по отношению к словесному тексту) функция, и в силу этого контекстная информация, сопровождающая вербальный текст, всегда способствует более глубокому его пониманию» [3, с. 24].

Визуальная антропология, ставящая своей прямой целью визуальный мониторинг существования того или иного культурного сообщества, зародилась практически одновременно с кинематографом на его стыке с этнографией и к настоящему моменту уже накопила очень большой фонд материалов практически со всего света. Однако в России она только в конце прошлого века начала приобретать статус самостоятельной дисциплины, а не «придатка» этнографии или просто разновидности документального кино.

В монографии Е. В. Александрова «Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии» мы можем найти такое определение визуальной антропологии: это «комплексная (научная, творческая, организационная и информационно-технологическая) деятельность, направленная на получение и внедрение в социальную практику экранной информации о малоизвестных сторонах жизни общества с целью осуществления диалога культур» [4, с. 16]. В это определение вполне вписывается и видеосъемка исполнения фольклорных произведений, о которой пойдет речь далее.

В качестве частного случая, или, скорее, субдисциплины визуальной антропологии¹, имеющей свою специфику и, соответственно, методологию, мы вслед за рядом исследователей можем выделить аудиовизуальную фольклористику: «являясь частью сообщества визуальных антропологов, фольклористы с видеокамерой как инструментом познания все же имеют свой предмет исследования, свои собственные научные интересы, цели и задачи и несут свою особую миссию» [5, с. 139]. Если визуальная антропология в своем широком понимании нацелена на фиксацию и исследование различных сторон жизни того или иного конкретного сообщества, визуальная фольклористика сфокусирована на записи и изучении бытования фольклорного произведения, также понимаемого широко. Необходимость перевода фольклористики на цифровые, мультимедийные рельсы – уже давно назревшая и во многом свершившаяся реальность, вызванная естественным развитием науки и техники. Процитируем такого авторитетного фольклориста, как В. М. Гацак: «становление информационных и мультимедийных технологий применительно к изучению фольклора, как любое накопление научных знаний, – это сложный, многоступенчатый процесс, который поступательно преодолевает узость специальных подходов и кардинальным образом меняет „плоскостное“ восприятие фольклорного текста. Единожды осознав условность привычных исследовательских методик, фольклористика вступает на совершенно новый путь – путь многомерного постижения фольклора уже в мультимедийных категориях» [6, с. 6].

¹ Как вариант – «субдисциплина фольклористики, которая занимается методологией видеофиксаций фольклорного материала, его анализом с помощью специализированных средств, в том числе программных, и его публикацией» [5, с. 139]. Оба подхода, на наш взгляд, не противоречат друг другу.

По сравнению с визуальной антропологией в целом, где вербальный компонент не всегда находится на первом месте или теоретически может отсутствовать вообще, в фольклорном фильме именно он часто выходит на первый план, именно текст прежде всего и должен зафиксировать исследователь.

Предмет наших наблюдений – методология записи, изучения, хранения и публикации фольклора, понимаемая как комплексное междисциплинарное исследование. Материалом для исследования стал наш опыт полевых исследований фольклора и традиционной культуры в целом народов Сибири и Дальнего Востока в рамках фольклорно-этнографических экспедиций Института филологии СО РАН.

Можно выделить такие этапы работы визуального фольклориста, как собственно запись исполнения фольклорного произведения, последующая обработка (оцифровка, монтаж), хранение записанных полевых материалов, их публикация в самых разнообразных видах (фильм, база данных, мультимедийный диск и т. д.). Будучи частями одного большого процесса, они нуждаются в комплексном рассмотрении.

Записи как таковой должна предшествовать подготовка – изучение научной литературы, рекогносцировка на месте предполагаемых съемок, знакомство с потенциальными информантами. Строго говоря, именно в этот момент начинается исследование еще не имеющего место быть явления; по замечанию И. П. Кулаковой, также и на стадии съемки «происходит отбор материала – как сознательный, так и интуитивный, а значит, уже здесь присутствует эвристический элемент исследования» [7, с. 63].

Вряд ли возможно выделить какую-либо универсальную методику съемки, позволяющую максимально полно зафиксировать такое сложное и многоплановое явление, как фольклор и традиционная культура этноса в целом. Постоянно ускоряющийся технический прогресс ставит перед исследователями все новые задачи и предлагает все новые инструменты и методологии для их решения: цифровые технологии, интернет, повсеместная доступность смартфонов и недорогих фото- и видеокамер... Различные ситуации требуют дифференцированного подхода; однако базовые принципы построения кино- и видеоматериала, продиктованные самим языком кино, сохраняются и продолжают работать. Разумеется, исследователь должен в необходимой мере владеть и техникой съемки: несоблюдение элементарных законов фиксации и монтажа сведет на нет всю научную ценность материала. Согласимся с А. В. Головневым, что «снять – это не просто поймать значимый объект в видеоискатель и нажать кнопку записи, но и передать киноязыком его контекст, символику, историю с учетом правил монтажа, соотношения реального и экранного времени-пространства» [7, с. 23].

Как мы уже говорили, глобальная цифровизация предоставила ученым возможности, о которых раньше в лучшем случае приходилось только мечтать. Стал стремиться к бесконечности объем материала, снять который может позволить себе исследователь (теперь все решается количеством объемных носителей информации и аккумуляторов с собой). При правильном использовании метод **сплошной съемки**², безусловно, увеличит полноту и целостность снятого видеоматериала, включив в него множество паралингвистических, внемузыкальных, внехореографических и т. д. нюансов, являющихся неотъемлемыми свойствами фольклорного произведения в его живом бытовании: «сплошная запись предусматривает непрерывное, полное фиксирование всех моментов исполнения и коммуникации, происходящих во время сеанса, независимо от содержательных и формальных признаков исполняемых произведений – вещь немислимая в „доцифровую эпоху“» [9, с. 43]. Особенно это касается записи обрядового фольклора: подготовка обряда (обустройство «лагеря» для шаманского посвящения, вкапыва-

² Термин не является единственно принятым в научной традиции. Ср., например: «Цифровая аппаратура дает возможность проводить, что называется, тотальную фиксацию – „бытовые“ разговоры с исполнителями и носителями традиций, многочасовые видеозаписи обрядовых актов и т. д.» [8, с. 84].

ние деревьев для священной рощи, а перед этим рубка их в лесу, доставка медведя к месту проведения медвежьего праздника, приготовление мухоморов для последующего ритуального употребления) по своей сути уже является элементом ритуала и должна быть зафиксирована по возможности более полно.

Более того, при съемке обряда предпочтительно наличие двух цифровых видеокамер – в случае если оператор всего один, вторая камера со штатива непрерывно снимает все происходящее. Так было сделано нами, например, на съемках алтайского календарного обряда Жажыл бұр ('Зеленая листва'): стационарная камера была установлена на возвышенности близко к центру происходивших событий и записывала общий план, подвижная же фиксировала средние и крупные планы, часто меняя ракурс в зависимости от ситуации. Важно то, что неподвижная камера, помимо полного видеоряда, доступного для последующего описания и анализа, целиком записала и звукозапись ритуала, т. е. его вербальный компонент. В тех случаях, когда это возможно, рекомендуется отдельно записывать звук на радиомикрофон от главного исполнителя, старейшины (иногда он один, иногда его помощники также выполняют важные функции и произносят те или иные обрядовые формулы). Относительным минусом двухкамерной съемки является постоянное присутствие исследователя в кадре (что, впрочем, частично решается монтажом). С учетом нашего полевого опыта позволим себе не согласиться с О. Б. Христофоровой по поводу неприемлемости использования штатива [7, с. 103]: даже при съемке одной камерой далеко не всегда чисто физически можно снять исполнение фольклорного произведения «с рук»: например, исполнение священной песни *вой ар* на медвежьем празднике хантов может продолжаться несколько часов.

Будет полезным наличие двух камер и в ситуациях, когда действие происходит в двух местах одновременно: так, когда на уже упомянутом медвежьем празднике медведя (точнее, его шкуру с головой и лапами) заносят через окно в дом, где будет проводиться обряд, необходима съемка и снаружи, и изнутри помещения. В случае если исследователь один, а камер две, можно попросить помочь кого-то из информантов, не занятых напрямую в данном элементе ритуала. Методика съемки двумя камерами применялась нами и при записи обрядов почитания семейных духов-покровителей у хантов на р. Малый Юган в 2019 г. и опять-таки дала ожидаемый результат.

Перед исследователями, записывающими и изучающими фольклор, неизбежно возникают общие проблемы и трудности, которые можно разделить на две категории. Первые, условно назовем их **прагматическими**, лежат в основном в технической плоскости и требуют технических же решений. Их необходимо предвидеть, еще только собираясь в поле: если возможна съемка на морозе (например, жертвоприношение в ходе медвежьего праздника), стоит озаботиться покупкой термокожуха для видеокамеры либо нескольких дополнительных аккумуляторов. При съемке в тесном помещении будет полезен широкоугольный конвертер на объектив, при недостаточном освещении – накамерный свет (если будет получено разрешение на его использование, о чем речь пойдет далее). Некоторые проблемы не имеют решения совсем (работающая электростанция неподалеку или шум машин на трассе при невозможности сменить место записи), поэтому визуальному фольклористу стоит сконцентрироваться на других аспектах записи.

Природа других проблем (так же условно назовем их **этнографическими**) лежит в самой культуре этноса, в которой бытует фольклорное произведение, в его мировоззрении и вековых традициях. Здесь возникает необходимость того, чтобы исследователь как можно в большей степени сочетал владение навыками оператора с этнографическими знаниями. Вслед за А. В. Головневым процитируем Карла Хайдера: «в идеале этнографическое кино должно соединять в себе искусство режиссера с эрудированностью и проницательностью ученого» [7, с. 26].

Одной из сложностей при видеофиксации исполнения произведений обрядового фольклора является большое количество запретов и поведенческих установок в целом. Например,

во время камлания шамана (даже если в помещении темно) нельзя пользоваться фотовспышкой – вселившийся в шамана дух может испугаться, и ритуал неминуемо будет сорван. Нельзя дотрагиваться до шаманского костюма и атрибутов – бубна, колотушки, посоха; если нужно обойти юрту или какой-нибудь предмет, то это непременно делается по солнцу, даже если так дольше; нельзя переступать через красную нить, которой обтянут весь лагерь, где происходит шаманское посвящение (выйти можно только через узкий проход, а чтобы войти обратно, придется пройти очищение дымом и отваром чабреца) и т. д. Нужно быть готовым к запрету на запись (при разрешении на присутствие) и не пытаться добыть информацию любым способом, в том числе незаметной съемкой в обход запрета, – без соблюдения этических принципов невозможно выстроить искренние отношения с информантом, стать для него хоть немного *своим*.

В ходе бескровного жертвоприношения *поры* у восточных хантов, на котором нам довелось побывать в июне 2024 г. в Нижневартовском районе ХМАО, мы получили разрешение на съемку лишь начального (раскладывание отрезков ткани – подношений различным божествам хантыйского пантеона) и заключительного (привязывание этих отрезков к деревьям на священном месте и последующая трапеза) эпизодов обряда, центральная же, главная часть – направление к божествам сакральных текстов тремя знатоками восточнохантыйской традиции одновременно (каждый очень громко произносил свой собственный текст независимо от остальных и как бы не обращая на них внимания) осталась незафиксированной ввиду прямого и строгого запрета даже на аудиозапись. Уникальный материал остался за кадром, но важнее то, что не была нарушена доверительная связь с носителями традиции.

Влияние исследователя с камерой на поведение исполнителей обряда, конечно же, нельзя исключать полностью – оно может быть больше или меньше, влиять на записываемое событие с той или другой стороны, но оно всегда **есть**: «вмешательство съемки, тем более съемочной группы, деформирует действительность настолько, что многие фильмы следовало бы включить в серию „культура перед объективом“» [7, с. 24]. Нужно ли ограничивать присутствие оператора в записываемой ситуации или нет, что считать более аутентичной записью – в случае «как будто никакой камеры нет» или все же когда зрителю ясно, что, помимо носителей культуры, в наблюдаемом явлении участвует и кто-то извне? Оставим этот вопрос открытым для дальнейших дискуссий³.

Отдельно скажем о полезной методике совместного с информантами просмотра записанных ранее фольклорных и этнографических видеоматериалов. В нашей полевой практике нередко были случаи, когда в результате просмотра фольклорной видеозаписи от других исполнителей в информанте просыпался интерес, он начинал сам вспоминать и исполнять фольклор, возможно, из чувства соперничества или, наоборот, солидарности. Подобный же эффект наблюдался и в том случае, если представителям одного этноса показывали видеозапись аналогичного обряда, записанного в другом месте и у другого народа. Это вызывало живой интерес у аудитории и зачастую критику: «здесь неправильно, надо не так делать!». После чего следовал обстоятельный рассказ о том, как именно нужно проводить этот обряд, чего, собственно, мы и добивались. Следует признать правоту Е. В. Миськовой, утверждающей, что «просмотр видеозаписей фольклора – один из способов представления фольклорной формы сегодня» [11, с. 126].

Если говорить о степени свободы, которую может позволить себе исследователь при съемке и последующем монтаже, то, по-видимому, условный визуальный фольклорист должен быть более сдержан в выразительных средствах, нежели условный визуальный антрополог.

³ Ср., например: «явное вторжение операторской группы в мир объектов исследования и последующие возможности получения и проверки информации с участием этих объектов – все это скорее увеличивает аутентичность полученного материала, чем создает нереальную, деструктивную и поэтому с научной точки зрения недействительную ситуацию» [10, с. 47].

Любые примененные на монтаже спецэффекты, наложенные звуки либо музыка, изначально не присущие данному явлению, заранее написанный сценарий неизбежно скажутся на научной ценности итогового результата. Прочитав известное исследование народной музыки Э. Е. Алексеева, считающего, что у настоящего фольклорного фильма «нет и не может быть заранее заданного подробного сценария, поскольку это противоречит импровизационной функции фольклора. Объектом съемки оказывается сама жизнь во всей ее непредсказуемости, с ее „накладками“ и, наконец, со своими собственными законами и обычаями» [12, с. 147]. Если задача исследователя – показать ход обряда либо исполнение фольклорного произведения целиком, то придется забыть об общепринятых правилах монтажа, ориентированных на комфортное восприятие зрителем: на первый план выходит полнота репрезентации наблюдаемого события; неизбежны длинные (иногда очень длинные) планы, кажущееся отсутствие действия в кадре и т. п. Само собой, в зависимости от предполагаемой аудитории и целей демонстрации один и тот же исходный материал может быть многократно перемонтирован с использованием каждый раз новых монтажных приемов.

Полученный в ходе экспедиции визуальный материал, как правило, обладает необъятными возможностями как исходный источник для самых разных областей применения – и для монтажа, и для анализа другими специалистами. Поэтому необходимо хранить исходные материалы в полном объеме, несмотря на то что при многочасовых или даже многодневных съемках он зачастую выражается в сотнях гигабайтов. А. В. Головнев отмечает: «Опыт показывает, что добротные исходники пригодны для многократного использования и всюду дают поразительный эффект яркой образности, полифонии смыслов и эмоций. Они не знают языковых границ и легко транслируются между разными культурами» [7, с. 22]. Выход может быть найден путем создания при институтах, музеях, фольклорных центрах больших централизованных архивов для хранения как оцифрованных старых, так и только что записанных видео-, аудио- и фотоматериалов (что, впрочем, является экономически весьма непростой задачей).

Еще одно свойство этнографического и фольклорного фильма (и шире – записанного материала в целом) – это способность быть предметом для многократного последующего анализа лингвистов, этнографов, фольклористов, музыковедов, хореографов. Повторный взгляд зачастую оказывается не менее информативным, чем первый; о важности повторного исследования с позиций разных научных дисциплин напоминает и Е. А. Резван: «видео- и фотоматериалы – важнейший элемент представления результатов исследования, значительно расширяющий его границы. Практика показывает, что специалист в смежной области видит на видео часто совсем не то, на что обращает внимание вы» [7, с. 80]. Степень пригодности для такого анализа зависит от квалификации специалиста, создавшего это кино- или видеосвидетельство об увиденном им культурном феномене. В этом смысле он выполняет ту же функцию, что и древние летописцы: именно его кинодокумент, возможно, останется последним или единственным достоверным «отпечатком» того или иного фрагмента уже, может быть, угасающей культурной традиции. Приведем мнение известного венгерского этнографа Михая Хоппала: «Кинофильм дает нам возможность повторно взглянуть на зафиксированное явление, что, в свою очередь, приводит к качественному усовершенствованию анализа (и реанализа). Становясь в наше время очевидцами событий, на самом деле имевших место давным-давно, мы можем использовать все новые точки зрения, способствуя все более многогранному описанию данного антропологического явления» [13, с. 182] (перевод наш. – К. С.).

Нужно отметить, что свойство **быть документом**, по-видимому, присуще кинофильму изначально. Рассуждая о документальности кино, О. В. Аронсон ссылается на таких классиков кино, как Д. Вертов и П. П. Пазолини, которые «при многих частных различиях утверждают документальность как некий способ восприятия реальности, заданный внутри киноизображения. Т. е. в киноизображении есть нечто такое (настолько непосредственное), что говорит нам о реальности больше, чем наблюдение за внешним миром. Можно сказать, что благодаря кино

чувственный мир... оказалось возможным мыслить как документ» [14]. Это приводит автора к вопросу: «а есть ли документальное вне кинематографа? Можем ли мы считать что-либо документом, что не заснято?» [14].

Как мы уже отметили, записав в экспедиции исходный материал, исследователь сталкивается с новой проблемой: как теперь им распорядиться? Фольклорный фильм – далеко не единственная и совсем не обязательная часть нового полевого материала (иногда это также и «своеобразный вариант полевого дневника» [15, с. 244]); существуют различные способы ввода его в научный (и не только) оборот. Если это все же фильм, то его аудитория, как правило, ограничивается зрителями фестивалей или тематических показов, опять-таки в основном среди коллег-специалистов по фольклористике и этнографии: «некоторые фильмы являются частью преподавательского процесса, но основная аудитория большинства этнографических кинопроизведений – люди, собирающиеся на фестивалях этнографического кино» [7, с. 69]. Помимо кинематографического формата один и тот же исходный материал может быть переосмыслен и переформирован и как мультимедийный диск, содержащий видео-, фото- и аудиофайлы, и как база данных в сети Интернет, и как иллюстрации к статьям и научным докладам на конференциях, и как учебный материал для студентов и школьников. Свой вариант публикации применительно к записям заговорно-заклинательных актов предлагают Н. А. Антропова и В. Л. Кляус – это покадровая расшифровка на основе полученной видеозаписи (что-то вроде сценария, но составленного уже после съемки события) [16, с. 247]. Каким именно будет полученный результат, зависит от задачи автора, качества исходного материала и целевой аудитории.

При публикации готового визуального продукта (назовем его так) неизбежно возникает пока еще не до конца осознанный многими учеными вопрос авторских прав на записанный материал. Однако же «различные виды деятельности фольклористов, связанные со сбором, обработкой, хранением информации, а главное – ее дальнейшей публикацией, в том числе в электронной форме, напрямую касаются вопросов авторских и смежных прав. То же самое следует иметь в виду в отношении информантов» [17, с. 155]. Этот аспект, по крайней мере на этическом уровне (особенно где речь идет о таких деликатных семейных моментах, как погребение и вообще обряды перехода), может быть решен получением согласия на последующее обнародование видеозаписи с учетом возможных пожеланий информанта не показывать тот или иной уже снятый момент. Как и вообще в полевой работе, один из краеугольных камней в организации записи и последующей публикации результата – это взаимное доверие и уважение к тем, кого ты снимаешь.

Подводя некоторый итог, еще раз отметим, что именно комплексная цифровая видео- и аудиозапись способна обеспечить необходимый уровень полноты и адекватности фиксации такого многомерного явления, как фольклор, тем более фольклор обрядовый. Визуальная фольклористика, находясь в общем русле визуальной антропологии и классической фольклористики, тем не менее уже накопила свои собственные задачи и методологию их решения, перейдя с уровня собственно записи исполнения фольклорного произведения на уровень его комплексного междисциплинарного исследования. Будем надеяться, что и далее с появлением новых технических возможностей будет совершенствоваться методика их применения и развиваться наше представление о том, что же это такое – фольклор.

Список источников:

1. Луман Н. Невероятность коммуникации / пер. с немецкого А. М. Ложеницина под ред. Н. А. Головина. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972>.
2. Земцовский И. И. Представление о целостности фольклорного жанра как объект реконструкции и как метод // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990. 233 с.

3. Брицина А. Ю. Цифровые технологии и проблема аутентичности записи прозы: «сплошная» фиксация и контекст исполнения // Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 22–29.
4. Александров Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М., 1999. 99 с.
5. Кляус В. Л. Аудиовизуальная фольклористика: история и проблематика // Новые российские гуманитарные исследования. 2019. № 14. С. 139.
6. Гацак В. М. Предисловие // Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 6–7.
7. Форум: Визуальная антропология // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 6–108.
8. Кляус В. Л., Воронков С. О., Семенов А. А. Проект создания «Экспедиционного мультимедийного программного комплекса» // Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 84–94.
9. Вовчак А. С., Добрянская Л. А. Львовские электронные архивы украинского фольклора // Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 38–46.
10. Пауэллс Л. Репрезентируя движущиеся культуры: проблемы и возможности антропологической и социологической рефлексии // Визуальная антропология: настройка оптики. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 126–149.
11. Миськова Е. В. Фольклор и кино. Проблема посредничества в этнографическом диалоге // В поисках себя: народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М.: Наука, 2005. С. 108–155.
12. Алексеев Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры. М.: 1988. 236 с.
13. Hoppál M. (ed.) 1992. Ethnographic Films on Shamanism // Siikala A. L. & Hoppál M. (eds.) Studies of Shamanism. Helsinki, Budapest: Finnish Anthropological Society – Akadémiai Kiado. P. 182–196.
14. Аронсон О. В. Кино: событие документа. URL: <https://www.flahertiana.ru/program/events.htm?id=169>.
15. Данилко Е. С. Проблемы видеофиксации обрядов земледельческого календаря в фильме «Учук» // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога. Ижевск, 2006. С. 244–246.
16. Антропова Н. А., Кляус В. Л. Заговорно-заклинательные обряды удмуртской знахарки села Багыр в видеофиксации // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога. Ижевск, 2006. С. 246–275.
17. Сыченко Г. Б., Леонова Н. В., Мичков П. А. Электронные формы описания и проблемы создания базы данных музыкально-фольклорного архива // Мультимедийные и цифровые технологии в собирании, сохранении и изучении фольклора. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 148–155.

Сагалаев Константин Андреевич.

Младший научный сотрудник.

Институт филологии Сибирского отделения РАН.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.

E-mail: bigbeatle@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 19 августа 2024 г.

K. A. Sagalaeв

VISUAL FOLKLORISTICS: FROM VIDEO RECORDING TO COMPLEX RESEARCH

The article is dedicated to the methodological problems of visual folkloristics. The article justifies the necessity of its separation into a sub-discipline of visual anthropology and classical folklore studies. According to the author, the language of cinema is the semiotic system capable of capturing such a complex cultural phenomenon as a folkloristic work as completely, adequately, and accurately as possible. The importance of the non-verbal and extra-musical aspects of the performance, which are lost in text or audio recordings, is emphasized. The article is based on the field material collected by the author during folkloristic-ethnographic expeditions in different regions of Siberia. Examples are given of video recordings of such complex rituals as the Bear Festival and the honoring of family patron spirits among the Khanty, shamanic initiation among the Buryats, and the Altai calendar ritual Jazhyl bŷr ('Green Leaves'). Practical recommendations are given for the choice of this or that recording method in different situations. The relevance of recording rituals with two cameras and the continuous recording method is justified. The problem of subsequent editing of the filmed material – various editing options depending on the task and target audience and the analysis of the existing video material from the point of view

of various scientific disciplines (ethnography, linguistics, folklore, musicology, choreography) is considered separately.

The author believes that the joint viewing of folklore videos with informants can serve as a “catalyst” for the creative activity of performers and can be used for this purpose in field research. The end result of a visual folklorist’s work can be a folklore film, a multimedia disk, a database stored online, illustrations for articles and academic reports, and educational materials for school and university students. Another issue is the copyright of the video material, which should be clarified at least through a verbal agreement with the informant, respecting all his wishes regarding confidential information. The author concludes that only integrated digital video and audio recordings can provide the necessary level of completeness and adequacy to capture such a multidimensional phenomenon as folklore and that audiovisual folklore has already developed its own tasks and methods to solve them, moving from the level of recording the performance of a folkloristic work to the level of its complex interdisciplinary study.

Keywords: *visual anthropology, visual folkloristics, ritual folklore, video recording, methodology, video editing, authenticity*

References:

1. Luman N. Neveroyatnost' kommunikatsii [The improbability of communication]. In: Boronoev A. O. (ed.) *Problemy teoreticheskoy sotsiologii* [Problems of theoretical sociology]. Saint Petersburg: SPbSU Publ., 2000. Vol. 3. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972> (accessed: 19.07.2024) (in Russian).
2. Zemtsovskiy I. I. Predstavlenie o tselostnosti fol'klornogo zhanra kak ob"ekt rekonstruktsii i kak metod [Representation of the integrity of folklore genre as an object of reconstruction and as a method]. In: Putilov B. N. (ed.) *Fol'klor i etnografiya. Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury* [Folklore and ethnography. Problems of reconstruction of traditional culture facts]. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 233 p. (in Russian).
3. Britsina A. Yu. Tsifrovye tekhnologii i problema autentichnosti zapisi prozy: «sploshnaya» fiksatsiya i kontekst ispolneniya [Digital technologies and the problem of authentic prose recording: 'solid' fixation and performance contexts]. In: Klyaus V. L., Minenok E. V. (eds) *Mul'timediynye i tsifrovye tekhnologii v sobiranii, sokhranении i izuchenii fol'klora* [Multimedia and digital technologies in the collection, preservation and study of folklore]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2012. pp. 22–29 (in Russian).
4. Aleksandrov E. V. *Opyt rassmotreniya teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizual'noy antropologii* [Experience in considering theoretical and methodological problems of visual anthropology]. Moscow: MSU Publ., 1999. 99 p. (in Russian).
5. Klyaus V. L. Audiovizual'naya fol'kloristika: istoriya i problematika [Audiovisual folkloristics: history and problematics]. *Novye rossiyskie gumanitarnye issledovaniya – New Russian Humanities Research*, 2019, no. 14, pp. 139 (in Russian).
6. Gatsak V. M. Predislovie [Preface]. In: Klyaus V. L., Minenok E. V. (eds) *Mul'timediynye i tsifrovye tekhnologii v sobiranii, sokhranении i izuchenii fol'klora* [Multimedia and digital technologies in the collection, preservation and study of folklore]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2012. pp. 6–7 (in Russian).
7. Forum: Vizual'naya antropologiya [Forum: Visual Anthropology]. *Antropologicheskii forum – Anthropology Forum*, 2007, no. 7, pp. 6–108 (in Russian).
8. Klyaus V. L., Voronkov S. O., Semenov A. A. Proekt sozdaniya «Ekspeditsionnogo mul'timediynogo programmnoy kompleksa» [The project of creation of «Expedition multimedia software complex»]. In: Klyaus V. L., Minenok E. V. (eds) *Mul'timediynye i tsifrovye tekhnologii v sobiranii, sokhranении i izuchenii fol'klora* [Multimedia and digital technologies in the collection, preservation and study of folklore]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2012. pp. 84–94 (in Russian).
9. Vovchak A. S., Dobryanskaya L. A. L'vovskie elektronnye arkhivy ukrainskogo fol'klora [Lviv electronic archives of Ukrainian folklore]. In: Klyaus V. L., Minenok E. V. (eds) *Mul'timediynye i tsifrovye tekhnologii v sobiranii, sokhranении i izuchenii fol'klora* [Multimedia and digital technologies in the collection, preservation and study of folklore]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2012. pp. 38–46 (in Russian).
10. Pauells L. Reprezentiruya dvizhushchiesya kul'tury: problemy i vozmozhnosti antropologicheskoy i sotsiologicheskoy refleksii [Representing Moving Cultures: Challenges and Opportunities anthropological and sociological reflection]. In: Yarskaya-Smirnova E., Romanov P. (eds) *Vizual'naya antropologiya: nastroyka optiki* [Visual Anthropology: Adjusting the Optics]. Moscow: Variant Publ., TsSPGI Publ., 2009. pp. 126–149 (in Russian).
11. Mis'kova E. V. Fol'klor i kino. Problema posrednichestva v etnograficheskom dialoge [Folklore and Cinema. The Problem of Mediation in Ethnographic Dialogue]. In: Pivneva E. A., Funk D. A. (eds) *V poiskakh sebya: Narody Severa i Sibiri v postsovetikh transformatsiyakh* [In Search of Self: Peoples of the North and Siberia in Post-Soviet Transformations]. Moscow: Nauka Publ., 2005. pp. 108–155 (in Russian).

12. Alekseev E. E. Fol'klor v kontekste sovremennoy kul'tury [Folklore in the context of modern culture]. Moscow: Sov. kompozitor Publ., 1988. 236 p. (in Russian).
13. Hoppál M. Ethnographic Films on Shamanism. In: Siikala A. L., Hoppál M. (eds) *Studies of Shamanism*. Helsinki–Budapest: Finnish Anthropological Society – Akademiai Kiado Publ., 1992. pp. 182–196.
14. Aronson O. V. *Kino: sobytie dokumenta* [Cinema: the event of the document]. URL: <https://flahertiana.ru/program/events.htm?id=169>. (accessed: 19.07.2024) (in Russian).
15. Danilko E. S. Problemy videofiksatsii obryadov zemledel'cheskogo kalendarya v fil'me «Uchuk» [Problems of video fixation of rites of the agricultural calendar in the movie «Uchuk»]. In: Gatsak V. M., Vladykina T. G. (eds) *Russkiy sever i vostochnye finno-ugry: problemy prostranstvenno-vremennogo fol'klornogo dialoga* [Russian North and Eastern Finno-Ugrians: Problems of Spatial-Temporal Folklore Dialogue]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS Publ., 2006. pp. 244–246. (in Russian).
16. Antropova N. A., Klyaus V. L. Zagovorno-zaklinatel'nye obryady udmurtskoy znakharki sela Bagyr v videofiksatsii [Proverbial and inflammatory phenomena of the Udmurt charmer of the village of Bagyr in video-fiction] In: Gatsak V. M., Vladykina T. G. (eds) *Russkiy sever i vostochnye finno-ugry: problemy prostranstvenno-vremennogo fol'klornogo dialoga* [Russian North and Eastern Finno-Ugrians: Problems of Spatial-Temporal Folklore Dialogue]. Izhevsk: Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the RAS Publ., 2006. pp. 246–275 (in Russian).
17. Sychenko G. B., Leonova N. V., Michkov P. A. Elektronnye formy opisaniya i problemy sozdaniya bazy dannykh muzykal'no-fol'klornogo arkhiva [Electronic forms of description and problems of creating a database of music and folklore archive] In: Klyaus V. L., Minenok E. V. (eds) *Mul'timediynye i tsifrovye tekhnologii v sobiranii, sokhranении i izuchenii fol'klora* [Multimedia and digital technologies in the collection, preservation and study of folklore]. Moscow: IMLI RAS Publ., 2012. pp. 148–155 (in Russian).

Konstantin A. Sagalaev.

Junior researcher.

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: bigbeatle@inbox.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Биткеева А. Н.** Доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям. **Институт языкознания РАН.** Пер. Большой Кисловский, 1/1, Москва, 125009. Ведущий научный сотрудник. **Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.** Ул. Поварская, 25а, стр. 1, Москва, 121069. E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com
- Бухарова Г. Х.** Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник. **Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук.** Пр. Октября, 71, Уфа, 450054. E-mail: buharova_g@mail.ru
- Винклер М.-Э. А.** Младший научный сотрудник. **Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России, Институт языкознания РАН.** Пер. Большой Кисловский, 1, стр. 1, Москва, 125009. **МГУ им. М. В. Ломоносова.** Ленинские горы, 1, Москва, 119991. E-mail: mw@iling-ran.ru
- Григорьева А. С.** Младший научный сотрудник. **Институт филологии СО РАН.** Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090. E-mail: a.grigoreva7@g.nsu.ru
- Добрынина А. А.** Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. **Институт филологии СО РАН.** Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090. E-mail: ekinur@mail.ru
- Дырхеева Г. А.** Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник. **Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.** Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047. E-mail: an5dag1@mail.ru
- Ишмухаметова А. Ш.** Младший научный сотрудник. **Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН.** Пр. Октября, 71, Уфа, 450054. E-mail: ishmuhametova_anita@mail.ru
- Ковылин С. В.** Доцент. **Томский государственный педагогический университет.** Ул. Киевская, 60, Томск, 634061. Старший научный сотрудник. **Лаборатория «Лингвистические платформы», Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.** Ул. А. Солженицына, 25, Москва, 109004. E-mail: kovylin.ser@yandex.ru
- Напольских В. В.** Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, научный сотрудник. **Институт истории и археологии УрО РАН.** Ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108. **Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.** Пр. Вернадского, 82, Москва, 119606. E-mail: vovia.nar@ya.ru
- Норманская Ю. В.** Доктор филологических наук, главный научный сотрудник, ведущий научный сотрудник. **Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.** Ул. А. Солженицына, 25, Москва, 109004. **Институт языкознания РАН.** Пер. Большой Кисловский, 1, Москва, 125009. E-mail: julianor@mail.ru

- Озолия Л. В. Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: larisa-3302803@rambler.ru
- Сагалаев К. А. Младший научный сотрудник.
Институт филологии Сибирского отделения РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: bigbeatle@inbox.ru
- Селютина И. Я. Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник.
Институт филологии Сибирского отделения РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: siya_irina@mail.ru
- Хилханова Э. В. Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.
Институт языкознания Российской академии наук.
Пер. Б. Кисловский, 1/1, к. 28, Москва, 125009.
E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
- Шестера Е. А. Преподаватель.
Новосибирский государственный технический университет.
Пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073.
E-mail: elena-schestera@mail.ru
- Шиндрова К. В. Младший научный сотрудник.
Институт филологии СО РАН.
Ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090.
E-mail: ksenia.shindrova@yandex.ru

AUTHORS

- Chudova T. I.* Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor,
Professor of the Department of Russian History and Foreign Countries.
Institute of History and Law, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.
Oktyabrskiy ave., 55, Syktyvkar, Russia, 167001.
E-mail: ChudovX@mail.ru
- Bitkeeva A. N.* Doctor of Philology Sciences, Head of the Research Center on Ethnic and Language Relations.
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Bolshoy Kislovsky lane, 1, build 1, Moscow, Russia, 125009.
Leading researcher.
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.
Povarskaya str., 25a/1, Moscow, Russia, 121069.
- Bukharova G. Kh.* Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher.
Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.
Pr. Oktyabrya, 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: buharova_g@mail.ru
- Dobrylina A. A.* Candidate of Philology,
Senior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: ekinur@mail.ru
- Dyrkheeva G. A.* Doctor of philology sciences, chief researcher.
Institute for Mongolian and Buddhist Studies RAS.
Sakhyanova str., 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.
E-mail: an5dag1@mail.ru
- Grigorieva A. S.* Junior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: a.grigoreva7@g.nsu.ru
- Ishmukhametova A. Sh.* Junior Research Associate.
Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the RAS.
Oktyabrya Ave., 71, Ufa, Russia, 450054.
E-mail: ishmukhametova_anita@mail.ru
- Khilkhanova E. V.* Doctor of philology sciences, associate professor, leading research fellow.
Institute of Linguistics RAS.
Bolshoy Kislovskiy lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: erzhen.khilkhanova@iling-ran.ru
- Kovylin S. V.* Assistant professor of the department of indigenous languages of Siberia.
Tomsk State Pedagogical University.
Kievskaya str., 60, Tomsk, Russia, 634061.
Senior research fellow.
Laboratory "Linguistic Platforms" Ivannikov Institute for System Programming of the RAS.
Solzhenitsyn str., 25, Moscow, Russia, 109004.
E-mail: kovylin.ser@yandex.ru
- Napostikh V. V.* Doctor of history, Correspondent member of the Russian Academy of Sciences, Head researcher.
Institute for History and Archaeology, Uralic Branch of the Russian Academy of Sciences.
Sof'i Kovalevskoy str., 16, Yekaterinburg, Russia, 620108.
Leading Research Fellow, School of Contemporary Humanities Studies,
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation.
Vernadsky Ave., 82, Moscow, Russia, 119606.
E-mail: vovia.nap@ya.ru

- Normanskaja J. V. Doctor of Philology, Chief of the Laboratory.
Ivannikov's Institute of System Programming of the Russian Academy of Sciences.
A. Solzhenitsyn str., 25, Moscow, Russia, 109004.
Doctor of Philology, Leading Researcher.
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
Bolshoy Kislovsky lane, 1, Moscow, Russia, 125009.
E-mail: julianor@mail.ru
- Ozolinya L. V. Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: larisa-3302803@rambler.ru
- Sagalaev K. A. Junior researcher.
Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva str, 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: bigbeatle@inbox.ru
- Selyutina I. Ya. Doctor of Philology, Professor,
Chief Researcher of the Laboratory of Experimental Phonetic Researches of the Siberian Languages.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: siya_irina@mail.ru
- Shestera E. A. Lecturer.
Novosibirsk State Technical University.
Karl Marx Ave., 20, Novosibirsk, Russia, 630073.
E-mail: elena-schestera@mail.ru
- Shindrova K. V. Junior Researcher of the Department of the Languages of the Peoples of Siberia.
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Nikolaeva Str., 8, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: ksenia.shindrova@yandex.ru
- Winkler M. E. Junior researcher.
**Research Center for the Preservation,
Revitalization and Documentation of the Languages of Russia,
Institute of linguistics RAS.**
Bolshoy Kislovsky lane, 1, bld. 1, Moscow, Russia, 125009.
Lomonosov Moscow State University.
Leninskiye Gory, 1, Moscow, Russia, 119991.
E-mail: mw@iling-ran.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc и pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в порядке упоминания источников;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в порядке упоминания источников – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические ос-

новы и основные результаты);

- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в порядке упоминания источников (**источники на русском языке – в транс-литерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон.

Список литературы (не менее 15 источников) предполагает полные библиографические сведения обо всех публикациях и источниках, упоминаемых в статье, и не должен содержать работы, на которые нет ссылок в тексте, также желательно преобладание публикаций последних лет издания. В случае если статья на русском языке, в конце приводится список литературы на русском языке. Далее, после краткой аннотации статьи на английском языке приводится **список литературы на английском языке**, где русскоязычные источники сопровождаются **транслитерацией латиницей и переводом** автора и названий публикаций на английский язык [**v kvadratnyh skobkah**]).

ISSN 2307-6119

9 772307 611005

